

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

КИТАЙСКИЕ
ПОВЕСТИ
XVII ВЕКА

8И(Кит)

В64

Ответственный редактор

В. Ф. СОРОКИН

*Составление, перевод, предисловие
и комментарий*

Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКОГО

Стихи в переводе

И. СМЕРНОВА

В $\frac{4703000000-002}{013(02)-82}$ 193-82.

8И(Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

СЮЦАЙ В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Тревожна-тревожна жизнь и несладка —
Жаждешь богатства,
но нет и достатка.
Как черепаха, голову спрятать умей,
будь скромел, живи с оглядкой.
Достигнув и малой меры довольства,
остановись поскорей.
Помни, что жизнь перемен полна —
никогда не действуй вслепую,
Как те, кто годы молодые свои
тратят напропалую,
Жизнь проживают впустую.
Кто же не хочет
Злата иметь сполпа?
Кто не мечтает
О тысяче мер зерна?
Но, по Пяти Стихиям гадая,
Поймешь, что дорога богатства
обманчива и страшна:
Растрату душевных сил
и крах твоим планам сулит она.
Помни к тому же, что детям и внукам
своя судьба суждена.
Так зачем искать волшебное зелье,
мечтать попасть на Пэнлай?
Удовольствуйся малым,
Многого не желай!

Говорят, что эти стихи, поучающие людей с радостью внимать воле небес и слушать судьбу, сочинил некий пнок Хуэйань — Темная Обитель¹. И правда, все живущие в этом мире в тысячах и тысячах децинь своих не могут выйти за пределы судьбы. Если она что-то предначертала, значит, так тому и быть. Но если судьбою не предписано, значит, ничего не добьешься, как

ни бейся. Пустые потуги! Не забудь, ведь ты не сюдай Сыма Мао, который когда-то взбаламутил все царство владыки ада Яньло.

— Рассказчик! Как же ничтожный сюдай мог потревожить обитель правителя ада? Кто прав оказался тогда, а кто ошибался?

— А вот, послушайте, почтешные, что я вам расскажу. Но прежде — стихи:

В нашем мире много обид,
и меньше покуда не стало.
А хочешь правду пайти — по ступеням
вверх устремись на небо.
Но пусть тебе не покажется страшным,
что и там справедливости мало.
Помни, что жизни смертных людей
единая нить связала.

Рассказывают, что во времена государя Линди династии Восточная Хань² в округе И области Шу³ жил один ученый муж — Сыма Мао. Природа наградила этого человека редким умом, как говорят в таких случаях: взором одним он может схватить десять строк кряду. Когда ему исполнилось восемь лет, власти из области направили одаренного отрока в столицу. А надо вам знать, что мальчик был не слишком сдержан в речах. Он нагрубил экзаменаторам, и его вернули домой. Когда Сыма вырос, он, конечно, раскаивался в своем легкомыслии и стал более осторожен в словах и поступках. Он заперся в доме и занялся науками, нисколько не интересуясь тем, что происходит в мире. Когда умерли его родители, он возле их могил соорудил хижину, в которой прожил целых шесть лет, заслужив похвалу за свою сыновнюю почтительность. Земляки много раз советовали ему сдавать экзамены на ученую степень сяоляня — Почтительного и Бескорыстного Мужа⁴. Некоторые говорили, что надобно поехать ему на экзамены Обширной Учености⁵ или сдавать испытания Истипы-Дао⁶. Но Сыма, нахмурившись, отвечал, что это не для него. Ученая стезя, мол, захвачена людьми, обладающими властью и силой. И, действительно, в годы Сняющей Гармонии⁷, когда государь Линди учредил Западные Палаты, при дворе стали продаваться чиновные звания и титулы. На каждую должность, будь то высокая или самая мелкая, была установлена цена. Кто больше внес денег, тот получал и высокий пост. Напри-

мер, чтобы стать одним из трех гунов⁸, надо было заплатить целых десять миллионов. Должность казначейщика оценивалась в пять миллионов. Некий Цуй Ле, заручившийся поддержкой государевой кормилицы, выложил пять миллионов и получил должность сыту — министра по делам государственных финансов. Когда он пришел поблагодарить государя, Линди с огорчением заметил придворным:

— Такой видный пост, а так легко отделался! Надо было его поприжать, и он выложил бы все десять миллионов!

Вскоре государь Линди открыл Училище Хундумень и повелел правителям всех областей и округов, а также и трем гунам отобрать для учения отпрысков богатых семей. Кто больше платил, тот сразу же становился столичным инспектором и даже получал должность начальника ведомства. Правда, мужи из благородных фамилий стыдились считать его себе ровней.

Что до Сыма Мао, то он был беден и не имел поддержки влиятельного лица. Не удивительно, что он прозябал до пятидесяти лет и жил в обидном забвении, несмотря на свои обширные знания и талант. Можно представить себе, сколь тягостна была для него такая несправедливость. Однажды в минуту опьянения он сложил стихи, прочитал их вслух, а потом, придвинув четыре драгоценности кабинета⁹, написал их на бумаге. Вот стихи, которые он назвал «Обида»:

Небо талантом меня наградило,
по мой печален удел.
Первым героем мнил я себя,
а в жизни не преуспел.

Мне пятьдесят, а успеха нет,
путь мой зарос травой.
Другие разбогатели давно
и вполне довольны собой.

Нет за душою у них ничего,
по и деньги ведь не пустяк:
Богатый тучу успел оседлать,
в грязи копошится бедняк.

Все смешалось, и не поймешь,
где глупый, а где мудрец.
Хочу, чтобы стал мой жизненный путь
ровен и прям наконец.

Но разве об этом узнает Небо
и исполнит мою мечту?
Я дописал свой последний стих
и печальные слезы лью.

Закопчив писать, Сыма прочитал стихи вслух. Ему показалось, что в них чего-то не хватает, и он дописал еще несколько строк:

Известно давно:
потери, богатство, успех
Бывают заранее
предрешены для всех.

Спросить бы у тех,
кто расчислил жизнь паперед,
Почему же судьба
по заслугам не воздаст?

Достойный в безвестности
коротает свои года,
Злодей обретает
почет и достаток всегда.

Если б Яньваном
стать, хоть на миг, сумел,
Сколько неправедных
исправил бы в жизни и дел!

Тем временем стемнело, и сюдаю пришлось зажечь лампу, при свете которой он прочитал свои стихи еще несколько раз. И вдруг, охваченный необъяснимой яростью, он схватил листы и поднес их к огню.

— О Небо! — воскликнул он. — Всю жизнь я старался быть прямым и честным, мне неведомы были коварство и подлость. Уверен, что, если бы я попал в царство Яньло, я и там бы сохранил твердость духа и никого бы не испугался! Небо! Если ты способно что-то понять, ответь мне!

И тут он почувствовал в теле странную усталость, прислонился к столу и задремал... Вдруг видит, откуда-то снизу выскакивают семь или восемь демонов в одеянии воинов. Морды темные, изо рта торчат клыки, ростом чуть побольше трех чи.

— Сюдай! — заверещали они. — Как ты смеешь хулить Небо и Землю! Как смеешь клеветать на преисподнюю! Какими талантами и знаниями ты обладаешь, что осмелился на подобный грех? Мы пришли за то-

бой,— сказали с усмешкой,— сейчас отведем тебя к самому владыке Яньло. Пред ним наверняка рот свой раскрыть убоишься!

— Ваш владыка Яньло сам несправедлив! — воскликнул Сыма.— А еще обвиняет других в клевете! Разве это дело?

Услышав такие слова, обитатели преисподней подбежали к сюцаю, схватили его за руки и за ноги, стащили с сиденья, накинули на шею черную веревку и потащили. Сюцай закричал дурным криком и проснулся весь в холодном поту. Смотрит, лампа едва мерцает, вот-вот погаснет. Жуткий сон! Сюцай даже мороз продрал. Охваченный недобрым предчувствием, он позвал жену, урожденную Ван, и велел принести чашку горячего чая. Выпив, он вдруг почувствовал, что сознание его будто помутилось, тело обмякло, голова отяжелела, а в ногах появилась странная слабость. С помощью супруги он едва дошелся до ложа и лег.

На следующий день, когда жена окликнула его, муж не отозвался. Сюцай лежал в беспамятстве, охваченный непонятным педугом. К вечеру у него и вовсе прервалось дыхание, и он будто бы умер. Госпожа Ван, заливаясь слезами, прикоснулась к нему. Ей показалось, что руки и ноги еще мягкие, а тело возле сердца вроде бы теплое. Сев у изголовья, она зарыдала.

В этом месте, уважаемые, мы прервем наш рассказ и вспомним тот момент, когда Сыма Мао, написав стихи под названием «Обида», сжег их в пламени лампы. Оказалось, об этом поступке проведал дух по имени Ночной Скиталец. Он-то и доложил о сюцае Яшмовому Владыке¹⁰.

— Этот сюцай смеет заявлять, что Небо поступает предвзято! Ничтожный невежественный кпжжжик! Как будто неизвестно, что смертные люди с их взлетами и падениями находятся во власти своей судьбы. Он утверждает, что умный должен быть наверху, а пегодник где-то внизу, талантливый должен прославиться, тупицу нужно отправить вниз. И тогда в Подп небесной воцарится мир на все времена, а воды и реки не выйдут из своих берегов. Он смеет говорить, что Небо пристрастно! Какая чушь! Надо немедленно его показать в пазида-ние другим, кто лживые речи глаголет!

Но Тайбо — дух Золотой Звезды¹¹ заметил:

— Сыма Мао неосторожен в речах, это верно. Но ведь у него, правда, злая судьба, между тем как он обладает блистательным талантом. Понятно, что сюцай в душе глубоко обижен. Верно, слова его действительно опрометчивы, но они далеко не ошибочны, если к тому же помнить старую истину: добро приносит богатство, а зло влечет беды. А посему можно простить этого человека.

— Но ведь он заявил, что хочет стать самим Владыкой ада Яньло и навести порядок в делах людей! Бредни безумца! Может ли простой смертный стать господином преисподней? У Яньло целые горы судебных дел и разных бумаг, так что судьи всех Десяти Дворцов ада¹² не успевают даже вовремя поесты! И этот книжник думает, что ему под силу разобрать и решить весь этот ворох бумаг! Так уж он умен!

— Если он это серьезно говорит, значит, его таланты на самом деле велики, — сказал Тайбо. — К тому же в царстве Яньвана, действительно, немало странного и несправедливого. Сколько таких дел скопилось за много столетий! Понятно, что дух обиды постоянно устремляется вверх, достигая Небесного Чертога¹³. По моему неразумному мнению, надо отправить сюцая в преисподнюю и назначить Владыкой ада хотя бы на полдня. Пусть разрешит все жалобы да обиды. Если судить он будет честно, можно будет простить его прегрешения. Если же суд его окажется несправедливым или глупым, следует его наказать. Вот тогда, может быть, он и сам все поймет!

Яшмовый Владыка согласился с мнением духа Золотой Звезды и послал его с приказом в царство теней. Владыке Дворца Сэньло¹⁴ повелевалось вызвать Сыма и временно передать ему трон — ровно на половину суток, чтобы он решил все дела, которые скопились в преисподней. Коль будет судить справедливо, в будущей жизни получит богатство и станет знатным, что будет наградой за невзгоды в его нынешней жизни. Но если суд будет плохим, сюцая бросят в ад Фэнду¹⁵, откуда он уже больше никогда не вернется в мир людей. Получив наказ Яшмового Владыки, Яньло послал к сюцаю демона из породы Непостоянных¹⁶ и приказал ему привести его в Темное Царство.

Сюцай нимало не испугался адского посланца и от-

правился за ним в путь. Возле Дворца Сэньло бес приказал ему встать на колени.

— Кто там сидит на возвышении? — спросил его Сыма. — С какой стати мне ползать перед ним на коленях?

— Это сам государь Яньло, Владыка ада! — закричал бес.

— Государь Яньло! — обрадовался сюцай. — Меня зовут Сыма! Я давно хотел встретиться с тобой, чтобы выложить тебе все свои обиды. Наконец-то я тебя увидел! Государь, ты сидишь высоко на своем троне Владыки Темного Царства. По бокам от тебя судьи, вокруг — тысячи демонов-стражей с бычьими и лошадиными мордами. В общем, есть кому тебя поддержать, есть кому помочь! А я, Сыма Мао, всего лишь бедный сюцай. Вот стою я сейчас пред тобой — один, как перст, и вся моя жизнь, как и смерть находятся в твоих руках. Решай же их по справедливости и не прибегай к грубой силе. Недаром говорят, что силен лишь тот, у кого истина!

— Я, одинокий, удостоился чести стать Владыкой Темного Приказа и все дела вершил по законам Небесного Пути, — сказал Яньло. — Ну, а ты? Какими добродетелями и талантами ты обладаешь, чтобы заменить меня на этом посту? Какие дела собираешься ты исправлять?

— Владыка! Ты сказал о Небесном Пути. Но ведь сутью его должна быть любовь к людям и справедливость, дабы поощрять добро и наказывать зло. А что делается в нынешнем мире? Алчные скряги имеют горы богатства, а у тех, кто способен на добрые дела, нет ничего. Иные, жестоко терзая других, занимают высокое место, что позволяет им больше творить злодеяний. Между тем тот, кто честен и готов помочь другому, вынужден терпеть унижения, беды и жить не так, как хотел бы. Злые постоянно обманывают бедняков, а тупицы измываются над одаренными. Вот и получается, что человеку негде высказать обиды, негде пожаловаться на злоключения. А все оттого, что твои решения, владыка, несправедливы. Возьмем, к примеру, меня, Сыма Мао. Всю свою жизнь я усердно учился и вел себя достойно, как подобает почтительному сыну. И никогда не таил я в душе ничего, что перечило бы воле небес.

А какой результат? Бедствовал всю свою жизнь и корчился где-то внизу, ниже всяких посредственностей. Если так меняются местами ум и глупость, то для чего ты пужен, владыка Яньло? Коли в адском дворце правил я, Сыма Мао, я не допустил бы несправедливости!

— Сдеянное людьми Небо оценивает точно,— усмехнулся Яньло.— Расплата может произойти раньше или позднее, она бывает открытой и скрытой, но она непременно происходит, если не в предшествующей жизни, то в настоящей, если не в нынешней, то в будущей. Вот, например, живет какой-нибудь скряга-богач. Его состояние построено на бедах других людей в прошлой жизни. Если сейчас этот скупец не делится богатствами, не сев их подобно тому, как бросают в поле зерно, значит, в грядущей жизни к нему непременно придут голодные демоны. Точно так же какой-нибудь теперешний бедолага стал тем, что он есть, из-за прошлых проступков своих. Видно, когда-то он недобрыми путями собирал богатства или имел слишком много удовольствий, вот сейчас и приходится мыкаться в бедности. Однако же надобно помнить: коли ты, собравшись с волей небес, творишь добро, в следующей жизни у тебя хватит одежды и пищи. Отсюда следует, что жестокосердный человек, который нынче радуется богатствам своим и почету, не избежит будущего краха. Наоборот, человек бескорыстный и добропорядочный непременно прославится, хотя сейчас ему и приходится испытывать унижения. Все, что я сказал тебе,— истина, в коей не следует сомневаться. Не забывай, что простой смертный видит лишь то, что перед глазами, а взор Неба устремлен в глубинную даль. Человеку не дано знать того, о чем ведаёт Небо. Твои нынешние речи сумбурные и путаные потому, что мысли твои мелкие, а знания слабые.

— Владыка, ты говоришь, что воздаяние за поступки, которое свершается в Темном Приказе, всегда безупречно. Но разве в преисподней нет обиженных душ? — возразил Сыма.— Дай мне проверить какие-нибудь дела, если, конечно, не боишься их показать. Коли они решены справедливо, а люди, которых они касались, согласны с приговором, значит, я, Сыма Мао, добровольно приму наказание за лживые речи свои.

— Верховный владыка как раз повелел на половину

суток отдать тебе мой трон, дабы ты расследовал кое-какие дела. Но помни, если покажешь свою бесталанность, тебя бросят навечно в ад Фэнду, и ты больше никогда не вернешься к людям, если же суд твой окажется справедливым, в будущей жизни ты станешь богатым и знатным.

— Приказ Яшмового Владыки точь-в-точь совпадает с моим желанием, — сказал сюэцай.

Яньло поднялся с трона и повел Сыма в дальнюю часть дворца переодеться. Сыма падел шляпу, о которой говорят, что она вровень с небом¹⁷, облачился в халат, расшитый драконами, и падел нефритовый пояс. В парадной одежде стал он вылитый владыка Яньло. Демоны-стражи тут же забили в барабаны, возвещая об открытии присутствия:

— Новый владыка Яньло шествует в присутственную залу! — завопили они.

По обеим сторонам залы рядами выстроились сановники приказов, ведающих добрыми и злыми делами, судебные чины шести отделов, разные судьи и мелкие демоны-исполнители. Сыма Мао с нефритовой табличкой¹⁸ в руках вошел торжественно в залу и поднялся на возвышение, где стоял трон. После поклонов, которые свершили перед ним чины всех приказов и стражи, новый государь Яньло потребовал принести табель с приговорами.

«Много чудес и удивительных деяний рождается в пределах Четырех морей и Пяти хребтов, — подумал он, — а Верховный Владыка отвел мне всего половину суток. Если я не кончу всех дел, он посчитает меня за полное ничтожество и накажет, то-то будет позор!» — Тут в голове сюэцай родилась одна мысль, и он, обратившись к подчиненным, сказал:

— Владыка для расследования дел отвел мне всего половину суток. За такой срок, конечно, не проверить приговоров. Принесите-ка какие-нибудь особо старые, наиболее трудные и запутанные дела, пролежавшие не одну сотню лет без решения. Я расследую несколько, и мои приговоры станут образцом для вас, судей Темного Царства.

— Есть у нас четыре дела, которые валяются уже больше трехсот лет. Государь, разреши их!

— Несите сюда!

Принесли старые судебные дела. Сючай развернул свиток и прочитал:

Дело первое. «О несправедливой казни верно-подданных».

Истцы: Хань Синь, Пэн Юэ, Ин Бу.

Ответчики: Лю Бан, государыня Люй.

Дело второе. «О злой каре, которую повлек добрый поступок».

Истец: Дингун.

Ответчик: Лю Бан.

Дело третье. «О захвате власти».

Истица: госпожа Ци.

Ответчица: госпожа Люй.

Дело четвертое. «О принятии вынужденной смерти в минуту опасности».

Истец: Сян Юй.

Ответчики: Ван И, Ян Си, Ся Гуан, Люй Матун, Люй Шэн, Ян У.

Перелистав свитки, сючай громко расхохотался.

— Отчего же они до сих пор не решены? — спросил он. — Чиновники шести отделов должны были расследовать злодеяния, указанные в бумагах, однако до сего дня это не сделано. Сразу видно, что прежний владыка Яньло, следуя заведенному порядку, привык откладывать дела в долгий ящик¹⁹.

И он приказал демонам-исполнителям привести для показаний истцов и ответчиков, которые упоминались в четырех делах. Приказ нового владыки вызвал переполох во всей преисподней и внес большую сумятицу. На этот счет есть такие стихи:

Тайный суд всегда совершался,
как исстари заведено.
И в темном приказе, и в светлом мире
равновесье царило давно.

Но вот сегодня сючай Сыма Мао,
нарушив весь ритуал,
Жалобы сразу за тысячу лет
представить ему приказал.

— Подсудимые доставлены, владыка! — доложили демоны-исполнители. — Можно вершить суд!

— Подайте первое дело! — распорядился Сыма.

Один из судей громко прокричал:

— Слушайте имена по делу первому! — И он назвал имена пятерых, упомянутых в первом свитке.

— Истцы: Хань Синь²⁰, Пэн Юэ, Ин Бу — все здесь. Ответчики: Лю Бан²¹, государыня Люй — оба здесь.

Сыма подозвал Хань Синя.

— Ты сначала служил Сян Юю²², имея лишь чин ланчжуна²³. Занимая сей пост, ты не внимал его речам и не следовал его планам. Впоследствии ты встретил Лю Бана — основателя династии Хань и удостоился чести стать его полководцем. Ты, как говорится, толкал его колесницу вперед, за что получил титул князя. Ответствуй, почему ты поднял мятеж, за который в конце концов и был казнен? И отчего пынче ты выступаешь с жалобой на своего господина?

— Ваше величество, владыка Яньло, я подробно все объясню. Действительно, я удостоился милости ханьского государя, став его полководцем. Верой и правдой служил я ему: проложил дорогу в горах, чтобы незаметно переправиться в Чэньцан²⁴; ради ханьского князя я трижды усмирял государство Цинь. Я даже спас князю жизнь у Жунъяна, пленил вэйского Ванбао, разгромил войска Дая, полонил Се — удельного князя Чжао. На севере я усмирил княжество Янь, а на востоке — Ци, захватив свыше семидесяти городов. На юге я нанес поражение двухсоттысячной армии Чу, умертвил знаменитого полководца Лун Це. В горах Цзюлишань я в десяти местах устроил засады и разгромил чускую армию, после чего послал шесть генералов против Сян Юя и принудил его принять смерть у переправы на Черной реке — Уцзян. Мне казалось, что все эти великие подвиги обессмертят в веках не только меня, но сынов моих и внуков, принесут им богатство и славу. Кто мог подумать, что основатель Хань, завоевав Поднебесную, забудет мои заслуги и даже понизит в чине! Дальше — больше. Государыня Люй вместе с Сяо Хэ, придумав коварнейший план, оклеветала меня во Дворце Вечной Радости. Государь, не разобравшись, приказал схватить меня, связать и казнить, как мятежника, а род мой в трех поколениях весь истребить. Я знаю, что на мне нет вины, так за что же такая жестокая кара? Свыше трехсот пятидесяти лет душит меня эта неотплаченная обида. Низко склоняюсь пред тобой, о владыка, и прошу свершить суд справедливый!

— Если ты действительно был смелым воякой и не мыслил о бунте, неужели никто не постоял за тебя, никто не дал доброго совета? Ведь тебя оклеветали, обманули, спеленали, будто младенца. На кого же ты намерен теперь жаловаться?

— На полководца по имени Куай Тун. Он предал меня, как говорится, на полпути.

Сыма приказал демонам немедленно привести на допрос Куай Туна.

— Хань Синь сказал, что в начале пути ты был с ним, а потом убежал с полдороги, не выполнив долг полководца. Почему ты так поступил?

— Дело не в том, что я будто бы бросил Хань Синя на полпути, а в том, что он вовремя меня не послушал. В свое время, когда Хань Синь разгромил и прогнал Тянь Гуапа — князя Ци, я послал в Лоян²⁵ прошение, в котором требовал даровать ему титул князя, чтобы задобрить и успокоить людей Ци. Ханьский государь, узнав об этом, очень разгневался.

— Ублюдок! — закричал он, охваченный яростью. — Страна Чу еще не повержена в прах, а он уже мечтает о титуле князя!

В это время Чжан Цзыфан, который шел позади ханьского владыки, шепнул ему на ухо:

— Государь! Когда берешь в услужение людей, помни о крупном и не разменивайся на мелочи.

Государь, сразу переменяв тон, сказал:

— Большой человек должен иметь титул настоящий, а не поддельный! — И он приказал составить бумагу с печатью о присвоении Хань Синю титула князя Трех Ци²⁶. Я понял, что государь относится к Хань Синю с подозрением, и когда-нибудь пойдет против него. И тогда я посоветовал Хань Синю выступить против Лю Бана и, соединившись с Чу, расчленить Поднебесную на три части. Мне хотелось узнать о замыслах Хань Синя, и он мне сказал:

— Когда я принял пост полководца от Лю Бана, мы дали клятву друг другу, что ни он не предаст меня, ни я его. Я не могу нарушить свое слово.

Много раз я пытался убедить его и приводил разные доводы, но всякий раз он отвергал их, а как-то даже сказал, что я подбиваю его на предательство и бунт. Испугавшись расправы, я сделал вид, что лишился рас-

судка, и бежал в родные места. Потом Хань Синь помог ханьскому государю разгромить Чу, а вскоре стряслась беда во Дворце Вечной Радости. Раскаиваться было уже поздно!

Сыма обратился к Хань Синю.

— Почему же ты не послушался Куай Туна? У тебя было что-то на уме?

— Один ворожей по имени Сюй Фу гадал мне, что я проживу семьдесят два года и до самой смерти мне будут сопутствовать почет и слава. Вот почему я и не захотел тогда выступать против ханьского владыки. Мог ли я предполагать, что смерть меня настигнет раньше?

Сыма приказал немедленно привести на допрос ворожея Сюй Фу.

— Ты предрек, что Хань Синь проживет семьдесят два года, а на самом деле он погиб, когда ему исполнилось тридцать два. Ты все творишь свою волшебную лживую вещаешь о злой и доброй судьбе. В погоне за деньгами ты морочишь голову людям. Мерзко, очень мерзко!

— Выслушай меня, о владыка Яньло! — вскричал гадатель. — Есть поговорка: «Жизнь человека может продлиться, а может прерваться». Поэтому нам, ворожеям-звездочетам, трудно судьбу предсказать. Как показало гадание, Хань Синь должен был дожить до семидесяти двух лет. Я говорю истинную правду. Но сей муж так много убивал в своей жизни, что это повредило его скрытым достоинствам. Вот почему пресеклись его годы. О владыка, в моем гадании не было никакой ошибки.

— Каким же образом он себе навредил? Объясни подробней!

— В самом начале случилось, что Хань Синь, отвергнув чусцев, подался к жителям Хапъ. Однажды он заблудился, но, к счастью, два дровосека вывели его на дорогу в Наньчжап. Опасаясь, что чуский князь послал за ним погоню, а дровосеки смогут проболтаться, он мечом зарубил их обоих. Быть может, говорить об этих простолюдниках и не стоит, по все ж они ему сделали доброе дело, а он отплатил им черной неблагодарностью. Это — самое крупное его преступление. Недаром есть стихи:

Копчилась жизнь, и душа улетела,
как стрела умчалась она.
Раз сбился с пути и брод потерял,
непреренно дорогу найди.

Коль на добро не ответил добром,
несчастья ждут впереди.
Стала короче на десять лет
жизнь, что тебе суждена.

— Но ему оставалось еще тридцать лет жизни! —
воскликнул Сыма, на что ворожей ответил:

— Помните, как в свое время канцлер Сяо Хэ трижды выдвигал Хань Синя? Ханьский государь, дабы восславить Хань Синя, велел построить помост в три чжана высотой. Там он вручил воину золотую печать и нарек полководцем. Хань Синь принял с охотой свой титул. Между тем стихи говорят:

Полководец взошел на высокий помост
и основы власти потряс.
Заглушая совсем императора голос,
гремел военный приказ.

Был мелким вассалом, а ныне ему
государь отбивает поклон.
Потому-то еще на десяток лет
прожил меньше на свете он.

— Если государь кланяется своему вассалу, это может, действительно, кончиться бедой, — заметил Сыма. — Но у него было еще двадцать лет жизни!

— А вспомните краснбая Лишэна, который уговорил циского князя Тянь Гуана сдать княжеству Хань. Тянь Гуан много дней кряду пил вино и веселился вместе с Лишэном, а Хань Синь, воспользовавшись тем, что князь Ци не ожидал подвоха, внезапно напал на него и разгромил. Тянь Гуан решил, что был предан Лишэном, и казнил его, изжарив живьем. А что сделал Хань Синь? Будто забыв, что князь Ци по совету Лишэна решил сам перейти на сторону Хань, он присвоил всю славу себе. Вот почему есть такие стихи:

Один уговаривал циского князя
добровольно пойти на мир.
Другой панес внезапный удар,
пока продолжался пир.

Славу Линшэна присвоил себе
и душу его загубил.
И тем еще на десяток лет
жизнь свою сократил.

— Объяснение понятно! Но ведь осталось еще десять лет.

— И они сократились, на что также есть причина. Вспомните случай, когда ханьские воины преследовали в Гулине чуского князя Сян Юя. У ханьцев тогда войск было мало, а у чусцев — большая армия. К тому же какой силой отличался Сян Юй: как говорится, он мог сдвинуть гору или поднять треножник²⁷. Но известно, что малой армией трудно одолеть многочисленную рать врага, слабый не одолеет сильного. Однако Хань Синю все же удалось в горах Цзюлишань устроить засаду сразу в десяти местах. В сражении его воины убили тысячи тысяч чуских солдат и захватили в плен многих военачальников. Сян Юй остался совсем один, и был у него лишь конь да копьё. Тогда он бежал к Черной реке и там у переправы перерезал себе горло.

На это есть стихотворение:

В высоких горах Цзюлишань собралась
духи прежних обид.
Тысячи воинов смело сражались,
и вскоре был каждый убит.

Коварный план предрешил победу —
нарушен небесный указ.
Сорок лет жизни Хань Сипь потерял
и раньше срока угас.

— Хань Синь! — обратился Сыма к полководцу. — Будешь ли оправдываться?

Хань Синь не смог ответить гадателю и лишь сказал:

— Правильно, что в свое время Сяо Хэ выдвинул меня в полководцы, но верно и другое — то, что он с помощью коварного плана обманом провел меня во Дворец Вечной Радости, где меня погубили. Таким образом, мои успехи, как и моя жестокая кончина, связаны с этим человеком. Вот почему до сих пор у меня на душе так неспокойно.

— С тобой достаточно! Теперь вызовем Сяо Хэ и допросим его, чтобы все встало на свои места.

В мгновение стражи ввели Сяо Хэ.

— Сяо Хэ! — крикнул ему владыка. — Почему явил ты двуличие: сначала выдвинул Хань Синя, а потом его погубил?

— Для этих колебаний есть причина, государь! — ответил Сяо Хэ. — Известно, что вначале судьба Хань Синя сложилась весьма неудачно, хотя и был он сильно талантлив. Об этом узнал ханьский владыка, у которого было мало способных полководцев, так что оба они оказались довольны. Никто, однако, не мог предполагать, что планы ханьского владыки изменятся и он начнет завидовать успехам военачальника! Потом, как известно, вспыхнул мятеж Чэнь Си и ханьский государь отправился в поход. Перед отъездом он приказал супруге быть начеку и пристально за всем следить. Когда владыка уехал, государыня Люй в беседе со мной сказала, что Хань Синь замышляет измену, поэтому следует, мол, его поскорее казнить. Но я отвечал так:

— Хань Синь — первый вельможа в стране, а бунт его не доказан. Сей приказ я исполнить не решаюсь!

— Ты, как видно, заодно со злодеем? — закричала государыня Люй в ярости. — Если ты его не казнишь, мой супруг, как вернется, предаст тебя суду вместе с изменником.

Испугавшись ее мести, я смирился и придумал план, как вызвать полководца во дворец. Ему сказали, что Чэнь Си разгромлен и ему-де надлежит позжаловать к трону с поздравлениями. Когда он явился, его тотчас схватили и казнили... Сам же я никогда не помышлял об убийстве Хань Синя.

— Да, как видно, смерть Хань Синя объясняется прежде всего просчетом самого ханьского владыки Лю Бана, — проговорил Сыма Мао и приказал судьям на основе всех показаний вынести такой приговор: «В ходе следствия выяснено, что Поднебесная для дома Хань завоевана усилиями Хань Синя, однако его заслуги не были никак отмечены и не получили вознаграждения. За тысячу лет древности не случалось подобной обиды, а посему в круговращении времени следует восстановить поправную справедливость!»

Далее слушалась жалоба Пэн Юэ — князя местности Лян.

— Каков твой проступок? За что государыня Люй казнила тебя?

— Нет за мной никаких преступлений, — сказал Пэн. — В своей жизни я имел лишь одни заслуги. А дело было так. Когда государь ушел в поход на границу, государыня Люй, как известно, большая распутница, спросила однажды евпуха: скажи, мол, кто самый красивый из вассалов ханьского дома.

— Есть один красавец — Чэнь Пин, — доложил евпух.

— А где он сейчас? — спросила она.

— Пошел с государем в поход!

— А кто еще?

— Пожалуй, Пэн Юэ — лянский князь. Облик его прекрасен, и выглядит он как настоящий герой.

Государыня Люй тайно поручила евпуху привести меня во дворец. Я вошел в Зал Золотых Колокольников, но государыни там не заметил.

— Государыня поручила провести вас во Дворец Великого Доверия, дабы обсудить с вами одно тайное дело, — сказали мне.

Когда я подошел к дворцу, то заметил, что двери его открыты. У лестницы стояла сама государыня Люй, которая провела меня прямо к пиршественному столу...

После двух-трех чарок вина ее обуяла страсть. Чувствовалось, что женщина горела пламенем. В беседе она намекнула о радостях, которые ждут меня на ее ложе, однако, помня, что я всего лишь вассал государя и подчинен этикету, я решительно воспротивился, чем вызвал ее безумную ярость. Она приказала заколоть меня медным шилом, разрезать на мелкие куски и это крошево сварить, а голову выставить на дороге. Она запретила даже схоронить мои бранные останки. Когда вернулся ханьский государь, Люй сказала ему, что я замышлял измену. Разве это не обида?

Услышав речь Пэн Юэ, государыня Люй, которая паходилась тут же в зале, заплакала.

— Владыка Яньло! — сказала она обиженно. — Не слушай его! Он представил все по-своему. Всем известно, что в нашем мире мужчины заигрывают с женщи-

нами, а не наоборот. В тот раз я действительно позвала его во дворец, чтобы обсудить одно важное дело. Попав в мои хоромы и увидев богатства, он, как видно, решил, что ему все дозволено, и стал ко мне приставать. А вассал, позволивший себе вольность с женой государя, достоин смерти.

Пэн Юэ перебил женщину:

— Еще в армии чусцев она спуталась с Шэнь Шичи... Что до меня, то я даже в мыслях не помышлял о любовстрасти, ибо был всегда честен и прям!

— Ясно! Этот вопрос обсуждать нечего! — воскликнул Сыма.— Пэн Юэ говорит правду, а женщина лжет. Слушайте мой приговор: «Пэн Юэ — заслуженный и верный подданный, не допускал никакого распутства. Его честность и прямота несравненны. Эти качества он будет являть и в будущей жизни. Как и Хапъ Синь, он достоин справедливого воздаяния!»

Затем был вызван на допрос Ин Бу, цзюцзянский князь. Едва появившись в зале, он сразу же выступил с жалобой.

— Вместе с Хапъ Синем и Пэн Юэ мы добились великих заслуг, помогая ханьскому дому завоевывать реки и горы страны. Мы не помышляли ни о каком мятеже, между тем однажды, когда я веселился на берегу реки, предо мной предстал гонец от государыни Люй. Она передала мне в подарок жбан с мясным отваром. Разумеется, я поблагодарил государыню и отведал кушанье, которое оказалось отменным на вкус. Вдруг в бульоне я заметил палец. В сердце моем родилось подозрение. Я спросил у гонца, но тот, замаявшись, сказал, что ничего не знает. Рассвирепев, я приказал его пытать, после чего он признался, что угощение, которое прислала государыня, сделано из мяса лянского князя Пэн Юэ. Страшная правда меня потрясла. Не выдержав, я поспешно вскочил и, сунув палец в глотку, извергнул содержимое в реку. И что же? Кусочки мяса тут же превратились в маленьких крабов. До сих пор эти порождения обиды водятся в реке, и зовут их крабы пэнъюэ. В тот момент, не совладав с собой, я повелел казнить гонца. Как только об этом узнала государыня Люй, она тут же послала ко мне своих людей с мечом драгоценным, зельем-вином и куском шелка длиною в три чи. Она дала им наказ — доста-

вить ей мою голову. Вот так я и погиб, не успев никому ничего рассказать. О владыка! Я преклоняю пред тобой колена и прошу по справедливости решить мое дело!

— Да, три мудрых мужа погибли совсем напрасно! — воскликнул новоявленный Яньвап. — Повелеваю за верность, с коей вы служили, как кони, ханьскому дому, даровать вам три его удела. Дело прекратить!

Подсудимые, вызванные по первому делу, удалились, а в зал ввели новую группу. Истцом был Дингун, а ответчиком ханьский владыка Лю Бан. Дингун выступил с жалобой.

— Однажды на поле боя мои войска окружили ханьского государя. Он пообещал мне половину своих владений, если я его отпущу, и я согласился. Но, став государем, он велел казнить меня. Я до сих пор хожу с обидой в душе. Владыка Яньван, сверши справедливый суд!

— Что скажешь, Лю Бан?

— Этот Дингун был любимым военачальником Сян Юя. Он тайл измену, за что я его и казнил в назидание другим неверным вассалам. Какая же здесь несправедливость?

— Ты говоришь, что я проявил неверность? — вскричал Дин. — А Цзи Синь, который в Синъяпе отдал за тебя свою жизнь? Он ведь тоже был твоим верным вассалом, а ты не пожаловал ему даже ничтожного титула. Вот и выходит, что нет в твоей душе ни благодарности, ни справедливости!.. Или известная история с Сян Бо — родственником Сян Юя... Как ты помнишь, сговорившись с Фань Гуаем, он на пиру в Хунмыне бросился с мечом в руке к тебе на помощь. Проявив свою неверность, он предал тогда Сян Юя, а ты, вместо того, чтобы его казнить, почему-то даровал ему титул хоу²⁸! Или случай с воякой Юн Чи, любимцем Сян Юя. В свое время ты разгневался на него, а потом вдруг дал титул шифанского хоу... Наконец, почему ты обидел меня, назвав своим кровным врагом?

Ханьский государь молчал.

— Кажется, и это дело тоже решенное, — сказал сюпай. — Дингун, а также Сян Бо, Юн Чи могут пока удалиться и ждать приговора.

Ввели третью группу, вызванную по делу о захвате

власти. Истицей выступала Ци, а ответчицей все та же государыня Люй.

— Женщина по фамилии Ци! Ты считалась наложницей государя,— сказал Сыма.— А государыня Люй величалась первой госпожой и жила в главном дворце. Тебе хорошо известно, что по всем существующим правилам Поднебесная принадлежит ее сыну, а не твоему! Почему же ты обвиняешь ее в захвате власти? Безрассудно и глупо!

— Послушай, владыка! Однажды во время большого сражения у реки Суйшуй Дингун и Юн Чи погнались за ханьским государем, у которого оставался лишь один путь спасения — бежать к селению рода Ци — Цицзячжуан, где жила моя семья. Мой батюшка в своем доме спрятал беглеца от врагов. Как раз в этот день я играла на сэ²⁹. Ханьский князь услышал игру и приказал отцу показать меня ему. По всей видимости, я приглянулась ему и он стал склонять меня к греху, но я воспротивилась. Тогда он сказал: «Если ты мне подчинишься, я сделаю твоего сына наследником престола, когда захвачу власть в Поднебесной!» В знак верности своих слов он отдал мне свой боевой халат. И я ему уступила. Потом у меня родился сын, которого я нарекла Жуи, что значит Желанный. Ему-то ханьский князь и обещал отдать трон, когда станет властителем Поднебесной. В то время сановники двора трепетали перед государыней Люй, поэтому наследование так и не свершилось. Когда государь почил, Люй возвела на престол своего сына, а моего Жуи нарекла чжаоским ваном. Мы не решались перечить. Но кто мог знать, что Люй на этом не успокоится. Как-то раз она завлекла меня с сыном на пир и дала ему отравленного вина, отчего у него из горла хлынула кровь и он мигом скончался. Люй, прикнувшись пьяной, сделала вид, что ей ничего не понятно. Я вся кипела от обиды и терзалась от горя, но плакать боялась, лишь с гневом смотрела на злодейку. Заметив это, та сказала, что мои фениксовы очи когда-то приворожили государя Хапъ, и тут же приказала служакам ослепить меня золотой иглой. Потом мне влили в рот расплавленную медь, отрубили руки и ноги и бросили меня в отхожее место. Скажи, о владыка, за какие грехи и проступки обрекла она меня на столь страшную кару? До сего дня моя обида не отмщена! Я жду

твоего справедливого суда! — Жепщина горько заплакала.

— Не отчаивайся! — успокоил ее Сыма. — Я восстановлю справедливость. Повелеваю, что в будущей жизни ты станешь матерью-императрицей, а твой сын — государем. Оба вы обретете радость и доживете до старости!

И сюцай вызвал подсудимых, которые числились в деле четвертом.

После того как объявили их инепа, Сыма приступил к допросу Сян Юя.

— Скажи! Почему ты жалуешься на шесть генералов, а не на Хань Синя, который, уничтожив тебя, возвеличил Лю Бана?

— Хотя в глазах у меня по два зрачка³⁰, я плохо разбираюсь в людях, я проглядел настоящего героя, и он ушел от меня. Но хотя он меня и покинул, я винить его не могу... Сейчас мне вспоминается такой случай. Под Гайся моя армия потерпела поражение, но мне удалось, прорвав окружение, бежать. В одном месте дорога расходилась, но на счастье мне встретился какой-то крестьянин, и я спросил у него, какая дорога главная. Он ответил, что главный путь идет налево. Поверив ему, я поскакал по левой дороге, и она привела меня к смерти. Оказалось, что человек, указавший мне путь, был совсем не крестьянин, а ханьский военачальник Ся Гуан, который придумал этот план с переодеванием. Ханьские войны гнались за мной по пятам. Но я все же сумел прорваться сквозь вражеское кольцо и доскакал до Черной реки. Возле переправы я неожиданно встретил знакомого Люй Матуна. Я думал, что в знак старой дружбы он отпустит меня. Но получилось иначе. Вместе с другими четверьмя военачальниками он заставил меня покончить с собой. Затем они расчленили мое тело, взяли каждый по части, чтобы доложить о подвиге, который они якобы совершили... Эта обида по сей день лежит на моей душе!

— Мы уже выяснили, что шесть генералов не имели никаких заслуг! — кивнул головой владыка Темного Царства. — Воспользовавшись тем, что Сян Юй потерпел поражение, а силы его иссякли, они заставили его покончить с собой, за что получили титул хоу. Чистая случайность! Повелеваю, что в будущей жизни Сян Юй

обезглавит всех шестерых и тем самым смоев свою обиду.

С этими словами Сыма приказал помощникам отложить в сторону дело Сян Юя.

Затем последовали другие дела, которые принесли адские судьи. Сыма решил их так же разумно и без единой ошибки: доброе дело кончалось хорошим вознаграждением, а дурное — влекло суровое возмездие. Судьи, выстроившись по бокам, подробно записывали в книги каждое решение владыки, отмечая название округа, уезда или деревни, фамилию и имя, время рождения и смерти. Они выкликали имя того или иного человека, а владыка Сыма указывал, когда и где тот должен возникнуть в жизни.

— Хань Синь! Ты был верным служакой и добыл для ханьского дома половину Поднебесной, однако умер ты с обидой в душе. Повелеваем! В новой жизни ты родишься в семье Цао Суна из Деревни Дровосеков. Тебя будут звать Цао Цао³¹, или Цао Мэндэ. Сначала ты будешь министром у ханьцев, а потом станешь ваном Вэйского царства. Ты сядешь в столице Сюйду, владея половиной всех рек и гор ханьского дома. Ты будешь иметь великую власть, что позволит тебе отомстить за прошлые обиды. Хотя ты и не имел мятежных замыслов против ханьского дома, однако стать государем тебе не положено, хотя твои потомки и унаследуют ханьский трон. В свое время тебе даруют высокий титул Воинственного Государя и запишут десять великих заслуг.

После этого зачитали приговор по делу Лю Бана — ханьского государя.

— Тебе суждено родиться в доме Хань, но только в образе императора Сяньди, которого всю жизнь будет мучить и истязать Цао Цао. Муж робкий и слабый, ты будешь жить в постоянной тревоге и страхе не только дни, но и долгие годы. Поскольку в прошлой жизни ты много дурного сделал своему вассалу, в будущем тот отплатит тебе сторицей!

Затем последовал приговор по делу государыни Люй.

— А ты возродишься в семье Фу и станешь супругой Сяньди. Тебе достанется много горя и страданий от Цао Цао, а в конце концов ты примешь смерть от удушения во дворце. Таково возмездие, которое опреде-

ляется тебе за гибель Хапъ Сия во Дворце Вечной Радости.

Приговор Сяо Хэ звучал так:

— Ты возродишься в семье Ян, получив имя Ян Сю и второе имя Дэцзу, что значит Добродетельный Предок. В свое время, когда Пэйгуи, он же — ханьский владыка — вошел в пределы Равнины, все его полководцы бросились поскорее за наградами. Лишь ты один попросил себе карту земель. А посему в будущей жизни ты достоин быть мужем, обладающим острым умом и большой прозорливостью. Ты станешь главным архивариусом у Цао Цао и будешь пользоваться большим почетом. Таково воздаяние за то, что ты в свое время трижды явил свою доброту, выдвигая Хапъ Сия. Однако, поскольку тебе не удастся разгадать военную хитрость Цао Цао, ты будешь казнен. Такова кара за то, что ты помог завлечь Хань Сия во Дворец Вечной Радости.

Судьи, записав сей приговор, вызвали Ин Бу — цзю-цзянского вана.

— Тебе предстоит возродиться в семье Сунь Цзяня из Цзяндуна. Тебя будут звать Сунь Цюань, а второе имя будет Чжунмоу. Сначала ты будешь владетельным князем У, а потом государем Уди в царстве У. Столицу поставишь в Цзяндуне и будешь пользоваться богатством и почетом.

Потом вызвали Пэн Юэ.

— Ты прямой и честный муж, а посему ты возродишься в семье Лю Хуна из деревни Лоусанцунь — Туты у Дома, что в округе Чжоцзюнь. А звать тебя станут Лю Бэй³² или Лю Сюаньдэ. Тысячи людей будут славить твою человечность и справедливость. В свое время ты станешь владетелем Шу и вместе с Цао Цао и Сунь Цюанем создашь в Поднебесной опору великого Треножника страны. Когда Цао разгромит Хапъ, ты продолжишь величие этого дома и все восславят твое верное сердце.

— Поднебесную охватит великая смута, если она будет разъята на три части. Как же маленький удел Шу выстоит против двух других: У и Вэй! — воскликнул Пэн Юэ.

— Все предусмотрено... Тебя поддержат несколько мужей, — сказал Сыма и позвал Куай Туна.

— Ты — человек прозорливый и мудрый. Повелеваю возродиться тебе в Наньяне и стать Чжугэ Ляном по имени Кунмин³³, а прозванием Волун, что значит Лежащий Дракон. Ты будешь служить у Лю Бэя полководцем и поможешь ему основать новое царство или, как говорится, создать новые реки и горы.

Сказав это, Сыма позвал ворожея Сюй Фу.

— Ты нагадал Хань Синю семьдесят два года жизни, а он прожил всего тридцать два. Очевидно, судьба так predeterminedила, что его внутренние силы надломятся и он быстро умрет... Что до тебя, то ты возродишься в Сянъяне в образе Пан Туна или Пан Шиюаня по прозванию Детеныш Феникса. Ты поможешь Лю Бэю захватить Западные Потоки. Тебе суждено прожить ровно тридцать два года, а умрешь ты у Склона Падающего Феникса в том же возрасте, что и Хань Синь — таково воздаяние за ошибку в твоей ворожбе... С нынешнего дня все, кто гадают, должны хорошенько задуматься и твердо знать, что обманные предсказания и лживые речи могут укоротить их жизнь.

— Полководца ты мне дал, но нет добрых военачальников в помощь, — заметил Пэн Юэ.

— Будут и военачальники, — сказал Сыма и велел привести Фань Куая.

— Ты возродишься в Фаньяне округи Чжочжоу и получишь имя Чжан Фей³⁴ или Чжан Идэ, что значит Чжан Окрыленная Добродетель.

Владыка ада снова вызвал Сян Юя.

— Ты родишься в семье Гуань из Цзеляна округи Пучжоу. Фамилия будет у тебя другая — Гуань, а вот имя останется прежним — Юй³⁵. Второе твое имя будет Юньчан Длинное Облако. В свое время ты вместе с Лю Бэем, таким же храбрецом, как и ты, дашь клятву в Персиковом Саду, которая заложит основы общего великого дела. Однако хочу заметить, что Фань Куая все же не следовало позволять своей жене помогать государыне Люй в ее злодеяниях, так как проступки жены рано или поздно коснутся и мужа. А тебе, Сян Юй, не должно было убивать циньского вала Цзыина³⁶ и сжигать Сяньян. Вот почему вы оба заранее обречены на недобрую смерть. И все же известно, что Фань был верным и отважным мужем, не любил лебезить. Да и ты, Сян Юй, среди разных прочих подвигов совершил три

добрых дела: ты не стал губить родителя Лю Бана — тайгуна, не осквернил государыню Люй и на пьяном пиру тайно не расправился с соперником³⁷. За это в будущей жизни ты приобретешь такие качества, как справедливость и отвага, стойкость и честность. А после смерти тебе воздадут почести, как святому.

Затем владыка Сыма вызвал к себе полководца Цзи Синя³⁸.

— Верой и правдой ты служил семье Лю, но и на один день не имел ни богатства, ни славы. Повелеваю тебе родиться в семье Чжао из Чаншаня. Ты станешь известным полководцем Западной Шу, и тебя назовут Чжао Юнь, или Чжао Цзылун... Особенно прославишься ты в сражении у Чанбаня — Длинного Склона, что в Данъяне, когда в битве многотысячных армий спасешь своего повелителя³⁹. Ты проживешь ровно восемьдесят два года и очочишь без недуга.

Потом Сыма вызвал женщину из рода Ци.

— А тебе предрекаю родиться в семье Гань, и ты станешь законной супругой Лю Бя. В свое время императрица Люй польстилась на красоту князя Пэна, но он отверг ее распутные приставания. Она завидовала и тебе за то, что тебя полюбил ханьский владыка. Поэтому я определил стать тебе женою Пэн Юэ — Лю Бя. Пусть государыня Люй теперь завидует тебе на здоровье. Твой сын Желанный — князь Чжао будет зваться Лю Чанем с детским именем Адоу. Он унаследует трон и будет целых сорок два года пользоваться славой и почетом. Таково справедливое воздаяние за те горести, которые он пережил в прошлом.

Сыма приказал вызвать Дингуна.

— Дингун, ты появишься в семье Чжоу и нарекут тебя Юй Гунцинем. Ты станешь всеначальником у Сунь Цюаня, но умрешь ты в возрасте тридцати двух лет по воле Кунмина, то бишь Чжугэ Ляна. Как известно, в прошлом ты плохо служил Сян Юю, потому в будущем у тебя будут неприятности с Сунь Цюанем.

Сыма приказал привести Сян Бо и Юн Чи.

— Сян Бо, позарившись на богатства, ты изменил своему родственнику, а ты, Юн Чи, получил высокий титул из рук врага. Вы оба совершили преступление перед Сян Юем. Поэтому я повелеваю наречь вас Янь Ляном и Вэнь Чоу, вы оба примете смерть от ру-

ки Гуань Юя. Так смоятся ваши прежние прегрешения!

— А как быть с шестью генералами? — спросил Сян Юй.

Владыка Темного Царства приказал отдать их под начало Цао Цао, который пошлет их служить на далеких заставах. При этом Ян Си получит имя Бянь Си; Ван И станет Ван Чжи; Ся Гуана назовут Кун Сю; Люй Шэн сменит имя на Хань Фу; Ян будет наречен Цинь Ци, а Люй Матун — Цай Яном. Полководец Гуань Юй, захватив пять далеких застав, казнит всех шестерых генералов и тем смоев обиду, нанесенную возле Черной реки.

Все остались очень довольны справедливым судом Сыма Мао, так как он позволил всем, кто жил в мятежное время, когда велась борьба за Поднебесную между Чу и Хань, выложить все свои обиды. Высказали жалобы и те войны, кто умер несправедливой смертью, и те из мужей, чьи таланты в свое время не нашли применения, и те, кто требовал воздаяния за добрый поступок или отмщения за горькие обиды. Все они вновь появились во времена Трех Царств. Ну а те, кто измывался над людьми, творил жестокости и строил черные планы, а за добро платил злом, — те превратились в коней. Да, да — в боевых коней, на коих скакали заслуженные полководцы. Пожалуй, о них не стоит много распространяться.

Когда судьи подробно переписали все приговоры, наступила уже пятая стража. Запели петухи. Сыма Мао, покинув зал судилища, снял парадное платье и вновь стал простым сюцаем. Книгу с приговорами он отдал на проверку владыке Яньло, который, вздохнув, смирился со всеми решениями и передал их в высшие сферы.

— Редкого ума человек этот сюцай! Нет ему равных во всей Поднебесной! — воскликнул Яшмовый Владыка. — За какие-нибудь двенадцать часов он решил все дела, которые пылились вот уже триста с лишним лет. И заметьте, что все дела о прошлых обидах решены справедливо. Он добился, чтобы восторжествовало бескорыстие и чтобы в решениях о воздаянии не было никакой ошибки. Способности сюцая поистине объемлют Небо и Землю. Жаль, конечно, что в пынеш-

ней жизни он терпит лишения, зато в будущей сюдаи непременно получит высокий титул хоу или вапа. Он родится в том же роду Сыма, только сменит имя на Сыма И или Сыма Чжунда. В новой жизни он займет пост военачальника и канцлера и передаст это место своим отпрыскам. Потом он завоюет все Три Царства и объявит начало династии Цзинь. Известно, Цао Цао — воплощение обид Хань Синя — не может служить до конца хорошим примером. Ведь он, как-никак, унизил самого государя и казнил его супругу. У меня есть опасение, что потомки, не понимая первопричины, заставят Сыма И издеваться над отпрысками семьи Цао, как некогда сам Цао Цао измывался над государем Сяньди. Вот почему, верша суд, я хочу заранее предостеречь этих потомков, а ему самому повелеваю быть добрым и зла никому не чинить.

После того как Яньло зачитал указ Яншмового Владыки, он приказал накрыть пиршественный стол, чтобы достойно проводить Сыма Мао в обратный путь. Сюдаи перед расставанием сказал:

— Моя жена из фамилии Ван с юных лет и всю свою жизнь делила со мной тяготы и лишения. Бедный книжник, я хочу просить о великой милости и разрешить ей в будущем остаться моей женой, чтобы она разделила со мною почет и славу.

Яньло ответил согласием.

Сыма Мао простился с Яньло и, покинув Темный Приказ, вновь очутился дома на своем ложе. По его телу пробежала судорога, и он открыл глаза. Посмотрел вокруг и увидел у изголовья плачущую жену.

— Странная история! — воскликнул сюдаи и рассказал жене о том, что случилось с ним в царстве теней.

— Верховный Владыка дал мне наказ возвращаться, поэтому медлить нельзя, — сказал он. — К счастью, в будущей жизни мы будем снова жить как муж и жена... — Веки его смежились, и он отошел в иной мир. Сейчас, когда госпоже Ван было уже известно, куда отправился ее муж, она не стала убиваться, как прежде, но быстро устроила погребение и помпильные дела. Вскоре после похорон умерла и она, однако во времена Трех Царств обрела новую жизнь, став супругой вельможи Сыма И.

Вот такую удивительную историю рассказывают до сего времени в нашем мире. А всему сложили такие стихи:

Властью Яшвана полдня обладал,
а быть справедливым сумел.
Утешил тех, кто прежде ронтал
на свой печальный удел.

Всем людям ныне даем совет:
положите неправде предел!
От дурных поступков родится зло,
а счастье — от добрых дел.

СУДЬЯ СЮЙ ВИДИТ СОН-ЗАГАДКУ

В стихах говорится:

Неправедный суд к обидам ведет.
Потому, если дело о краже идет,
Являй прозорливость, а то не поймешь,
Где в этом деле правда, где ложь.

Среди людей существует мнение, что из всех деяний, которые свершаются меж Небом и Землей, самые сложные — дела судебные. Истинная правда! Возьмите хотя бы судебного чиновника. Он, как положено, сидит на возвышении в кресле и вершит приговоры, как ему захочется и по своему произволу, прибегая к пыткам да наказаниям. Но еще в древности говорили, что батогами можно выбить любое признание. В общем, человек под пытками сознается в чем угодно. Вот отчего, по всей видимости, и появились слова: «В серьезных судебных делах надобно трижды все хорошенько обдумать и шесть раз всех расспросить». Если же держаться лишь одного заранее сложившегося мнения, можно натворить много несправедливостей. Особенно легко незаслуженно обидеть человека, когда произошла кража. В этом случае чиновник всегда кого-то подозревает, и кажется ему, что поступки и слова того человека во всем сомнительны. И чем дальше, тем больше. Хорошо, если Небо явит справедливость и правда в конце концов восторжествует. Но, увы, часто бывает как раз наоборот. Чиновник-судья изо всей мочи старается палками выбить признание. Забьет человека до смерти, а истины так и не узнает. В связи с этим вспоминается одна история, которая произошла в первый год эры Торже-

ственной Радости¹ династии Сун. В это время чжэнь-цзянский полководец У Чао держал оборону в Чу-чжоу², а Вэй Шэн у Восточного Моря³ сражался с цзиньскими супостатами⁴. Случилось так, что в армии оказалась большая нехватка в деньгах, необходимых для выплаты жалования, и командующий послал своего подчиненного, тушлина⁵ Шэн Яня за серебром, которое должен был привезти из Даньяна другой военный чин, по имени Юань Чжун. Шэн Янь отправился с визитом на судно Юань Чжуна и, как положено, отвесил поклон. И вдруг он заметил на палубе большую кучу драгоценного металла.

— Может быть, лучше эти ценности спрятать, чтобы не привлекать алчные взоры? — проговорил Шэн, улыбнувшись. — Нехорошо, что они лежат так открыто!

— Кто осмелится посягнуть на казенное добро? — удивился Юань.

— А что, если пынче ночью один из моих ловких воинов выкрадет эти богатства? Хотел бы я на вас посмотреть, что вы будете делать? — пошутил Шэн.

— Если пайдется такой смельчак, пускай хоть все забирает! — рассмеялся Юань.

Перебросившись несколькими шутками, они раскла- нялись.

Надо же так случиться, что именно в эту ночь на судно забралась шайка разбойников — свыше двадцати человек. Связав Юань Чжуна и всю его команду, они забрали четыре сотни слитков серебра и исчезли. На следующий день Юань Чжун поехал к месту расположения войск и доложил командующему о том, что произошло накануне.

— Меня ограбил военный начальник Шэн Янь, — сказал он. — Этой ночью он унес четыреста слитков. Ваша светлость, допросите его и возьмите у него деньги! Нижайше прошу вас. — В голосе Юаня слышались слезы.

— Почему вы решили, что украл он? — спросил У Чао.

— Когда я приехал из Даньяна, он сразу же пришел ко мне на судно. Увидев ценности, он, как мне кажется, сильно взволновался и бросил в разговоре фразу, что ночью пошлет ловкого человека, который их украдет. Я решил, что это шутка, и никак не предпо-

лагал, что она обернется настоящей кражей. Ночью на борт забрались какие-то люди и унесли четыреста слитков. Кто же, как не он, все это проделал!

— Вот наглец! — воскликнул разгневанный командующий и приказал четырем стражникам немедля схватить Шэн Яня и его солдат. Кто осмелится перечить военачальнику, который отдает строгий приказ?! Стражники мигом скрутили виновных и приволокли в ставку полководца. Шэн Янь в недоумении спросил, в чем его вина, на что командующий ответил:

— И ты еще смеешь спрашивать! Юань Чжун доложил нам, что ты со своими подручными захватил на судне четыреста серебряных слитков!

— Какая чушь! — воскликнул Шэн. — Разве я не знаю военных порядков? Я имею чин и, хотя моя должность незначительна, никогда не позволю себе устроить столь гнусное злодейство!

— Нечего отказываться! — вмешался Юань. Он в это время стоял перед командующим, преклонив колени. — Вы сами при встрече об этом сказали, а ночью совершили грабеж!

— Верно, я так говорил, когда заметил, что ценности лежат без присмотра. Но ведь я пошутил. Неужели вы действительно думаете, что я совершил эту кражу?

— Какже могут быть шутки в столь серьезных делах! — воскликнул У Чао. — Ясно, ты давно замышлял злодейство, только проговорился ненароком!

— Если б я хотел украсть, я бы и рта не раскрыл! — волновался Шэн.

— Твое нутро загорелось от алчности, и ты, как видно, случайно обмолвился... Лучше признавайся похорошему! Дело серьезное! — в голосе полководца слышалась угроза. Он приказал подчиненным принести орудия пытки, которые сразу привели в действие. Шэн завизжал как кабан, которого собираются резать, и стал молить о пощаде. Но У Чао не обратил на ужасные крики никакого внимания и велел продолжать пытку. Не выдержав мучений, Шэн признался:

— Действительно, ночью я с моими солдатами выкрал серебро. Да, видно, не следовало бы заглядываться на эти проклятые деньги!

Стали пытать солдат. Одни сразу же сознались, другие вину отрицали, потому им усилили пытку. Но

только какой в ней прок? Ведь всем ясно, что под пытками станет упорствовать лишь самый тупой дурень, а обычный человек сразу признается. Дело дошло и до денег. У арестованных обыскали все походные сумы, но серебра так и не нашли. Тогда снова принесли пыточный инструмент. Что было делать Шэп Япю? На этот раз он придумал:

— В этих местах проездом был один мой родственник, который ехал в Хубэй и Хунашь торговать мелкой рыбой. Я отдал серебро ему.

Полководец У Чао приказал записать его показания. Следуя законам военного времени, он не стал дожидаться суда или даже возвращения серебра, но сразу объявил, что преступника в течение трех дней следует держать на торжище в назидание другим, а потом казнить путем отсечения головы. Вот так одна-единственная шутка приняла столь печальный оборот. В связи с этим невольно вспоминаются такие слова:

Оправдаться не смог бы, и будь у него
не один, а множество ртов:

И слова в свою защиту сказать
несчастный не был готов.

Говорят, что как раз в это время в Чжэньцзяне проживал один ничтожный человек по имени Ван Лишь, прощелыга и плут, занимавшийся на Янцзы всякими темными делишками. У него была молодая смазливая жена, которая торговала дома вином. Втайне от мужа она водила знакомство с несколькими местными вертопрахами. Как-то в отсутствие мужа она пригласила к себе одного молодого повесу. Вдосталь наобнимавшись, они решили было приступить к другим, более интересным занятиям, да только им мешал сын женщины, семилетний мальчишка, который играл тут же в комнате. Мальчишка заупрямился и ни за что не хотел уходить.

— Ах ты, паскудник! — стала бранить его мать. — Уйдешь, наконец, или нет?

Но своеправный мальчишка — ни в какую. К тому же он кое-что понимал, хотя и был мал годами.

— Знаю, знаю, чем вы будете здесь заниматься! В постель залезете! — кричал он. — Я вам мешаю, вот вы и гоните меня!

Слова ребенка разозлили женщину, она надавала ему подзатыльников и вытолкала за дверь.

— В постель залезете! В постель залезете! — не унимался мальчишка, плача от боли и обиды. Рассвирепевшая мать, оставив любовника, схватила скалку и бросилась за сыном, а он с громкими воплями выбежал на улицу. Мать его догнала и принялась колотить по голове.

— Сами безобразничаєте, а меня бить! — кричал мальчик, стараясь увернуться от ударов. — Вон сколько денег схоронили возле печки. У кого-то украли, а мне приказали молчать!

Мальчишка орал на всю улицу. Боясь, что он наболтает лишнего, мать потащила сына в дом. Но слова мальчишка услышал один служивый человек, который как раз в этот момент оказался на улице. Он рассказал об этом знакомому.

— Вряд ли мальчишка сболтнул просто так. Здесь что-то есть! — проговорил служивый. — Ты, наверное, слышал, что на днях у командира Юаня стащили чetyреста серебряных слитков, а в краже обвинили тунлина Шэна. Его вот-вот должны казнить, хотя денег так и не нашли... Кажется мне, что пройдоха Ван Линь причастен к этой краже — он мастер в подобных делишках! Словом, надо идти к нему и там разведать!

Они подговорили еще человек пять или шесть и все вместе направились в дом Вана будто бы выпить. Во время застолья кто-то из гостей вдруг закричал:

— Эй, хозяйка! Принеси-ка нам мяса и рыбы на закуску.

— Нет у нас никаких закусок, мы торгуем только вином! — ответила женщина.

— Почему отказываешь? — спросил второй. — Мы же не задаром просим!

— Я и не говорю, что задаром, — ответила женщина. — В доме, правда, нет ничего — не из чего делать закуски!

Один из компании, прикинувшись пьяным, поднялся из-за стола.

— Не верю! Пойду сам понцу! — И он направился к двери, которая вела внутрь дома.

Кто-то из приятелей попытался его остановить, но выпивоха увлек его за собой в кухню. Они подошли к очагу и будто печаянно толкнули кирпичную кладку. Один кирпич унал и рассыпался на мелкие кусочки!

— Нечестивцы! — закричала женщина. — Напились и еще безобразите! Ворвались на кухню, сломали очаг!..

— Не гневайся, хозяйка! — ласково сказал первый. Починить очаг — плёвое дело!

Мужчина запустил руку в дыру, откуда выпал кирпич. Встревоженная хозяйка бросилась к печи, пытаясь его остановить.

— Будет тебе! Мы и сами починим!

Служивый, конечно, смекнул, что дело нечисто. Не долго думая, он пажал посылнее на кладку, и угол плиты отвалился. В образовавшемся отверстии все увидели кучу серебряных слитков.

— Нашли!

На крик сбежалась вся компания. Хозяйку тут же связали и стали дожидаться мужа. Он не замедлил явиться.

— Кто шумит в моем доме? — заорал Ван Линь, остановившись в дверях.

— Держи его! Хватай! — раздалось со всех сторон.

Ван Линь бросился было наутек, но служивые ямы-пя кинулись на него, словно коршуны на воробья, и мигом связали. Разворотив печку, они вытащили из тайника серебро и подсчитали — ровно четыреста слитков. Мошенник не успел израсходовать деньги. Служивые потащили Ван Линя с женой в ставку полководца, не забыв, конечно, прихватить с собой украденные ценности. Командующий учинил мошеннику строгий допрос, и Ван Линь признался в совершенном преступлении.

— Серебро украдено с лодки военного Юаня, — сказал он.

Командующий спросил о сообщниках, и Ван назвал имена: свыше двадцати человек соседей, тех молодых бездельников, с которыми его жена водила знакомство. Всех их схватили и учинили им допрос. Грабители сознались в содеянном преступлении, и их без промедления казнили согласно строгому военному закону. Ни один не ушел от возмездия. Что до жены Ван Линя, то ее продали в казенные певички.

Только сейчас полководец понял, что он напрасно обидел Шэн Яня и его солдат, и он повелел немедленно отпустить заключенных на свободу. Да, если бы злодейство Ван Линя случайно не всплыло наружу, Шэн Яню и солдатам не спосить бы головы.

Из этой истории следует, что никак нельзя полагаться на случайное подозрение и не должно чинить над людьми несправедливый суд.

А сейчас я расскажу другую историю, тоже о краже, но подозрение здесь пало сразу на двух человек. К счастью, пронцательный судья в конце концов разгадал дело, на редкость запутанное и темное. Послушайте, что я, ничтожный, собираюсь вам пынче поведавать. Только вначале будет стихотворение:

Жалоба может
оказаться лживой вполне,
Правда случайно
наружу всплывает во сне.

Если кто-нибудь
мерзких дел не свершит,
В мире не будет
горьких людских обид.

Говорят, что в годы Истинной Добродетели⁶ нашей династии в провинции Шэньси жили два брата: Ван Цзюэ и Ван Лу, отец которых промышлял соляной торговлей. Их дед, обладатель ученой степени, дослужился до начальника уезда, а потом ушел на покой и жил вместе с ними. Надо еще сказать, что у Ван Лу был сын Икуй, а у Ван Цзюэ — сын Игао. Наши герои Ван Цзюэ и Ван Лу сызмала учились грамоте, Ван Цзюэ даже получил степень сюоя, а вот Ван Лу, так и не проучившись сколько надо, забросил учение. Но зато он весьма преуспел в торговом деле. Поскольку он умел хорошо считать, отец часто брал его с собой в Шаньдун, где часто вел свои торговые дела. Видя, что сын понимает толк в этих делах, отец решил в конце концов остаться дома, а в Шаньдун отправил Ван Лу, выдав ему тысячу лянов серебра для ведения торговли. Лу взял с собою слуг Ван Эня и Ван Хуэя, немало повидавших на своем веку и привыкших к разным передрягам.

Прибыв в Шаньдун, они открыли торговлю. Глаза у всех были быстрые, руки — хваткие, и в счете торговом они кого угодно могли заткнуть за пояс. За одной удачей пришла другая, в результате — крупный барыш. Но еще в древности говорили: в сытости и праздности рождаются мысли беспутные. Так получилось и с Ван

Лу, который, к слову сказать, был порядочным транжирой и мотом. Заработав без труда крупные деньги, он решил покутить, словом, пожить в свое удовольствие, для чего познакомился с двумя певичками-потаскушками по имени Яояо и Циньцинъ. Понятно, за них пришлось выложить круглую сумму, но зато они находились теперь с ним рядом и одаряли его своей пылкой любовью. Не остались без внимания и домочадцы — Ван Энь и Ван Хуэй, которым хозяин подыскал молодых смазливых наложниц. Правда, наложницами они были только по названию. На самом деле обе прислуживали певичкам и по очереди делили ложе с Ван Лу. Надо заметить, что подобные праздники у челядишцев случались гораздо реже. Зато на ложе Вана нередко оказывались четыре женщины сразу, и тогда все они резвились особенно весело, пимало не завидуя одна другой. Дни и ночи проходили в застольях с вином и музыкой, да с любовными утехами без числа и без меры.

Не прошло и двух лет подобной жизни, как Ван почувствовал, что силы его иссякли, а дух стал будто тонкая нить — вот-вот порвется. Видя, что он на краю могилы и вряд ли кто сможет его спасти, он послал домой Ван Эня с письмом, в котором наказывал своему юному сыну Икую немедленно ехать со слугами в Шаньдун, чтобы принять от него торговые счета.

Получив письмо, где говорилось о крупной сумме денег, Ван Цзюэ забеспокоился. «Мой племянник мал годами и, глядишь, что-то напутает, — подумал он. — К тому же брат серьезно болен. Если с ним случится беда, деньги пропадут». Прикинув все это в уме, он решил ехать немедленно, а племяннику Икую вместе с Игао наказал двигаться следом. Слуге Ван Эню он повелел:

— Собирай молодых господ в дорогу и потихоньку выезжайте за мной, а я еду сегодня же — нынешней ночью. Мне как можно быстрее надо встретиться с братом.

Здесь можно вспомнить такую поговорку:

Живя в изгнании, в чужом краю,
стал духом сюцай белолицый,
А чернорясый буддийский монах
за злодейство сидит в темнице.

Есть и такие слова:

Трудно поверить, что счастья мгновенья
потекут сплошной чередой,
Но всем известно, что не случайно
встречаемся мы с бедою.
Не всегда в удовольствиях должную меру
соблюсти умели два брата.
И вот на чужбине погуби оба,
сами они виноваты!

Прошло несколько дней, прежде чем Ван Цзюэ добрался до Шаньдуна. Брата своего он нашел в крайне плачевном состоянии, правда еще живым. Судя по виду Ван Лу, спасти его от недуга, рожденного распутством, было уже невозможно. Братья очень обрадовались, увидев друг друга после долгой разлуки. В глазах больного Лу стояли слезы.

— Что с тобой случилось? — воскликнул Ван Цзюэ и вытер наввернувшиеся слезы.

— Видно, судьба у меня несчастливая! — проговорил Ван Лу. — Мой недуг неизлечим, и смерть уже не за горами. Вот почему поскорее хотелось увидеть кого-то из близких. Сейчас, когда ты со мной, уже не страшно умереть.

— Брат! Тебе было трудно жить все эти годы на чужбине, но зато ты хорошо заработал, — успокоил его Ван Цзюэ. — Жаль, конечно, что на тебя свалилась эта хворь... Если случится беда, что передать батюшке с матушкой?

— Поскольку я был вдалеке от вас, я не смог проявить достаточной почтительности по отношению к родителям и к тебе, моему старшему брату. К счастью, у меня есть какие-то деньги — барыши, что я заработал. Ты сам сказал, что я неплохо потрудился, хотя и пережил немало тягот. Впрочем, это несколько преувеличено... Так вот! Я возвращаю родителям первоначальную сумму в тысячу лянов. Они могут тратить эти деньги до конца своих дней по их усмотрению. Но кроме этих денег есть еще прибыль — больше трех тысяч лянов. Я хочу разделить ее поровну между моим сыном и племянником Игао. К счастью, ты сейчас здесь и у меня уже не будет забот об этих деньгах. Теперь я могу умереть спокойно.

Ван Лу велел слуге Ван Хуэю принести серебро, и

брат тут же его пересчитал. Больной сказал еще несколько фраз, но потом голос его затих, дыхание оборвалось, и он отошел к Желтым Источникам. Как говорится в подобных случаях: дух покинул бренное тело, и новый дух уже не вселится. Увы! Лежит пластом, лишь жертву остается принести!

Ван Цзюэ и слуга огласили воздух плачем. К ним присоединились четыре красотки, хотя их печаль, по правде сказать, была показная. Ван Цзюэ велел домашнему купить лучший гроб и подготовить его для положения тела. Когда наступил этот срок, Ван Цзюэ, сославшись на то, что день выдался неблагоприятный, приказал слуге запереть женщин в комнатах, не допускать до гроба и выпустить их лишь после обряда. Затем он позвал хозяйку заведения, где жили Яою и Циньцин. Она написала расписку и увела девиц с собой. Двух других девиц он через сваху, которая в свое время привела девиц сюда, отправил в дом их родителей. «Без них легче возвращаться!» — объяснил он слуге, несколько не заботясь, что Ван Хуэю жалко расставаться с красоткой, ведь он, кстати сказать, не успел с ней даже толком проститься. Когда стали укладывать вещи, Ван Хуэй заметил, что хозяин положил в большую шкатулку лишь пятьсот лянов. Еще сто с лишним лянов серебряной мелочи, а также два золотых украшения он запрятал в походную суму, разъяснив, что это деньги на расходы в пути.

— У второго господина было очень много серебра. Почему же осталось так мало? — удивился Ван Хуэй.

— С большими деньгами идти опасно, поэтому я придумал один ловкий план — схоронил их в надежном месте. Когда приедем домой, я их достану. А для вида у нас в дороге будут вот эти остатки.

— Хозяин! А может, спрятать и эти пятьсот лянов? Нам в пути хватит и мелочи.

— Нет! На родину как-никак возвращается крупный торговец. Несколько сотен лянов он должен иметь при себе непременно. Иначе у людей возникнут подозрения, они постараются разнюхать, где деньги. Докопаются до правды, и тогда не оберешься хлопот. Чтобы рассеять все их сомнения, я оставляю среди вещей эту шкатулку. Взгляни-ка, она выглядит весьма внушительно!

— Хитро задумано! — восхитился слуга.

Покончив со всеми делами и расчетами, Ван Цзюэ договорился с возницей по имени Ли Ван о повозке, на которую следует положить гроб и пожитки. Сам Ван Цзюэ со слугой поехали верхом. Процессия двинулась на запад и в один из дней достигла Цаочжоу. Возле Восточной Заставы остановились на постоя в придорожной гостинице. Телегу с гробом определили во дворе, найдя для нее свободное место. Надо вам знать, что возница Ли Ван за многие дни пути хорошо присмотрелся к тяжелой шкатулке купца и, решив, что в ней большие деньги, подумал ее стащить. Этой же ночью, пока все сладко спали, он выкрал шкатулку и убежал, бросив даже лошадей с телегой.

Занялся рассвет. Ван Цзюэ, поднявшись с постели, крикнул Ли Вану запрягать, но возница исчез. Ван бросился к вещам, стал проверять, что пропало. На месте не оказалось шкатулки с деньгами. Ван Цзюэ побежал к хозяину гостиницы двора.

— В шкатулке было пятьсот лянв, к краже которых ты тоже причастен, — сказал ему Ван. — Ты за это ответишь!

— Если деньги украдены в моем доме, я, конечно, отвечаю и должен вернуть. Но только их стащили не мои люди, а ваш возничий, которого вы сами наняли, а потому мы к краже никак не причастны!

Ван понимал, что хозяин прав, но все же не сдавался.

— Причастны или нет, а деньги пропали в твоём заведении, и ты обязан знать, где искать проходимца.

— А где вы наняли повозку?

— В вашей же провинции, только на севере, — вмешался Ван Хуэй.

— Если так, он сейчас туда не пойдет, скорее всего, он ушел по западной дороге. По-моему, если сразу пойти следом, мы его нагоним, потому как со здоровенной шкатулкой идти ему бесподручно. Но на всякий случай следует взять стражников, чтобы не получилось накладки, когда его схватим.

— За стражниками дело не станет! — ответил Ван. — Вот только переоденусь, и мы с тобою сходим в окружной ямынь. Я подам прошение, а они мне определят быстроруких ⁷.

— У вас должно все получиться как надо, ведь вы являетесь сянгуном⁸.

Ван расспросил об окружном начальнике и обрадовался, узнав что тот уроженец провинции Шэньси.

— Оказывается, земляк. Очень кстати!

Ван быстро написал прошение с жалобой о пропаже денег. Начальник округа охотно откликнулся на просьбу земляка и дал ему стражника по имени Ли Бяо, которому было поручено изловить преступника и доставить в управу. Через хозяина гостиницы двора Ван нанял нового возничего с повозкой, и они, простившись, двинулись в путь.

Показалось селение Кайхэ.

— С нашей поклажей вести розыски бесподручно,— сказал Ван Цзюэ.— Надо найти какую-нибудь приличную гостиницу и там остановиться, а потом, всем разбившись, начать поиски.

— Очень верно сказали, господин сянгун,— заметил стражник.— Ведь нам придется искать не один день. Пока мы не разыщем мошенника, вы тоже будете с нами, вряд ли уедете... А самая большая гостиница здесь — заведение Чжап Шапя. Там можно поставить телегу с колодой и скарбом. Поживите там несколько дней, а мы тем временем займемся поисками. Глядишь, что-нибудь и узнаем.

— И я так считаю! — сказал Ван Цзюэ и приказал слуге и возничему гнать повозку в гостинный двор, который назвал стражник. Хозяин «Заведения Чжап Шапя» вышел навстречу.

— Господин сянгун — земляк нашего начальника округа,— сказал ему Ли Бяо.— Он едет с гробом младшего брата домой, но задержался здесь на пару дней по делам. Найди две комнаты почище да посветлее, а в услугах прояви внимательность и расторопность.

Само собой, Чжан Шапнь не посмел ослушаться служивого.

— В нашем селении моя гостиница самая просторная,— сказал он.— Занимайте, господа, комнаты и живите, сколько вам надо!

Он мигом накрыл для гостей стол, поставил вина и закуски, но Ван Цзюэ, пожелав обедать отдельно наверху, удалился. Внизу остался слуга Ван Хуэй и стражник.

После трапезы стражник пошел к Ван Цзюэ.

— Пока не стемпело, я хочу отыскать своих приятелей из ямыня,— сказал он сюцаю.— Они помогут нам в розысках.

— Действуй! Если найдете мошенника, щедро всех награжу!

— Мы постараемся! — И стражник удалился.

Сюцай остался один. Ему было скучно и тоскливо.

— Эй, хозяин! — обратился он к Чжану.— Мне хочется пройтись, вот только не с кем. Ты не составишь мне компанию?

— С превеликой охотой! — согласился Чжан Шапъ.

Домочадец Ван Хуэй остался смотреть за вещами, а мужчины вышли из дома и направились в сторону торжища, где всегда царило большое оживление.

— Сведи меня куда-нибудь еще, где поспокойнее,— попросил Ван, которому надоело толкаться в толпе.

— Есть одно укромное местечко. Следуйте за мной, сударь!

Они пересекли пустырь и оказались перед монашеским скитом.

— Уединенный и тихий уголок,— проговорил Чжан.— Здесь живут монашки. Можно к ним зайти и выпить чашку чая.

Чжан Шапъ направился к воротам. Сюцай последовал за ним. Им навстречу вышла молодая монахиня, прекрасный облик которой привел сюцая в изумление.

— Какая поразительная красота! — не удержавшись, воскликнул он.

И на самом деле, монахиня была дивно хороша, внешность ее лучше всего описать стихами:

Чисто обрита ее голова,
Но уже начинается темный пушок
пробиваться едва-едва.
Закутана в черную рясу она,
Но ткань не скрывает от глаз, как изящно
красавица сложена.
Губы-вишни, как у Фаньсу⁹,
Аромат источают они,
словно цветы в лесу.
Будто у Сяомань талия-ива —
Не удержать восхищенного вздоха,
так она грациозно красна.

Кажется, в мир с небес спизошла
эта дева из касты модэн¹⁰,
И даже праведного Апаня¹¹
красотою возьмет она в плен.

При виде монахини сердце сюдая запылало жарким огнем. Три души его затрепетали, семь душ вмиг отлетели прочь. Монахиня предложила гостям пройти в скит и угостила чаем. В обществе красавицы-монахини сюдай напоминал сейчас снежного льва, которого придвинули к огню, он весь обмяк и наполовину расплавился. Впрочем, это не помешало ему во время беседы допустить несколько вольностей, которые красotka приняла как должное, шмало не смутившись. Ее свободное поведение еще более распалило сюдая, его охватило страстное желание. После чая мужчины поднялись и, простившись, ушли. Вернувшись в гостиницу, Ван незаметно от всех сунул в рукав слиток серебра.

— Какая здесь невероятная скука! — проговорил он и бросил слуге: — Я, пожалуй, пройдуь, развеюь в каком-нибудь веселом местечке! Возможно, к ночи и не вернусь. Если хозяин спросит, скажи, что ты ничего не знаешь. А вы со стражником Ли хорошенько смотрите за вещами!

— Дело ваше, хозяин, поступайте как знаете. Я все исполню!

Ван Цзюэ, незаметно выйдя из гостиницы, направился прямехонько в скит. Ему навстречу вышла та же монахиня.

— Господин сюдай? — удивилась она. — Мы же с вами недавно простились. Что привело вас сюда снова?

— О наставница! Ваша несравненная красота настолько потрясла мою душу, что я осмелился еще раз навестить вас.

— Вы, конечно, изволите шутить?

— Нисколько!.. Позвольте спросить, как ваше имя в постриге?

— Ничтожную инокшню кличут Чжэньцзин, что значит Истинное Безмолвие.

— Как говорится: дерево склонно к безмолвию, а ветер никогда не бывает спокойным. Пусть же ветер его всколыхнет!

— Опять шутите, господин сюдай?

— Никким образом! Встретить на чужбине столь

изумительную красоту все равно что обрести три лишние жизни — право, такое же счастье! Но думать о вас вдали, к тому ж в таком суетном месте, как мой постоянный двор,— сущее мучение! Вот почему я и рискнул прийти сюда. Я не прочь снять у вас келью и прожить в тишине несколько вечеров, внимая вашим высокодостойным наставлениям. Я даже захватил с собой слиток серебра. Что вы на это скажете?

— У нас как раз есть свободные кельи. Но беседы по вечерам... нет, как-то неудобно...

— Напротив, очень даже удобно, когда гость и хозяйка беседуют в сумерках.— Ван засмеялся.

— О! Вы, оказывается, и бесстыдник! — Монахиня улыбнулась. Она, видно, хорошо знала толк в подобных делах. Блеск серебряного слитка притягивал ее. Она протянула руку к деньгам.

— Если господин не погнушается нашими жалкими кельями, он может остаться на день-другой.

— Но я уже сказал, хозяйка должна составить мне компанию в вечерние часы.

— Неспособный повеса! — монахиня засмеялась.— Впрочем, никто и не заставляет вас коротать ночь одного!

Слова красавицы вселяли радостную надежду. Гость и хозяйка нашли общий язык, и монахиня осталась с ним на ночь. Надо ли говорить, сколь неуемную жадность они показали в любовных утехах и сладострастных игрищах. А потом, склонившись друг к другу, как птицы луань и фэн, они заснули и проснулись, когда уже совсем рассвело. Ван Цзюэ, вернувшись в гостиницу, снова послал стражника Ли на розыски, а Ван Хуэй, как и накануне, остался сторожить вещи. Едва дождавись вечера, Ван Цзюэ вновь направился к монахине.

Страсть разгорелась с такой силой, что любовники уже не могли жить один без другого. Каждую ночь Ван покидал гостиницу и шел в скит, а Ван Хуэй и Ли Бяо, уверенные, что хозяин почует в домах ив и цветов, не задавали лишних вопросов, как и Чжан Шань, которому было решительно все равно, где проводит почти его постоялец.

Прошло несколько дней. Стражник Ли с утра уходил на розыски и возвращался поздно вечером, но все без успеха.

— Как видно, в Кайхэ следов его нет. Попробую завтра отправиться в Цзиниц.

— Ну, что же, сходи! — согласился Ван и отмерил стражнику серебра на дорожные расходы. Стражник ушел.

«Сколько времени ищет, а все без толку!» — подумал Ван. Невольно вспомнилась ему поговорка: в делах у служивых нередко таится злодейство — они вора ловят, они же его отпускают!

— Эй, Ван Хуэй! — крикнул он. — Нагони стражника и пойдй вместе с ним. Что-то не очень он приткий!

Слуга, получив приказ, удалился, а хозяин остался в гостинице.

«Придется ночевать нынче здесь, ничего не поделаешь — надо сторожить вещи!» — подумал он и направился в скит, чтобы предупредить монахию.

Чжэньцзин прильнула к нему, не хотела его отпускать, и сюцаю пришлось проявить немалую твердость, чтобы с ней расстаться. Наконец, он вернулся в гостиницу. Вечером хозяин принес ему ужин и приготовил постель, после чего отправился запереть ворота. Все отошли ко сну.

Когда отбили первую стражу, хозяин гостиницы вдруг услышал скрип черепицы на крыше. Как все деловые люди, человек он был осторожный и спал чутко. Он замер в темноте и прислушался. Через мгновение раздался шум — будто кто-то прыгнул со стропил на пол. Чжан Шань, поспешно накинув одежду, вскочил на ноги и закричал:

— Вставайте! Вставайте! Кто-то забрался в дом!

Не дожидаясь слуг, он выбежал из комнаты. Вдруг послышался скрип открываемых ворот. «Наверное, вор, — подумал хозяин, но преследовать жулика один побоялся... — Пойду взгляну, что делается у сюцая». Дверь в комнату Ван Цзюэ была распахнута настежь.

— Беда! — закричал Чжан Шань. — Господи Ван, живей вставайте! Проверьте свои вещи!

На крики никто не отозвался. В это время у ворот раздался чей-то голос.

— Что здесь творится? — Видимо, человек очень спешил и едва переводил дыхание. — Почему в такой час распахнуты ворота?

Чжан пошел на голос и, приглядевшись, узнал стражника Ли.

— Я услышал подозрительный шум и решил, что здесь вор. Побежал поднять господина Вана,— сказал хозяин и спросил: — Ты же ушел в Цзинин. Почему возвратился?

— Оставил свой нож на постели, вот за ним и вернулся... Слушай, а может быть, что-то украли?

— Вот об этом я и хотел спросить господина Вана.

— Пошли вместе, разбудим!

Они вошли в комнату, где спал сюцай, и окликнули его, но не получили никакого ответа. Зажгли огонь, взглянули на ложе...

— Беда! — крикнули оба в один голос.

Ван Цзюэ лежал на постели мертвый.

— Твоих рук дело! — вымолвил Ли, придя в себя.— Ты порешил сюцая! Знал, что мы оба ушли, а он остался один.

Чжан Шань переменился в лице.

— Что ты! Я же спал, спросонья услышал шум. Встал узнать... Никого не увидел, только тебя...— проговорил он.— А ты почему здесь очутился? Ты же шел в Цзинин... Наверное, это ты его убил, а сейчас хочешь свалить на меня.

— Я позабыл здесь нож, за ним и вернулся.— Ли Бяо даже вытаращил глаза от возмущения.— Вижу, почь на дворе, ворота не заперты. Кликнул тебя... А ты, как видно, уже успел его прирезать!

— Твой нож, значит, ты его и убил! А на меня еще сваливаешь! — Хозяин гостиницы затрясся от гнева.

— Мой нож остался на постели, я до него даже не дотронулся...— Стражник подошел к изголовью и вытащил оттуда нож.— Вот, взгляни! — Стражник поднес нож к лампе.— Разве им зарезали? На лезвии нет ни капельки крови.

Как все служивые люди, стражник говорил складно, и Чжану трудно было его переспорить.

— Чего ты на меня поклеп возводишь? Я сам гнал-ся за воров и тут столкнулся с тобой... Мы же вместе вошли в комнату Вана. Вот тогда я и увидел, что он убит.

Их крики и споры, взаимные обвинения переположили соседей, которые сбежались узнать, из-за чего шум.

Стражник и хозяин гостиницы принялись объяснять каждый по-своему. Видя, что дело касается убийства, выборные из соседей сказали:

— Хватит шуметь! Завтра утром поведем вас обоих в управу! И не вздумайте бежать!

Их связали и бросили в кладовку, а когда занялся рассвет, потащили в окружной ямынь. Едва начальник округа занял место в присутствии, местные выборные доложили ему об убийстве.

— Ночью в гостиничном дворе зарезали проезжего купца, — сказали они чиновнику. — А эти двое пререкались друг с другом и сваливали вину один на другого. Мы их привели. Допросите их, ваше благородие!

— Господин начальник! — вскричал Ли Бяо. — Я — тот стражник, которого вы определили к сюцаю Вану для поимки вора. Мы остановились в Кайхэ на постоялом дворе Чжан Шаня, но следов злодея нам найти не удалось. Вчера вместе с дворовым сюцаем по имени Ван Хуэй мы отправились в Цзинин на розыски, а господин сюцай остался дома один. Хозяин двора, видно позавидевшись на вещи, его убил...

— Ложь! — закричал Чжан. — Я — хозяин той гостиницы, где господин Ван живет вот уже несколько дней, поскольку никаких следов вора они еще не обнаружили. Вчера господин сюцай отправил стражника вместе со слугой в Цзинин, а сам остался дома. Поздно вечером слышу — скрипят ворота. Я поднялся, чтобы узнать, — ведь я же хозяин и, понятно, беспокоюсь о своем заведении. Смотрю, а там стоит стражник. Говорит, что вернулся обратно за ножом. Потом пошли мы в комнату господина сюцая, а он, видим, валяется мертвый...

— Ли Бяо! Почему ты вернулся обратно? — спросил начальник округа. — И откуда ты узнал, что сюцай убил хозяин Чжан?

— Я и не знал! А дело было так... — Стражник стал рассказывать: — Я, ничтожный, в дороге вдруг вспомнил, что оставил на постоялом дворе свой нож, который обычно держу за поясом. Сказал об этом Ван Хуэю и велел ему ждать, пока сбегаю за оружием. В гостиницу я вернулся, когда прошла уже первая стража. Вижу, ворота настежь, а хозяин Чжан Шань мечется по двору... Ну, а потом я увидел, что господин сюцай лежит

мертвый. Ваша светлость, кому, как не Чжану, его убивать!

Начальник уезда не мог разрешить эту загадку и велел учинить им обоим пытку. Ли Бяо, хорошо знавший порядки управы, пыток не боялся и отвечал на вопросы бойко и уверенно. Что до Чжана, то он, как человек торговый, к боли был непривычен и подобных мучений пережить, конечно, не мог. Он взял вину на себя.

— Убил я сюдая, позарившись на богатства! — вымолвил он.

Начальник округа, сняв с него показания, приказал бросить в камеру смертников, после чего отослал начальству бумагу для окончательного приговора. Ли Бяо остался в тюрьме в ожидании поручителя и решения о дальнейшей своей судьбе.

Между тем, рассказывают, что Ван Хуэй в это время ожидал Ли Бяо на постоялом дворе в Цзинине, чтобы продолжать поиски преступника. Прошла почь и день, а стражник все не появлялся. Встревоженный слуга решил возвратиться в Кайхэ, узнать, что случилось. Пришел в гостиницу, а там шум и паника.

— Сюдая Вана убили! А нашего хозяина пытаются! — объяснили Ван Хуэю. Перепуганный слуга бросился в комнату господина и видит: сюдай лежит мертвый, а рядом валяется нож. Горько плача, слуга побежал к вещам и принялся пересчитывать, все ли цело. Оказалось, что исчезло мелкое серебро — целых восемьдесят лянов и два золотых украшения. Не мешкая, Ван Хуэй купил гроб и положил в него тело, убрав его как положено. Слуга торопился из опасения, что власти не позволят ему заколачивать гроб, так как труп, мол, может понадобиться для дознания. Однако все обошлось благополучно. Колоду поместили в одну из комнат гостиницы, слуга поставил на алтаре поминальную таблицу, чтобы утром и вечером подносить дары и оплакивать жертву. Зная, что Чжан Шань находится в тюрьме, а стражник ждет, когда его выпустят на поруки, Ван Хуэй решил действовать на свой страх и риск.

«Местное начальство вряд ли разберется в этом запутанном деле. Истца нет, о пропаже денег не заявлено, обвинили в убийстве Чжан Шаня, а где доказательства? Надо обратиться к высшим властям, может, они помогут», — подумал он.

Ван Хуэй много слышал о выездном следователе Сюе, о чем молва шла, что он мастерски разрешал такие каверзные дела, в которых, как говорится, нет ни начала, ни конца. Как раз в это время знаменитый судья (уроженец Линбао в Хэнани), он же начальник ведомства Сюй, имеющий почетный титул сяньгунуа¹², приехал по служебным делам в провинцию Шаньдун. Ван Хуэй составил жалобу и передал ее в ямынь столичного вельможи. Господин Сюй, ознакомившись с делом об убийстве сюэца, потребовал от окружного начальства чинить повторный допрос. Однако в окружном ямыне держались прежнего решения — преступление совершил Чжан Шань, а украденные деньги, которые пока не найдены, следует еще искать. Как мы знаем, хозяин гостиницы признался в преступлении, боясь новых пыток, но при встрече с Ваном он ему шепнул, что ни в чем не повинен, а потом рассказал, что в тот злосчастный вечер, когда услышал скрип ворот, он столкнулся у входа с Ли Бяо. Этот рассказ породил у Ван Хуэя подозрения, которые, однако, слуга не решался высказывать.

Выездной следователь Сюй, ознакомившись с прошением Ван Хуэя, вызвал обоих подсудимых на допрос, но они отвечали то же, что и прежде.

— Чжан Шань! — сказал следователь Сюй. — Если ты подозреваешь Ли Бяо, почему при допросе в окружном ямыне ты взял вину на себя?

— Не выдержал пыток, ваша светлость, потому и признался, — сказал Чжан. — Ничтожный — простой домовладелец. Конечно, у меня есть свои упущения, за которые следует взыскать, но чтоб украсть или тем паче убить человека, — на такое я не способен. Да и куда я после этого денусь, где спрячусь?.. Дело же было так. В тот день кто-то открыл ворота, а я побежал к выходу. Вот там-то я и столкнулся носом к носу со стражником... Почему-то его не винят, а взыскивают с меня!

Тут вмешался Ли Бяо.

— Ваша светлость! Я — государев стражник! Окружной начальник приказал мне ехать с господином сюэцаем, чтобы поймать вора. Мог ли я убивать сюэца, коли был с ним связан? Ведь тогда мне никак нельзя было бы вернуться обратно!.. А пришел я в гостиницу потому, что свой нож там оставил. В ворота вошел я

пустым. Что ж я голыми руками его зарезал? Нож свой я потом нашел на постели, и все это видели. Не этим ножом убивали сюдая... Человек зарезан в заведении Чжана, значит, с него и спрос.

— Ну, а ты что скажешь? Кто из них виноват? — спросил следователь Ван Хуэя.

— Не могу знать, ваша светлость! Вкопец запутался!.. Как будто оба они вызывают подозрение, но и оба имеют оправдания.

— А по-моему, они не виноваты. Здесь какая-то другая причина... — промолвил вельможа Сюй и, взяв кисть, написал заключение: «Стражник Ли Бяо и хозяин гостиницы Чжан Шань, хотя и были связаны с покойным, однако к убийству вряд ли причастны, а по-моему должна быть другая причина. Подозреваемых людей держать в заключении до поимки настоящих преступников». Ли Бяо и Чжан Шаня снова отправили в окружную тюрьму.

Господин Сюй покинул присутственный залу, весьма удрученный тем, что дело осталось неразрешенным. Вечером, когда он лег спать, ему сквозь дрему почудилось, что перед ложем его появился сюдай с красавицей-девой. Они протягивают ему прошение и говорят о каком-то убийстве.

— Я как раз хотел вас кое о чем расспросить! — сказал Сюй.

И вдруг женщина сказала ему странные слова — будто стихи:

Безволосы, темны-темны,
Сразиться друг с другом должны.
Олень бежит по земле,
Все видно в ясной ночи.

Сюй постарался запомнить слова. Кивнув головой, он хотел было спросить, что они означают, но видение исчезло. Он в испуге вскочил — оказалось, что это был лишь сон. Однако следователь хорошо запомнил странные фразы, правда, смысла их, как ни гадал, так и не смог понять. И вдруг он подумал: «В своей первой фразе женщина говорит о волосах... Безволосая женщина — это, конечно же, монахиня... Быть может, какая-нибудь монашка учинила злодеяние? Завтра надо хорошенько все разузнать. Чудится мне, в этих строках и таится разгадка преступления».

На следующий день следователь Сюй, открыв присутствие, вызвал Чжан Шаня на повторный допрос.

— Скажи, этот сючай все время почевал в твоей гостинице?

— Никак нет! Постоянно почевали только стражник да челядинец господина сючая — Ван Хуэй, а сам он проводил ночь где-то в другом месте. Правда, в тот самый вечер он остался дома, потому как стражник со слугой ушли в Цзинин. Вот тут-то его, несчастного, и порешили!

— А ходил он в здешние храмы или какие скиты?

Чжан Шань, немного подумав, ответил:

— В тот день, когда они приехали, господин сючай пожелал посетить какое-нибудь тихое место, чтобы немного успокоиться и развеять уныние. Я проводил его в здешний скит.

— С монахинями?.. А каковы они внешностью? Молоды ли?

— Нас встретила одна — обликом весьма прелестная.

«Вот и разгадка!» — втайне обрадовался Сюй и спросил:

— Как зовут эту монахиню?

— Ее кличут Чжэньцзин — Истинное Безмолвие.

Следователь, на мгновение задумавшись, вдруг стукнул ладонью по столу:

— Вот и ответ на первые две фразы! В них говорилось: «Безволосы, темны-темны, сразиться друг с другом должны». Первые слова намекают на монахиню, а иероглифы «темный» и «сразиться» в соединении означают «безмолвие». Несомненно, преступление связано с этой монахиней.

Он тут же выдал стражнику Ли Сипю бирку на арест монахини, которую следовало немедленно доставить в суд. Ли Сипю, исполняя приказ, направился в скит. Перепуганная красавица-монахиня попыталась узнать причину ареста, на что стражник ответил:

— Дело нешуточное! Господин следователь вызывает тебя по подозрению в убийстве.

— Батюшки! — воскликнула монахиня. — К какому еще убийству меня приплели?

— У Чжан Шаня на постоялом дворе зарезали сючая Вана, и Чжан показал, что убитый будто бы бывал

в этой обители. Вот мне и велели доставить тебя на допрос.

Монахиня стояла как громом пораженная.

«Я еще подивилась, почему сюдай эти два дня не появлялся. А его, оказывается, убили! — думала она. — Какое несчастье!»

— Господин стражник! Я же монахиня, никогда не выхожу за ворота скита. Откуда мне знать, что случилось на постоялом дворе, — в голосе женщины слышались просительные нотки. — Пожалейте меня, господин служивый, скажите начальству, чтобы меня не вызывали в суд, а я вас щедро отблагодарю!

— Ничем не могу помочь! Следователь требует тебя в суд, а с ним шутки плохи!

Женщина заплакала, бросая на стражника жалостные взгляды. Потом она под села к нему поближе, рассчитывая, что стражник ее пожалеет и сделает послабление. Ли Силь пожимал эти хитрые ходы, но, боясь ослушаться начальства, не уступил.

— Если ты не причастна к этому делу, тебе нечего бояться, — успокоил он женщину. — Поговори сама с начальником, и все определится.

Монахине пришлось подчиниться и пойти вслед за стражником в ямынь. Когда она предстала перед следователем, тот, хлопнув ладонью по столу, воскликнул:

— Поразительно! Это, конечно, она — та самая женщина, что я видел во сне!

Он велел монахине подойти ближе и встать перед ним на колени.

— Ответствуй! Имела ли ты греховную связь с сюцаем Ваном и как ты убила его? Если расскажешь правду, освобожу тебя от наказания! Если в чем-нибудь солжешь, забью до смерти!

Экзекуторы, стоявшие в зале присутствия, отозвались на эти слова громкими криками. Молодая монахиня — а ей не исполнилось еще и двадцати лет — никогда не бывала в суде и не видела грозное пачальство вблизи. Насмерть перепуганная, она тряслась от страха. Скрывать от судьи свою тайну она побоялась.

— Однажды господин сюдай зашел к нам в скит, наверное, отдохнуть и рассеяться. Увидев меня, он снова появился в тот же вечер. Дал мне слиток серебра и сказал, что останется на ночь. Конечно, мне не следовало

его принимать, но так уж получилось... После этого он приходил несколько дней кряду, потому как меж нами возникли любовные чувства. Как-то он сказал мне по секрету, что в гостинице у него схоронено несколько десятков лянов и два золотых украшения, которые он собирается мне подарить. А в последний вечер он сообщил, что ночью ко мне не придет и останется в гостинице. Какое-то у него было дело... Ушел и больше не вернулся. Я долго ждала его и, конечно, понятия не имела, что он уже мертвый.

Следователь понял, что молодая монахиня говорит правду. Несомненно, эта прелестница путалась с сюцаем, но убить его она не могла. Как же связать концы с концами? И еще эти деньги, украшения... Ведь их как раз и украли. Следователь находился в замешательстве.

— Скажи, когда сюцай говорил о серебре и вещах, рядом был кто-то еще, кто мог бы подслушать?

— Никого! Мы тогда лежали в постели!

— Ну, а ты сама рассказывала об этом кому-нибудь?

Чжэньцзин смешалась и вспыхнула.

— Такое было! — Она опустила голову. — Видно, зря я сказала тому проходимцу. Наверное, он и убил сюцаю.

— О чем ты? — Сюй стукнул кулаком по столу.

— Ничтожная достойна смерти! — вскричала монахиня. — Все скажу без утайки! Я привечала у себя одного монаха. Но только, когда появился господин сюцай, я монаха принимать перестала. Однако в тот вечер, после того как ушел господин сюцай, он снова вдруг появился и стал расспрашивать о наших отношениях. Я ему сказала, что мы любим друг друга, что сюцай обещал дать мне деньги и два золотых украшения и я, мол, его бросать не хочу. Монах спросил, где остановился сюцай, я ответила, что в заведении Чжан Шаня. Тут монах поднялся и быстро ушел. С тех пор я его не видела. Может быть, он и убил?

— Как зовут монаха?

— Учэнь.

Следователь даже подпрыгнул от изумления, услышав имя монаха.

— Ясно! — вскричал он. «Олень бежит по земле» — эта фраза связана с именем монаха: Учэнь означает Без Пыли¹³. В какой обители он живет?

— В храме Осиянной Доброты!

Следователь приказал стражникам тотчас идти в названный храм и арестовать монаха Учэня.

— Монах, совершив гнусное преступление, конечно, скрылся,— сказал он.— Потому надобно допросить его ученика. Постарайся ничего не напутать, ведь у монахов имена часто бывают похожие.

Следователь обратился к монахине:

— Знаешь ли ты, как зовут его ученика?

— Юэлан — Лунный Отрок, а живет он позади храма.

Следователь задумался.

— Вот и еще одна разгадка. Последняя фраза, что я услышал во сне, звучала: «Все видно в ясной ночи». Слова «ясная ночь», несомненно, намекают на имя послушника — Лунный Отрок. Таким образом, сейчас все слова сошлись, но, чтобы окончательно убедиться, надо допросить Юэлана.

Стражник Ли Синь с тайным приказом начальства об аресте монаха Учэня поспешил в храм Осиянной Доброты. Как предполагал следователь, монаха на месте не оказалось.

— Несколько дней назад учитель куда-то исчез,— объяснил послушник, который оказался Юэланом. Стражник, связав ему руки, повел в присутствие. На вопрос следователя, куда исчез монах, ученик с готовностью ответил:

— Похоже, он у своих родственников. Но только если его вспугнуть, он может убежать. Ваша светлость, я помогу стражникам его разыскать.

Следователь дал согласие и повелел стражнику Ли Синю отправиться с послушником на розыски монаха.

— У него очень много родни. Трудно сказать, где он сейчас,— сказал стражнику послушник.— Если он пронохает, что идет служащий управы, он, конечно, удерет. Лучше всего вам переодеться, например даосом, мы вместе будем ходить по домам и просить подаяние. Узнаем, где он, тогда можно и действовать.

— Согласен! — сказал Ли Синь и одел на себя халат даосского инок.

Несколько дней кряду бродили они с Юэланом, однако следов Учэня обнаружить так и не удалось. Однажды, когда в незнакомой деревне они, прося подаяние,

подошли к какому-то дому, послушник заметил монаха, который сидел за столом и распивал вино.

— Вон он, мой учитель Учэнь,— шепнул парень стражнику.

Ли Синь, не привлекая лишнего внимания, сбегал за местными выборными и, предъявив им ордер на арест, вернулся с ними обратно. Они ворвались в дом и мигом скрутили монаха веревкой.

— Господин следователь требует тебя в суд! Узнали про твое злодеяние.

Монах похолодел от ужаса, руки и ноги у него задрожали. Однако, увидев перед собой человека в одежде даоса, он быстро пришел в себя.

— Почтенный инок! У нас с тобой не было ссор и обид. Отчего ж ты хочешь тащить меня в суд?

— Плешивый злодей! Ты что, потерял глаза? Какой я тебе инок! — заорал стражник и отвесил монаху здоровенную оплеуху.

Он откинул полу халата и показал бирку, висящую на поясе.

— Гляди! Распахни свои ослиные глазщи!

Монах рванулся было бежать, да разве удерешь, когда кругом люди. Злодей сник и покорно пошел за стражником в ямынь. Вдруг ему на глаза попался послушник Юэлан.

— Ах ты, паскудник! — монах выругался. — Значит, это ты их навел на меня!

— Я себе не подвластный. Начальник приказал, я и пошел. К тому же вы натворили, вы и отвечайте! Я-то при чем?

Стражник Ли Синь вместе с соседями и выборными доставили Учэня в управу, а когда следователь открыл присутствие, ввели его в судебную залу.

— За что ты убил сюэца Вана? Признавайся!

Монах начал было юлить и отказываться. Следователь приказал принести пыточную снасть и вызвал на очную ставку монахиню Чжэньцзин.

— Об украшениях и деньгах, что он мне обещал, я говорила только тебе и больше никому,— сказала монахиня, которая была очень зла на Учэня.— Когда ты ушел от меня, в ту же ночь ты его, наверное, и порешил! Нечего отпираться!

Стражник Ли Синь добавил, что по пути в управу

Учэнь то и дело ругался со своим учеником, и они в чем-то укоряли один другого.

Следователь распорядился привести послушника Юэлана и приказал учинить ему пытку.

— Ваша светлость, господин начальник! Не пытайте меня! — взмолился Юэлан. — Серебро и украшения схоронены в храме, в сундуке спрятаны. Допросите учителя!

Тайна монаха всплыла наружу. Он понял, что упорствовать дальше — значит навлечь на себя новые пытки, и во всем признался.

— Досада меня взяла, что сюдаи завладел моей монашкой, и она от меня отвернулась. Ну, конечно, позарился я и на богатства... Словом, в ту самую ночь проник я в гостиницу, зарезал его, а украшения с серебром унес.

Показания монаха записали на бумагу, а его самого отправили в тюрьму. Восемьдесят лянов серебра и два украшения поместили в казну Цаочжоуского округа, с тем чтобы впоследствии передать их хозяевам. Монаха Учэня, как положено, приговорили к смерти, а красавицы-монахини был взят выкуп за проступок, после чего ее записали в мирянки, изгнали из скита и продали в услужение. Что до Чжан Шаня, сыщика Ли Бяо и послушника Юэлана, то их отпустили на свободу, поскольку вины за ними не было. Итак, все встало на свои места, а произошло это благодаря прозорливости и мудрости следователя Сюя, без которого, возможно, погибли бы невинные люди. Вот почему говорят:

Две разных судьбы —
и крайне странен их путь,
Разные встречи —
и трудно постигнуть их суть.
А как догадаешься,
кто убийца и почему?
Ответ — любострастье
одна причина всему.

Слуга Ван Хуэй подал прошение на получение украденных денег, однако следователь Сюй ему решительно отказал.

— Краденое серебро тебе получать не положено, поскольку оно принадлежит твоим хозяевам, а они умер-

ли. Живей поезжай на родину и возвращайся обратно с их сыновьями. Тогда получите деньги!

Ван Хуэй, поклонившись, удалился и направился в гостиницу Чжан Шаня. До его слуха допеслись крики радости.

— Его светлость, господин судья, прозорлив, как само Небо! Какое счастье!

— Он раскрыл и выяснил все до конца!

— Благодаря его мудрости не пострадали безвинные люди!

Хозяин Чжан Шань возжигал бумажные полоски с благодарственными надписями. Увидев Вана и Ли, он потащил их к столу и напоил допьяна.

На следующий день Ван Хуэй имел беседу со стражником.

— Со дня на день должен прехать мой названный брат — приятель Ван Энь с молодыми господами из нашего дома. Поедем им навстречу по западной дороге, быть может, по пути что-нибудь узнаем о воре.

Ли Бяо ответил согласием.

Ван Хуэй, крепко заколов гроб с телом хозяина, оставил его под присмотром Чжан Шаня, а сам собрал пожитки и вместе со стражником отправился по дороге, ведущей в родные края. Они добрались до уездного городка Чаньюань, который входил в округ Кайчжоу провинции Северная Чжили, и решили зайти в придорожную харчевню закусить. Вдруг в дверях заведения появился человек. Оказалось — Ван Энь. Ван Хуэй окликнул его. Побратимы бросились друг к другу навстречу.

— Господа здесь же в доме, — сообщил Ван Энь.

Ван Хуэй поспешил внутрь здания, где находились оба молодых господина. Поклонившись, слуга проговорил:

— Ваши батюшки оба скончались.

Утирая слезы, выступившие у него на глазах, он рассказал о несчастьях, которые произошли за это время. Молодые господа огласили воздух плачем. Вместе с ними плакали и оба слуги. Они долго бы еще горевали и печалились, если бы не Ли Бяо, который подошел и принялся их утешать.

— Это сыщик Ли, — объяснил Ван Хуэй юношам, с недоумением смотревшим на незнакомца. — Окружной

начальник повелел ему изловить вора. Мы давно уже ищем злодея, но, как ни старались, следов обнаружить не смогли. Все же усилия наши, видно, не пропали даром — хоть вас повстречали... Я ведь знал, что вы должны скоро приехать, вот мы с ним и пошли навстречу, а оба гроба сейчас в Кайхэ... В окружном ямыне лежат восемьдесят лянов серебра и два золотых украшения. Начальник сказал, что выдаст их только вам. Это из денег на дорожные расходы, правда, часть пошла на покупку гроба... Ну, а шкатулка, где хранились пятьсот лянов, бесследно исчезла. Придется, как видно, еще потревожить служивого Ли.

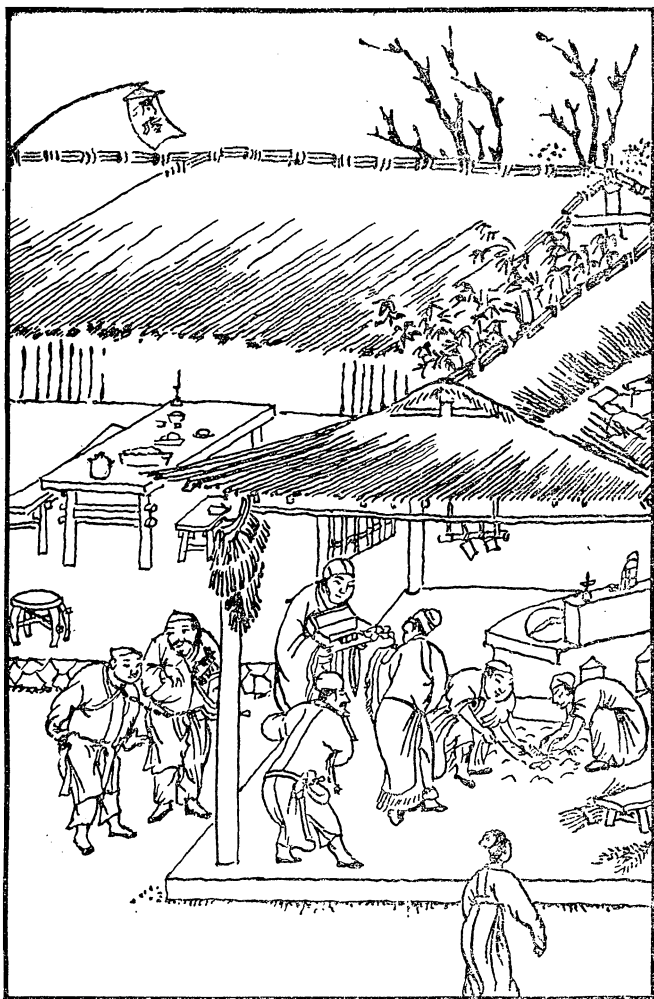
— Когда я уходил, у хозяина было много денег. Странно, что остались лишь эти...— вмешался Ван Энь.

— Господин Ван Цзюэ прятал деньги сам,— ответил Ван Хуэй. Мне тогда тоже показалось странным, что денег так мало. Я спросил старшего хозяина, а он мне ответил, что он, мол, их хорошо схоронил и доставит дома. Сейчас, когда он умер, мы уже ничего не узнаем.

— Сколько было денег и вдруг все пропали неизвестно куда! — проговорил Ван Энь, обращаясь к молодым хозяевам. В его голосе слышалось сомнение.— Вот и Ван Хуэйю тоже кажется странным. Молодым господам надо взять сие на примету и хорошенько проверить. Однако ж по дороге говорить об этом, пожалуй, не стоит.

Все пятеро вышли из харчевни, с тем чтобы немедленно идти в Кайхэ. В пути их неожиданно настиг вихрь чудовищной силы. Тучи пыли с песком, поднятые страшными порывами ветра, слепили глаза. Дорога куда-то пропала. Где север, где юг — неизвестно. Путники, цепляясь друг за друга, медленно продвигались вперед. На счастье, появилась деревня, где они смогли остановиться и перевести дух. Теперь только бы найти харчевню. Выпить по чарке вина, закусить и снова тронуться в путь. Пыльная буря стала стихать, и небо посветлело... Вот и харчевня, а в ней сидит женщина, как видно, хозяйка

— Чудеса! — вдруг воскликнул Ван Хуэй, указывая на что-то в доме. Он потянул стражника за рукав и шепнул: — Взгляни, воп там... на столе. Это же наша шка-

тулка... В ней хранилось серебро. Как она здесь оказалась? Дело печисто!

К ним подбежали Игао, Икуй и Ван Энь.

— Что там такое? — спросили они.

Ван Хуэй объяснил.

— Зайдем, будто бы выпить и закусить, — сказал стражник, — а там все и разведем.

Они вошли в харчевню и уселись за столы. К ним подошла хозяйка.

— Сколько отмерить вина? — спросила она.

— По твоему разумению. Сколько нальешь, столько и выпьем! — сказал Ли.

— Скажи-ка, — вдруг спросил Ван Хуэй, — а где твой хозяин?

— Муж-то? Он с сыном Вангэ пошел за долгом. Нынче вернутся.

— А кличут вас как?

— Наша фамилия Ли.

Ван Хуэй покачал головой.

— Какая досада, что раньше не встречались... — и тихо добавил в сторону сотрапезников, — того возницу звали Ли Ваном... Будем сидеть здесь, пока он не придет.

Путники выпили и закусили, с нетерпением ожидая хозяина дома. Как говорится в этих случаях: копья они заточили, стрелы они наострили. Солнце уже склонилось к западу, когда на пороге харчевни показались две мужские фигуры. К этому времени гости, покончив с едой, празднично сидели в сторонке.

— Ба! Да у нас никак гости! Кто ж такие? — спросил один из вошедших пьяным голосом. В том, кто был помоложе, Ван Хуэй сразу же узнал возничего Ли Вана.

— Не узнаешь? — он подошел к парню и схватил его за пиворот.

Ли Ван, признав слугу сюэца, растерялся и сразу обмяк.

— Вот ты и попался, злодей! — закричали все в один голос.

Стражник Ли показал ордер на арест возничего Ли Вана, который украл серебро. На шею мошечника набросили цепь и замкнули.

— Искали возничего, а он, оказывается, притаил-

ся здесь и промышляет вином! — проговорил стражник и принялся вязать старика отца, чтобы тот никуда не сбежал. Подпаторевший в судебных делах стражник вытащил из кучи дров, что лежала возле очага, здоровенную палку и изо всей мочи хватил парня по хребту. — Куда девал серебро, отвечай!

Ли Ван, стерпев удар, промолчал. Такова уж воровская натура: сколько ни бей вора, все равно рта не раскроет.

— Молчишь? Признавайся! Вон шкатулка — доказательство твоей кражи, — сказал Ван Хуэй.

Они продолжали допрос, как вдруг женщина сделала знак глазами, показывая на пол возле очага, и будто что-то пробормотала. Как оказалось потом, она доводилась парню мачехой, и пасынок (парень злой и дикий) ни во что ее не ставил. Понятно, что сейчас женщина решила его разоблачить, однако открыто сказать побоялась и делала только знаки. Игао с Икуем это заметили.

— Подождите бить! — крикнул один из них. — Поойтесь возле плиты, может быть, что и найдете.

Ван Хуэй быстро подбежал к очагу и, схватив большой кухонный нож, принялся разрывать глину. В углублении что-то блеснуло.

— Здесь! — крикнул он.

К нему подошел Ван Энь со шкатулкой. Они принялись считать серебро и складывать его в шкатулку, после чего Игао вместе с двоюродным братом приклеили на нее полоску бумаги с цифрой и надписью. Один из братьев, обернувшись к стражнику, сказал:

— Благодаря твоим стараниям наши многодневные поиски нынче увенчались успехом. Нашли и злодея и деньги! Теперь надо срочно ехать в округ для окончательного решения дела.

Стражник позвал местных выборных и велел им тащить арестованных в окружной ямынь. Начальник округа, пересчитав серебро, положил его в казну с тем, чтобы потом отправить следователю Сюю для проверки. Деньги поручили везти Ли Бяо, который особенно отличился в поимке преступника.

В назначенный день, когда следователь Сюй занял свое место в присутственной зале, туда ввели всех

причастных к делу об ограблении. Подчиненные доложили:

— Сын убитого Игао и племянник Икуй в пути обнаружили злодея и украденные деньги. Вместе со стражником они схватили преступника и доставили в ямынь!

После допроса, учиненного мошеннику Ли Вану, ему назначили тридцать батогов и вместе с монахом Учэнем отправили в окружную управу для дальнейшего дознания и определения приговора. Отца Ли Вана по старости лет от наказания освободили. В тот же день Игао и Икуй подали прошение о возвращении им украденных денег. Господин Сюй наложил на бумагу свое заключение.

Надо сказать, что во время беседы с братьями следователь отметил, что оба юноши держатся с редким достоинством и обладают изысканными манерами.

— Чем вы занимаетесь, юноши? — спросил вельможа.

— Мы оба учимся, — ответили они, и такой ответ весьма понравился господину Сюю.

— Ваши отцы, — сказал он назидательным тоном, — вели себя не вполне достойно, за что и заплатились жизнью на чужбине, причем обстоятельства смерти мы распознали с трудом, и то лишь благодаря вещему сну, который дал нам намек на злодея. Можете считать, что вам повезло. С помощью доброго провидения удалось обнаружить в дороге вора и поймать его, а нынче вернулись деньги, с коими можете возвращаться домой. Теперь вам следует усердно учиться и, продвигаясь по дороге славы, не повторять ошибок родителей.

Юноши низко поклонились вельможе и, смахнув слезы, неволью пабежавшие на глаза, поблагодарили его за внимание.

— Ваша светлость! У нас есть одна небольшая просьба, — сказал один из братьев. — Мой батюшка перед смертью прислал письмо, из которого мы поняли, что у него было очень много денег. А сейчас оказалось — всего-навсего около шестисот ляпов, что лежат в казне на сохранении. По словам нашего челядинца Ван Хуэя, кроме двух гробов, что стоят сейчас в го-

стиннице Чжапа, у нас как-будто ничего больше и нет. Нам кажется, здесь кроется еще какое-то злодеяние, и мы просим вас расследовать. Помогите нам разыскать исчезнувшее серебро. Уповаем на вашу милость!

— А кто оставался с вашим отцом?

— Один лишь Ван Хуэй,— ответил юноша.

Следователь вызвал челядинца на допрос.

— Твой молодой хозяин заявил нам, что у его родителя было много серебра перед смертью. Куда же оно делось?

— Деньги прятал тогда сам старший хозяин, господин Ван Цзюэ, а то, что осталось, он спрятал в повозке. Мне тоже в тот раз показалось странным, и я его даже спросил. А он мне ответил, что есть, мол, у него один ловкий план, как надежнее схоронить серебро. И еще он сказал, что достанет деньги, когда мы приедем домой. Сейчас, когда хозяина убили, не у кого больше спросить. Вот все, что я знаю.

— А может быть, ты из коварных побуждений утаил эти деньги?

— Ваша светлость! Я же здесь один, где мне прятать серебро? — воскликнул Ван Хуэй. — К тому же в гостинице Чжана, когда был еще жив хозяин, он сам следил за вещами и гробом. А потом я был всегда на глазах у Чжан Шаня, стражника Ли и пового возничего. Разве здесь что утаишь!

— В день, когда Ван Лу клали в гроб, ты присутствовал при обряде?

— Нет! Старший хозяин сказал мне, что нынче, мол, день несчастливый и смотреть на покойника не положено.

— Вот теперь ясно, что ты невиновен! — рассмеялся Сюй. — Я знаю, где серебро! — С этими словами он взял полоску бумаги и что-то на ней написал, а потом приказал служащим вложить ее в конверт и сверху поставить печать.

— Вот здесь ваше серебро. — Он протянул конверт братьям. — Когда приедете домой, вскройте конверт, тогда и узнаете, где ваши деньги... Здесь больше не задерживайтесь, иначе может опять что-нибудь случиться!

Братья не решились задавать лишних вопросов и,

взяв конверт, возвратились в заведение Чжап Шаня. Как положено, они совершили поклоны перед останками родителей, после чего с бумагой начальства отправились в окружную казну за серебром. Начальник округа — как известно, он был их земляком — помог им поскорее уладить дела, а служащие ямыня, не посмеяв чинить лишних препятствий, выдали из казны положенные деньги. Двадцать лянов братья отдали Чжап Шаню в награду за то, что он согласился держать у себя оба гроба, и за причиненные ему в суде неприятности. Они попросили хозяина подыскать им честного возничего, который довез бы останки родителей до дома. На следующий день они устроили обряд жертвоприношения, после чего все дары, положенные перед гробом, отдали Чжап Шаню и вознице. Затем колоды поставили на повозки, и они тут же тронулись в путь. Через несколько дней братья добрались до родных мест. Домашние со скорбными криками и плачем вышли им навстречу. Эту печальную картину можно изобразить такими словами:

Когда покидали свой дом,
в здравии были оба,
А потом вернулись домой
два деревянных гроба.

Жизни сгубили свои,
погрязнув в пучине разврата.
К богатству люта я страсть
в их смерти была виновата.

Надо вам сказать, что родители погибших были еще живы. Находился в здравии и их дед — сюдай, занимавший когда-то пост начальника уезда. Стоит ли говорить, как горевали и плакали все они, узнав, что два молодых человека привезли останки своих отцов. Юноши подробно рассказали о злоключениях, приведших родителей к смерти, о прозорливости господина Сюя, который разрешил множество загадок из этой темной истории. Все родственники воздали должное мудрости чиповника, благодаря коей никто из безвинных не пострадал. Само собой, вспомнили и о серебре. Молодые люди объяснили:

— По поводу исчезнувших денег мы подали господину Сюю прошение. Он дал нам какую-то бумаж-

ку в конверте, велел вскрыть его лишь по приезде домой.

Они достали небольшой конверт и, распечатав его, обнаружили полоску бумаги с такой надписью: «Серебра было слишком много, чтобы один слуга мог его утаить. Ваш родитель сказал, что спрятал его весьма хитро. Несомненно, оно находится в гробу, который вам разрешается вскрыть. К сему дается это постановление».

— Я помню, что господин Ван Цзюэ не позволил тогда нам присутствовать при положении тела в гроб, — проговорил Ван Хуэй. — А когда гроб закрыли, деньги почему-то сразу исчезли. И вот сейчас благодаря господину следователю все стало ясно.

— Если есть разрешение начальства, я, его родитель, даю позволение вскрыть гроб! — сказал отец. Он велел Ван Хуэю принести инструмент, с помощью которого слуга осторожно снял крышку колоды. Все свободное пространство гроба было заполнено слитками серебра.

— Вот так господин Сюй! — закричал Ван Хуэй. — Если бы на его месте оказался какой-нибудь бестолковый чиновник, много бед он натворил бы, да и мне бы не поздоровилось!

Игао вместе с Икуем принялись пересчитывать деньги. Оказалось три тысячи пятьсот лянов, разделенных на две равные части — доли обоих братьев. Кроме них был еще сверток с тысячью лянов и к нему приложена записка: «Первоначальные деньги возвращаю моим родителям». Серебро напомнило о погибших на чужбине, и все всплакнули. Гроб снова заколотили, а серебро разделили согласно воле покойного. Престарелый сюцай, бывший уездный начальник, возжег благовония в честь столичного следователя Сюя, приславшего разрешение на вскрытие гроба, и совершил несколько поклонов.

— Хвала тебе, господин Сюй! — воскликнул он. — Твоя прозорливость помогла отомстить злодею и вернуть серебро законным владельцам. Да будет счастье твое безмерно, а служебное благополучие безгранично. Пусть дети и внуки твои обретут благоденствие!

И все родственники присоединились к хвалебным воззваниям старого сюцая.

Из нашей истории видно, сколь многотрудны и темны иногда бывают судебные дела и с какой осторожностью следует их разрешать. Есть стихи в доказательство этих слов:

В мире давно утвердилось мнение,—
но так ли уж верно оно? —

Что колебание или сомнение
казаться обидным должно.

А мы к судебным чинам взываем:
осторожны будьте всегда! —

Много душ людских пострадало
от неправедного суда.

СОЮЗ ДРАКОНА И ТИГРА

Устав обнимать черепахи главу¹,
ты новый пост испросил;
Краснохвостую рыбой рвешься к Сиху,
уже выбиваясь из сил².

В былые годы в здешних краях
служил не один мудрец —
С тобою ветер Шести Единиц³
обретает покой наконец.

Известно среди Четырех Морей —
на висках твоих седина...
Почему хризантема на праздник Чунъян
в волосах теперь не видна?

Не ведал ты, кто первый взойдет
в пичжоуский Звездный Зал⁴,
Не в чаши золотые вино разливать
давно в этом зале мечтал.

Эти стихи сочинил в свое время сунский вельможа Лю Цзисунь, посвятив их поэту Су Дунпо, который, как известно, покинув сад академиков — ханьлиней, отправился служить начальником округа в Ханчжоу⁵. Надо вам знать, что Су Дунпо, или как его еще звали Ученый Су, прежде уже дважды бывал в этих местах. Первый раз он приезжал сюда во второй год Сияющего Спокойствия эры правления императора Шэньцзуна⁶, когда Су Дунпо назначили гушпанем — помощником начальника округа. Во второй раз он побывал здесь в годы Изначального Покровительства⁷, когда получил должность окружного военного инспектора. Стоит ли поэтому удивляться, что много стихов, посвященных разным местам

Линьаньской области, связаны с именем поэта? Впоследствии, когда сунский двор перенесся через Янцзы и обосновался на юге, в Линьани проживало немало даровитых литераторов, но среди них особо выделялся своим редким талантом один ханьлинь по фамилии Хун, который продолжил замечательные деяния поэта Су Дунно. Этот Хун, или Хун Май, как его еще звали, составил тридцать два «Описания И Цзяня»⁸, чем сразу прославился как выдающийся историк своей эпохи, снискав высокое уважение при дворе императора Сяоцзуна⁹. Однако скоро ему наскучила жизнь в Запретном лесу¹⁰, и он стал просить государя отправить его в провинцию. В конце концов владыка удовлетворил его просьбу, назначив на пост правителя области Шаосин древней округи Юэчжоу¹¹. Это были годы Ясного Сияния¹². Весна уже вступила в свои права. Об этом чудесном периоде хорошо говорят стихи Сюэ Юаньсу. Вот они:

Светит жаркое солнце
В чистом и ясном небе.
Опадают цветы под ветром,
Лепестками земля алеет.
Сбруя коней сверкает,
Сияют нити уздечек.
Пролился ливень на листья,
Зелень подернулась дымкой.
Так мягки травы лесные,
Объята река весной.
Белоснежных цветов лепестками
Укрыты дворца ступени.
Жалко, в счастливую пору
Мало веселых свиданий!
Верткие ласточки в небе
Вьются в радостном танце.

Эти стихи удивительны тем, что их можно читать наоборот — снизу вверх строка за строкой и справа налево слово за словом — и они остаются такими же, не теряя своего очарования.

В танце радостном вьются
В небе ласточки верткие.
Свиданий веселых мало
В счастливую пору — жалко!
Ступени дворца укрыты
Лепестками цветов белоснежных.
Весною река объята,
Лесные травы так мягки.
Дымкой подернулась зелень,

На листья ливень пролился.
Уздечек нити сияют,
Сверкает конская сбруя.
Алеет земля лепестками,
Под ветром цветы опадают.
В небе ясном и чистом
Солнце жаркое светит.

По приезде в Шаосин Хун Май устроил пиршество в Зале Умиротворения Юэ¹³, на которое пригласил новых своих подчиненных. В нижней части залы, соблюдая строгий порядок, сидели служащие из четырех отделов и шести служб¹⁴. Надо сказать, что в этот день кушанья и напитки отличались изумительным вкусом, а фрукты поражали свежестью. Когда гости уже трижды приложились к вину, в зале появились певички, среди которых особенно выделялась некая Ван Ин. В своих изящных ручках, похожих на стебли весеннего бамбука или нежнейший тростник, она держала увитую золотыми нитями свирель с изображением дракона. Девушка приложила ее к губам, и по зале заструилась чистая мелодия. От ее красоты и торжественности гости пришли в восхищение. Хун Май тут же приказал слугам принести четыре драгоценности кабинета. Певичка продолжала играть, а поэт, охваченный вдохновением, принялся сочинять стихи. Через несколько мгновений стихотворение под названием «Красавица Юй» было уже готово. Послушайте его:

Из башни нефритовой звуки свирели
до слуха вдруг донеслись.
Песнь, бирюзовое небо пронзая,
летит стремительно ввысь.
Мелодии гуц, шан, цзяо и юй¹⁵
на закат плывут, на восход.
В изумлении вижу: встревожен дракон
в бирюзовой пучине вод.
Устремляются звонкие чистые звуки
в голубой небосвод.
Знаю, вовеки мне не забыть
Лянчжоуской песни¹⁶ полет.
Песня пасквозь пронзит облака,
камни она разорвет.
Песня мгновенно исчезнет вдали,
бесследно ввысь уплывет.
Цветы мэйхуа¹⁷ облетают —
Чудится:
В воздухе тихо звенит
Драгоценный нефрит.

Хун Май сложил столь прекрасное стихотворение легко и быстро. Стоит ли этому удивляться? Как говорят в этих случаях: из уст поэта сыпались перлы слов и струилась парча изящных фраз. Хозяин прочитал стихи гостям.

— Великолепно сложено! — воскликнули они в восхищении. — И совершенно ново по содержанию!

Хор подобострастного восхваления был нарушен громким смехом одного гостя.

— Ваша светлость, стихотворение о драконовой свирели действительно прекрасно, — проговорил гость, оказавшийся помощником правителя округа Кун Дэмином, — однако каждая его строка взята из стихов старых поэтов.

— Может быть, господин Кун соблаговолит объяснить? — проговорил обескураженный Хун.

— Извольте! — Кун подошел к столу, за которым сидел хозяин, и стал разъяснять фразу за фразой.

— Вот ваша первая фраза: — «Из башни нефритовой звуки свирели до слуха вдруг донеслись». Она взята из стихотворения «Отшельник» сунского поэта Чжан Цзывэя¹⁸. Помните, что в нем говорится?

Как же узнать, почему так свежи
краски дворцовых террас?
В небе взойдя. Пэйлай и Инчжоу¹⁹
луна озарила тотчас.

В Хладном Дворце²⁰ мелодия циня
плывет-возносится ввысь,
*Из башни нефритовой звуки свирели
до слуха вдруг донеслись.*

Чёрпает ворон студеную воду
в колодце своем золотом.
В убогой хижине ложе из камня,
облачко в небе ночном.

Будто стою над Яшмовым Прудом²¹
сон мне привиделся вдруг.
Один бреду вдоль садовой ограды —
тишина ночная вокруг.

А вот ваша вторая фраза «Песнь, бирюзовое небо пронзая, летит стремительно ввысь». Ведь она позаимствована из стихотворения ученого Ло «Песнь о Ван грациозной».

Когда-то Се Ань²² услышал на пиру
звук волшебной песни.
Кто-то за тонким пологом пел —
мотива не сыщешь чудесней.

*Песнь, бирюзовое небо пронзая,
легит стремительно ввысь,
И облака улетать не хотели —
застыли вдруг в поднебесье.*

А ваша третья фраза? Она взята у Бессмертной
Цао²³ из ее стихотворения «Звук ветра».

Словно тончайшие нити нефрита
оплетают небесный свод,
*Мелодии гун, шан, цзяо и юй
на закат плывут, на восход.*

И этой дивной чарующей песни
долго звучал мотив,
Покуда не слил его с новой мелодией
легкого ветра порыв.

Четвертая ваша строка напоминает о стихотворении
«Весло» поэта Су Дунпо:

С ужасным ревом стремнипа бурлит,
стрелюю несется вода.
Небесных пределов не видно мне,
скроюсь там без следа.

Дальний свет заливает меня,
начинает светлеть небосвод.
*В изумлении вижу: встревожен дракон
в бирюзовой пучине вод.*

Ваша следующая строка заимствована из стихотво-
рения «Дикий гусь» сунской поэтессы Чжу Шэчжэнь²⁴:

Острая боль пронзила меня
и в душе постоянно живет.
Дикий гусь на юг залетел —
не найдет пристанища здесь.
Он кружится, печально крича,
словно кого-то зовет.
*Устремляются звонкие чистые звуки
в голубой небосвод.*

И шестая строка вовсе не ваша. Вы ее взяли из сти-
хотворения «Песни и танцы» поэта Цинь Шаою:

Гнется-кружится в стремительном танце
тонкий девичий стап.
Словно печальная песня иволги,
нежный напев плывет.
Словно парча окутала залу,
как золотой туман.
*Знаю, вовеки мне не забыть
Лянчжоуской песни полет.*

Если говорить о следующей фразе, то она заимствована из стихотворения сунского полководца Лю Ци «Фейерверк на воде»:

Над водой загремели шутихи,
словно небесный гром.
Вздыбились тысячи волн, разбудив
рыб и драконов кругом.

*Песня насквозь пронзит облака,
камни она разорвет.
Песня мгновенно исчезнет вдали,
бесследно ввысь уплывет.*

Мощью своею разгонит она
всякую нечисть и муть,
Людям поможет вернуться опять
на чистый праведный путь.

И наконец, последние строки. Вы их взяли у сунского поэта Лю Гайчжи²⁵, который однажды сложил стихи по поводу посещения учжоуского советника Чэня. Стихотворение называлось «В праздник Юаньсяо²⁶ смотрю на Южноречье». Помните его?

Юаньсяо веселый праздник,
Повсюду радость царит.
Тонкие ветви ивы
свет фонарей золотит.
*Цветы мэйхуа облетают —
Чудится:
В воздухе тихо звенит
Драгоценный нефрит.
Веселится мудрый правитель, -
для всех его дом открыт.*

Барабаны грозно гудят,
Флейты нежно свистят,
Фонарики разноцветные
озаряют праздничный град.
Шумом разбужен Лунный Дворец,
где царствует вечный хлад.

Слышится грохот повозок,
цокот конских копыт.
В праздник, отринув заботы,
веселиться всяк поровит.

Подробные разъяснения Кун Дэмина привели Хуна и всех присутствующих в восторг.

— Непостижимо! — раздались восхищенные голоса. — Удивительно!

Хун Май приказал слугам наполнить чару вина и поднести Кун Дэмину.

— Ваши объяснения стихов превосходны! — сказал он. — Просто великолепно!.. Но мне бы хотелось, чтобы вы сложили свое стихотворение, скажем, на размер «Драконовой свирели». Этим вы сделаете мне поистине драгоценный подарок!

Кун поблагодарил хозяина и тут же сложил стихотворение, которое он назвал «Песнь поющей воды». Послушайте его.

Девушка прекрасная, как яшма,
одежда ее бела.
К ярко-алым губам
руки она поднесла,

И тотчас свирель с головою дракона
печальный звук издала,
Радуя слух гостей
мелодия поплыла.

Если хочешь песню Нинвана ²⁷
на свирели сыграть красиво,
Не подражай Хуань И ²⁸,
твердившему три мотива.

Знай, музыканты великие
когда-то, в былые года,
Кэтинский бамбук ²⁹ для свирелей своих
старались выбрать всегда.

Глубокая ночь светла,
В небе луна взошла,
К звездному небу возносится песнь
стремительно, словно стрела,
Летит над землей, над зеленой водой,
перед ней расступается мгла.

Прекрасны окрестные виды,
здесь царствует праздничный дух,
И мощные звуки дикой свирели ³⁰
красотою радуют слух.

Они разрушают камни,
способны тучи пронзать.
Заслышав их, злобные духи
тотчас обращаются вспять.

Кун кончил читать стихотворение, о котором можно сказать такими словами:

Только муж талантливый способен
оцепить чужое дарованье,
И об этих удивительных мгновениях
сохраняются всегда воспоминанья.

Рассказчик! Объясни, зачем ты привел строку о драконовой свирели?

— Что ж, почтенные, я могу ответить на этот вопрос. Я сделал это потому, что нынче хочу рассказать вам историю о двух братьях, которые когда-то принесли в дар божеству Восточного Пика на Горе Дундай³¹ два коленца цичжоуского бамбука с головой дракона. Интересно, что в связи с этим прославилась одна певичка из волости Фэннин Чжэнжоуского округа. Ей удалось выйти замуж за некоего молодца, ставшего впоследствии правителем Четырех округов, и даже получить титул Госпожи Двух Стран. Что же до ее мужа, то его имя внесено в летописи и дошло до наших дней во многих рассказах, ярких, как разукрашенная парча. Вам, конечно, интересно узнать его имя и то, каким образом он достиг своей славы? Послушайте сначала такие слова:

В Четырех округах Поднебесной,
в великой обширной стране,
Знаменитых и славных героев
встретишь в любой стороне.

А сейчас я хочу напомнить вам стихотворение, в коем говорится о расцвете и гибели Пяти Династий³².

Когда внезапно обрушились
основы династии Тац,
В Поднебесной на долгие годы
наступила смуты пора.
Гремел-бушевал над страпою
усобиц и войн ураган.
От воли соседей зависели
сила иль слабость двора.

Известно: могучее древо
листву не роняет зимой.
Словно предвестницу утра,
в небе увидишь звезду.
Пять династий, сменяясь,
пытались править страной,
Но только могучий правитель
злосчастий прервал череду.

Рассказывают, что в эпоху Пяти Династий жили два брата Ван Итай и Ван Эртай. Однажды им посчастливилось приобрести два коленца цичжоуского бамбука, из которого обычно делают свирели. Им очень понравился странный вид деревца, комель которого походил на голову дракона. И правда, вряд ли сыщешь другую подобную диковину. Но братья не стали делать из бамбука свирель. Они отправились в уезд Фанфу округа Яньчжоу и там в храме Владыки Восточного Пика предали бамбук сожжению — принесли его в жертву духам. После этого дух Восточного Пика — Мудрейший владыка Шэньди даровал диковинку своему сыну Бин Лингуну, а тот приказал двум мудрым полководцам Тану и Чжану ехать в уезд Фэннин Чжэнчжоуского округа и отыскать там некоего Янь Чжаоляна — мастера свирелей. Два мудреца, приняв облик простых смертных, отправились к мастеру. Как раз в это время Янь занимался обычной работой у ворот своего дома. Мудрецы поклонились ему и сказали:

— Один знатный вельможа приобрел два коленца цичжоуского бамбука. Он просит тебя прийти к нему и сделать для него свирель. Вельможа нетерпелив, поэтому следует выполнить работу как можно быстрее. Зато тебя ждет щедрая награда. Ты ж пойдешь с нами.

Мастер сложил инструмент и отправился за незнакомцами. Довольно скоро они подошли к зданию, врата которого украшала табличка с надписью: «Восточный Пик горы Дундай». Мастер огляделся.

Здесь всюду вершины видны,
Пять главных хребтов³³ рождены,
Тридцать восемь изгибов гор,
острые пики торчат,
Здесь семьдесят две управы³⁴
людские судьбы вершат.
Отражается солнце в струях воды,
Ввысь к небесам вздымаются
могучих колонн ряды.

Черепица лазоревой крыши
 скрыта дымкой густой,
 Острые мрачные скалы
 соперничают высотой,
 Вверх и вниз лиловый туман
 изрыгает дракон золотой.
 Святая обитель — храм Чжулиньсы³⁵ —
 отражается в облаках.
 В горах Каньжишань обрели приют
 бессмертный мудрец и монах.

Мастер Янь сразу даже не сообразил, куда он понал. Тем временем два провожатых повели его дальше. После встречи с Бин Лингуном они проводили Яня в небольшую беседку, где на столе он увидел два колена пичжоуского бамбука.

— Из него ты и должен сделать свирель, — сказали мудрецы. — Но помни, ты сейчас находишься в потустороннем мире, а посему тебе не следует никуда отлучаться, иначе заблудишься и назад уже не вернешься!

Мудрецы ушли, а Янь приступил к работе. Скоро драконова свирель была готова. Ее чистые, проникновенные звуки радовали слух. Мудрецы не возвращались. Янь подождал до полудня, а потом, подумав, решил: «Если мне довелось сюда попасть, надо хорошенько все осмотреть, а то потом пожалею».

Он вышел из беседки и, пройдя небольшое расстояние, увидел величественное здание. Когда подошел к галерее, окружавшей строение, он вдруг услышал странные звуки — будто свистели плети. Янь припик к окну и заглянул внутрь. И вот что он увидел:

За бамбуковым пологом некто —
 Усами с креветкою схож —
 Раскрыл изумительный веер,
 Что на хвост фазаний похож.
 Другой, с жемчугами на шляпе,
 входит в дворцовый зал,
 Важно садится в центре,
 отражаясь в сотнях зеркал.
 Некто с дщицей для записей
 отдает владыке поклон,
 Слева и справа вельможи
 обступили почтительно трон.
 Цци нефритовый³⁶ грянул,
 Загудели колокола,
 Торжественная мелодия
 к пяти облакам поплыла,
 Духов толпа огромная
 шоклониться владыке шла.

Мудрейший владыка Шэньди, выйдя из своего экипажа, последовал в залу дворца. При его появлении духи поднялись, и судилище началось. По приказу владыки в залу ввели подсудимого, на шее которого висела огромная канга, а руки были связаны цепями. Лицо человека показалось Яню знакомым, но он сразу не мог припомнить. Последовал приказ владыки: вложить человеку медную печень и железное сердце, после чего отправить в мир людей для исполнения обязанностей правителя Четырех округов. Ему наказывалось блюсти справедливость и не губить все людей.

Картина судилища привела мастера в трепет. Вдруг раздался возглас какого-то стража-дьявола:

— Смотрите! За нашим судом подглядывает смертный!

Янь бросился в беседку, в которой недавно мастерил свирель, и уселся как ни в чем не бывало. Прошло какое-то время, и вот на пороге появились два мудреца Тан и Чжан. Осмотрев выполненную работу, они повели мастера к Бин Лицуну. Чистые и мелодичные звуки свирели привели бога в восторг.

— Я дарую тебе долголетие и приумножу богатства твои! — сказал он.

— Мне не нужно ни богатств, ни лишних лет жизни... — отвечивал Янь. — У меня есть младшая сестра Янь Юэин — певичка из веселого заведения. Помогите выволить ее из мира пыли и ветра³⁷ и подыскать ей хорошего мужа. Вот и вся моя просьба!

— Похвально! Она говорит о твоей прощительности, — сказал владыка. — Пожалуй, мы подыщем твоей сестре достойного мужа. И будет им тот, кто станет правителем Четырех округов.

Янь поклонился, и те же два небожителя повели его обратно. Они шли по горной тропе и, наверное, прошли половину пути, а когда достигли опасного обрыва, провожатые показали мастеру, куда идти дальше. Янь взглянул в ту сторону, куда ему показали, и вдруг почувствовал сильный толчок. Он полетел вниз, в пропасть. Ужас сковал его сердце... Янь открыл глаза и видит, что лежит на постели в своем собственном доме, а рядом, заливаясь слезами, стоят жена и дети.

— Отчего вы плачете? — удивился он.

— Как же нам не плакать? Третьего дня во время

работы ты вдруг упал, — стала рассказывать жена, — мы подбежали, а ты уже испустил дух. Мы послушали сердце — как будто бьется, а тело вроде теплое. Перенесли тебя на постель, и вот ты лежишь здесь уже два дня. Неужто ты вернулся из загробного мира?

Янь подробно рассказал о своем путешествии к духам и о других событиях, которые с ним произошли, и его рассказ сильно напугал домочадцев.

После этого случая прошло какое-то время, но с мастером Янем ничего не случилось такого, о чем можно было бы рассказать. Наступила зима, и в воздухе закружились хлопья снега. У поэта Ши Синьдао есть стихотворение под названием «Снег», в котором так говорится:

Лепестки, белея, кружатся,
плавно по ветру летят.
Красота столичного града
на рассвете радует взгляд.

На тысячи ли протянулись
словно из яшмы дома,
Видны высокие башни,
нефритовые терема.

Когда же цветущей сливы
заструится в Юлипе дух?
Когда перестанет кружиться
ивы чжантайской пух?³⁸

В обитель серебряной жабы³⁹
по морю плыть я хочу.
Когда же, верхом на фениксе,
к багряным горам⁴⁰ улечу?

Снегопад усиливался. Мастер Янь стоял без дела у ворот дома — от холода руки зябли, работа в этот день не спорилась. Вдруг на улице показался прохожий. Янь пригляделся и оторопел.

«Да ведь это тот самый человек, которому духи с Восточного Пика вставили железное сердце и медную печень! — подумал он. — Они еще будто сказали, что он станет правителем Четырех округов... Но, как видно, слава к нему еще не пришла. Надо бы с ним познакомиться. Кто знает, может быть, другого подходящего случая не подвернется!»

Янь бросился за прохожим, полы его халата разме-

тались по ветру. В несколько прыжков он настиг незнакомца...

— Прощу прощения, почтенный! — Янь поклонился.

— А, мастер! У тебя ко мне какое-то дело? — незнакомец спросил так, будто он давно знал Яня.

— Бежал за вами, даже задохся... Прощу вас выпить со мной чарочку-другую! Холод на улице — воп как снежит!

Мастер повел мужчину в питейное заведение, и там он узнал, что его зовут Ши Хунчжао, но у него есть и другое имя, Хуаюань, а также детское прозвание — Глупыш. Оказалось, он служит простым солдатом в гарнизоне Кайдао. Надо вам знать, что об этом человеке потом писалось в избранных биографиях «Истории Пяти Династий»: «Сей муж — уроженец уезда Жунцзе Чжэнчжоуского округа. Он отважен и ловок, способен настигнуть бегущего коня».

Познакомившись, они изрядно выпили, а потом разошлись каждый своей дорогой.

На следующий день Янь отправился к младшей сестре, певичке Янь Юэин.

— Вчера я познакомился с одним человеком. Вот о нем я и пришел с тобою поговорить. Помнишь тот случай, когда я будто бы умер и два дня лежал бездыханный? На самом деле все это время я мастерил драконову свирель на Восточном Пике. Там я ненароком увидел человека, которому духи вставили в чрево медную печепь и железное сердце и парекли его правителем Четырех округов. Они мне сказали тогда, что ты выйдешь за него замуж. Я все старался вспомнить его обличье, но так и не смог. И вот вчера я случайно встретил его на улице, мы с ним даже выпили по чарке-другой.

— Кто же он? — поинтересовалась сестра.

— Солдат из гарнизона Кайдао по фамилии Ши. Парень, как видно, шустрый и на вид ладный.

При упоминании об этом человеке женщину даже передернуло.

— Чтобы я за него вышла замуж? Никогда! Ни за что! — воскликнула женщина, и в ее голосе слышалась неприязнь.

С того времени мастер Янь много раз встречал Ши Хунчжао и всякий раз потчевал его вином. В конце концов солдату стало неудобно, и он тоже пригласил масте-

ра в харчевню. Они изрядно выпили и сытно поели. Мастер собрался было расплатиться, но его новый друг воспротивился.

— Сегодня угощаю я! Ты уже много раз тратился!

После застолья Янь откланялся и удалился, а Ши Хунчжао позвал к себе трактирного слугу.

— Понимаешь, любезный! Я не захватил с собой денег, — сказал Хунчжао. — Пошли со мной в гарнизон, там я и расплачусь!

Слуга последовал за ним. У ворот Ши Хунчжао неожиданно остановился.

— Вспомнил! — вскричал он. — Ведь сейчас я сижу на мели, у меня нет ни гроша! Возвращайся в свое заведение, а завтра я расплачусь с хозяином!

— Он станет ругаться, что я не взял с тебя денег! — Слуга находился в замешательстве.

— Ничего с тобой не случится!.. И вот что. Если у тебя есть голова на плечах, отправляйся прочь, да поживей, не то получишь взбучку!

Слуге ничего не оставалось, как уйти подобру-поздорову, а Хунчжао направился в лавку Вана, что торговал возле ворот гарнизона сладкими рисовыми лепешками.

— Эй, дядя! — крикнул он. — Нынче ночью раскрой вай все двери — я утащу у тебя кухонный котел! Мне нечем расплатиться, я задолжал в харчевне.

Ван принял эти слова за шутку и рассказал жене.

— Ну и насмешил меня нынче Глупыш. Решил ночью выкрасть у нас котел... и даже заранее предупредил, чтобы я, мол, отпер двери!

Жена лавочника весело засмеялась.

Но вот наступила вторая стража, и прошло еще какое-то время. У дома лавочника появился Ши Хунчжао. Парень крепкий, он со всей недюжинной силой надавил дверь. Засов не выдержал и разлетелся на части. Солдат переступил порог.

— Пойди посмотри, что там творится! — сказала жена лавочнику, услышав шум у дверей.

В это время Ши Хунчжао уже возился у печки возле котла.

«Вот незадача! — ворчал он. — Если я расколю этот проклятый котел, я не смогу расплатиться с долгом!»

Он стукнул по котлу палкой, с трудом наклонил его, а потом поднял над головой. Оставшаяся в котле вода

потекла по лицу, по одежде, однако котла Ши Хунчжао все же не бросил.

— Держи вора! — вдруг раздался крик Вана, который заметил человека с котлом на голове. Набросив на себя одежду, он бросился за грабителем. Шум услышали соседи и тоже побежали следом. Беглецу надо было подумать о спасении, но ему сильно мешал котел, и он его бросил. Ши Хунчжао юркнул в первый попавшийся проулок, но там оказался тупик. Преследователи уже вбежали в проулок. Он устремился к стене, которая, на его счастье, оказалась не слишком высокой, и попытался вскарабкаться наверх. Это ему удалось, и он соскользнул вниз по ту сторону. Преследователи завопили:

— Девушка Янь! К тебе забрался жулик, он сейчас у задней калитки!

Услышав истошные крики, певичка Янь (а это была она) велела служанке зажечь свечу, и они вышли посмотреть, что происходит. Никакого вора пигде не оказалось, но зато возле дома на земле женщины увидели диковинного зверя с белоснежной шерстью.

Будто белейшего шелка
перед нею возникла гора,
Или рассыпана груды
сверкающего серебра.

Шерсть густая мерцает,
как отблеск ночного костра
Или осеннее поле
под инеем белым с утра.

Облик зверя ужасен,
необычайно свиреп,
Хвост длины небывалой
молотит по снегу, как цеп.

Взгляд его — точно молния,
зловеще сияние глаз.
Огромная пасть — словно море
иль окровавленный таз.

Певичка застыла от ужаса. Но страх постепенно прошел, когда она с изумлением обнаружила, что зверь вдруг превратился в человека, сидевшего на корточках подле уборной. Увидев певичку, Ши Хунчжао сначала растерялся, но, поборов смущение, привстал и поздоровался. Певичка, конечно, сразу вспомнила слова брата

о необычайной судьбе этого человека и о том, что ей суждено с ним обручиться. Поэтому она не стала никого звать на помощь, а, наоборот, пригласила мужчину в дом.

Соседи ждали в проулке, но в доме певички царил тишина. Решив, что жулику удалось скрыться, они разошлись по домам. Певичка открыла парадную дверь и выпустила гостя на улицу.

Прошла ночь. На следующий день после завтрака певичка послала слугу за братом.

— Братец! — сказала она, когда он пришел. — Ты намедни мне говорил, что у этого солдата счастливая судьба: будто станет правителем Четырех округов, а я выйду за него замуж. В тот раз я тебе не поверила, но тут случилось одно событие. Нынешней ночью я услышала крики соседей: у задней двери будто ко мне через стену забрался вор. Зажгли мы со служанкой свечи, пошли во двор. Посветили вокруг и видим: какой-то белый зверь прижался к самой земле. Пригляделась я повнимательней, а это вовсе не зверь, а солдат Ши Хунчжао сидит на корточках. Вот тогда я тоже подумала, что у человека с таким диковинным видом обязательно будет необычная судьба... В общем, я решила выйти за него замуж. А тебя позвала, чтобы ты мне устроил свадьбу, как положено, замолвил бы ему за меня словечко.

— Проще простого! Я поговорю с ним сегодня же!

Мастер Янь очень обрадовался, что сестра хочет выйти замуж за человека, отмеченного необычной судьбой. Не долго думая, он отправился в гарнизон на поиски приятеля.

Вчерашняя неудача с кражей котла лишила Ши Хунчжао выпивки, и он, удрученный и злой, сидел дома. Мастеру Яню без труда удалось вызвать его для разговора.

— О свадьбе пришел с тобой потолковать! — сказал Янь.

— О какой еще свадьбе, с кем? — удивился Ши.

— С моей сестрой-певичкой. У нее есть кое-какие сбережения, имущество... Согласен?

— Я не против, но только у меня есть три условия. Без них жениться не стану.

— Что за условия, выкладывай!

— Ее имуществом буду управлять я — это первое. Как только я приду к ней в дом, она сразу же перестанет принимать гостей. Это — второе. И наконец, есть у меня побратим, парень, прямо сказать, что надо, исколесил всю страну!.. Так вот, когда он приедет ко мне, я устрою по случаю его приезда пирушку и оставлю на ночь. И жена не должна будет мне возражать. Если она согласна на эти условия, я согласен жениться.

— Само собой, когда вы поженитесь, все дела будете решать ты! — сказал мастер.

Янь пошел сообщить сестре о переговорах. Как известно, если с обеих сторон есть согласие, можно пренебречь свадебными подарками. Так было и сейчас.

В один прекрасный день жених, облаченный в нарядную одежду, пришел в дом молодой.

Прошло около двух месяцев. Однажды начальник Хунчжао приказал ехать ему с приказом в Сяоидянь. Хунчжао прожил в новом месте около месяца, и среди стражников при тамошнем начальнике караула скоро начался ропот. Многим пришлось не по душе грубость и бесцеремонность гостя. Ши Хунчжао решил потратиться и устроить пирушку, чтобы немного успокоить ворчунов, но недовольство все же осталось.

— Да, непутевый наш гость! — то и дело говорил в сердцах караульный начальник. — Свалился на нашу голову. Одна морока от него.

Сказал он эти слова и в тот день, о котором пойдет сейчас речь. Вдруг видит человека, который подходит к нему с запада.

— Любезный, живет ли здесь некий Ши Хунчжао?

— Дрыхнет! — караульный начальник показал рукой: — Вот там!

Надо вам сказать, что в связи с появлением гостя по гарнизону вскоре разнесся слух, что у солдата Ши Хунчжао очень счастливая судьба. Вы, конечно, захотите узнать, как звали незнакомца? Извольте, по сначала послушайте стихотворение:

Кажется, ноги сами собой
его по земле несут.

Вот и встречаются люди с ним
постоянно -- то там, то тут.

Незнакомца звали Го Вэем или Го Чжунванем. А родом он был из Яопаньского уезда округа Синчжоу. Наружность его лучше всего описать стихами:

Левую ногу поднимет —
в мелководье вьется дракон.
Правую ногу поднимет —
словно феникс кружащийся он.
Ярким пурпурным светом
незнакомец всегда озарен.

Тело его окутал
густой лиловый туман,
Брови — точно у Яо,
Словно у Юя — стан,
Глазами похож на Шуня,
Плечами — вылитый Тан.

А когда Сын Неба воздаст по заслугам
отваге его и уму,
Безропотно все вельможи чжухоу⁴¹
дорогу уступят ему.

Надо сказать, что у Го Вэя только что случились неприятности в Восточной столице⁴². Дело было так.

Как-то у некоей Пань Восьмой он вырвал из волос шпильку, однако девица, пораженная его необычайной наружностью, не стала на него жаловаться. Она приютила его у себя и даже объявила своим братом. Все так бы и обошлось, но только Го Вэй в увеселительном заведении как-то насмерть прибил одного актера. Понятно, что в ту же ночь ему из города пришлось бежать. И тогда он отправился в Чжэнчжоу, надеясь найти прибежище у названного брата Ши Хунчжао. Однако в казармах Кайдао ему сообщили, что побратима следует искать в Сяопдяне. Так он очутился здесь.

А Ши Хунчжао все продолжал спать.

— Эй, солдат, тебя спрашивают! — стал тормошить его караульный начальник. — Тебя ждет какой-то человек!

— Кто еще меня ищет? — недовольно проговорил Хунчжао и поднялся с топчана.

— Хунчжао! — крикнул Го, появившийся следом за караульным. — Давно не виделись! Рад, что ты в полном здравии!

Хунчжао поклонился. После взаимных приветствий они стали расспрашивать друг друга о жите-бытье в последнее время.

Хунчжао предложил, когда наступило позднее время:

— Брат, ты никуда сегодня не уйдешь, переночуешь у меня. А если тебе нужны деньги на расходы, я одолжу!

Караульный начальник, не решаясь расспрашивать о госте, позволил ему остаться в казарме. Так Го поселился в Сяоидяне и прожил несколько дней. Вместе со своим пазванным братом они целыми днями играли в кости или занимались разными непотребными делами, вроде кражи кур и собак, а также постоянно затевали драки да ссоры. Словом, за это короткое время они так всем досадили, что окрестному люду жить стало от них невмоготу. Все их кляли и ругали последними словами.

Здесь наш рассказ разделяется на две части, и мы поведаем вам о других событиях. Как раз в это время скончался государь Минцзун. Когда душа его отлетела на небо, престол занял Миньди⁴³. Новый монарх издал указ, по которому бывшим налогоплательщикам двора было разрешено выходить замуж. Среди этих красавиц оказалась и некая госпожа Чай — женщина, стоит заметить, весьма сообразительная и понимающая, куда дует ветер. Не долго думая, она собрала свои ценности и быстро отправилась в Чжэнчжоу, где, как ей казалось, ее ожидала удача. Добравшись до Сяоидяня, она остановилась у одной старухи по фамилии Ван с намерением подыскать подходящего человека, который составил бы ей выгодную партию. Несколько дней кряду она приглядывалась к прохожим мужчинам, но никто не пришелся ей по вкусу.

— Скучно у вас на улице и пустынно! — сказала она старухе с неудовольствием.

— Если вы ищете развлечений, госпожа, то найти их проще простого! — ответила хозяйка. — Объявите, что вы открываете торговое дело, и сюда валом повалит разный люд. Вот вам и будет оживление на улице!

— И то верно! — согласилась молодая женщина и попросила старуху повсюду объявить, что она собралась открыть торговое дело.

Скоро о новости услышали Го и его побратим Ши Хунчжао.

— Быть может, у нее удастся немного подзарабо-

тать на выпивку,— сказал Го приятелю.— Вот только что мы ей станем продавать?

— Как что? Собачину! — ответил Ши.— Надо у кого-нибудь выпросить блюдо с подставкой и, конечно, косарь. Стащим где-нибудь собачку, заколем и сварим. Вот с этим кушаньем к ней и пойдем. На рынке с ним не появишься — мигом схватят!

— Кажется, у соседей уже не осталось собак — мы их всех переловили!

— Есть один пес — у старосты Вана, что живет на восточном конце селения. Надо его изловить!

Побратимы направились к дому старосты. Один стал приманивать пса, а второй стоял в это время с дубинкой, ожидая момента, чтобы пристукнуть собаку. Староста заметил неожиданных гостей и вышел из дома.

— Пожалейте песика, милейшие, возьмите лучше деньги на выпивку.— И он протянул триста монет.

— Не годится, любезный! — ответил Хунчжао.— Такой крупный зверь, а ты даешь всего триста монет. Так и разориться недолго!

— Ну да ладно, принимаем деньги и делаем это только из уважения к твоему почтенному возрасту,— сказал Го.

В тот же вечер им удалось стащить другого пса, которого они быстро разделали и сварили.

На следующий день перед домом, где жила красотка Чай, появились два торговца: Хунчжао с блюдом на голове и Го Вэй с подставкой на спине.

— Мясо продаем! Мясо! — заорали они, водрузив блюдо на подставку.

Красотка Чай выглянула из-за бамбукового занавеса. Ее внимание привлек Го Вэй.

«Искала-разыскивала своего суженого, а оп, оказывается, здесь!» — проговорила она и послала слугу купить немного мяса на пробу. Старший Го в один миг нарезал мясо и наполнил миску.

— Госпожа, это же собачина! — проговорила старуха Ван, стоявшая поодаль.— Неужели станете есть?

— Понятно, не стану,— сказала красотка.— Это я так, для вида! — И она приказала отвесить Го Вэю лян серебра.

Побратимы с благодарностью взяли деньги и пошли прочь.

Через какое-то время красавица Чай обратилась к старухе с просьбой.

— Мамаша! Помоги мне в одном деле!

— В каком же?

— Узнай, как зовут тех молодцов, что торговали собачиной. Где они живут, чем промышляют?

— Беспутные парни! Колоброды! — воскликнула старуха Ван.— Того, кто резал мясо, зовут Го Вэй, а с блюдом стоял Ши Хунчжао. А живут они сейчас в Сяюндяне, в казармах... Зачем они вам?

— Приглянулся мне этот Го, я не прочь выйти за него замуж! Милейшая, будь свахой, устрой нашу свадьбу!

— Вы же знатная дама. Вам никак цельзя за него! Не чета он вам!

— Не твоего ума дело, мамаша! Делай, что тебе приказали... Он отмечен знаком великой судьбы.

Старуха Ван не стала перечить и отправилась в Сяюндянь, однако Го Вэя там не застала.

— Бражничают в харчевне папротив,— сказал караульный начальник.

Старуха подошла к дверям питейного заведения и откинула синюю полотняную занавеску. Оба названных брата сидели за столом.

— Эй, Го Вэй! — крикнула старуха.— Ты здесь гуляешь, вино попиваешь, а тем временем тебе с неба счастье свалилось!

— Ах ты старая попрошайка! Видно, проведала, что у меня завелись деньжата! Но только денег от меня не дожدهшься. А вот чаркой вина я, пожалуй, тебя угощу!

— Нужно мне твое вино!

— Коли не хочешь вина — не надо, а денег все равно не жди, ни одного вэня не дам. Уразумела? На, выпей и убирайся с глаз долой!

— Что-то ты нос задрала, старая! — вскричал Хунчжао.— У нас нрав крутой, ты что, не знаешь? Тебе похорошему предлагают: бери чарку, не отказывайся... Видно, ты тогда пронюхала, что мы промышляем собачиной и решила отбить у нас заработок, но только твоя постоялка все равно купила наш товар! Ну получила, мошеница? Бесстыжие твои глаза, посмела еще прийти вымогать деньги!.. Или не знаешь нашего брата?

Смотри у меня! Вместо чарки вина достанется тебе хорошая взбучка!

— Я уже сказала вам, что деньги мне не нужны, а пришла я сватать. Моей госпоже пришлось по душе Го Вэй, и она не прочь за него замуж. Вот за этим я и пришла.

Слова старухи рассердили Го Вэй и он, размахнувшись, отвесил ей оплеуху.

— Беда! Убивают! — завопила старуха, упав на землю. — За что вы меня? Я с добрым словом пришла, а вы меня бить.

— Видно, тебя кто-то нарочно к нам подослал, чтобы поиздеваться! — сказал Го. — Ну да ладно, на сей раз я тебя прощаю. Убирайся!.. Почтенная дама — и чтобы согласилась выйти за меня замуж! Надо же такое придумать!

Поднявшись на ноги, старуха Ван поспешила покинуть харчевню и заковыляла домой.

— Ну как, мамаша, удалось с ним договориться? — спросила красавица Чай.

— Ну и дела, скажу я тебе, любезная!.. Пришла говорить о свадьбе, а он меня избил. Сказал, что будто пришла над ним насмешничать!

— Я во всем виновата! Но делать нечего, придется тебе постараться еще раз. Вот тебе за труды золотая шпилька, а когда все устроится, получишь еще щедрый подарок!

— Боюсь я, голубушка! Ведь им ничего не стоит и прикончить человека. Разве остановишь таких злодеев?

— Все оттого, что ты пошла с пустыми руками. От этого все получилось! — воскликнула Чай. — Они решили, что ты его разыгрываешь. Сейчас я дам тебе одну вещичку в подтверждение верности моих слов. На этот раз он отказываться не станет.

— Какую такую вещичку? — спросила старуха с интересом.

Госпожа Чай что-то показала старухе, и та чуть было не умерла со страху. Вот что увидела старая Ван:

Вы, верно, слышали о том, как Чжан Фу за Чэнь Пина ввучку отдал? ⁴⁴
В глухом переулке был дом жениха — на редкость певзрачен и мал,

Не дверь, а простая циновка
закрывала убогий вход,
Но колея от повозок вельмож
виднелась всегда у ворот.
Вельможи были странные с виду,
по весьма ученый народ.

Еще помянем Люй-гуна из Даньфу⁴⁵ —
он умело зятьев выбирал:
Старшую дочь за Паньхоу просватал,
меньшую — Лю Цзи отдал.
В небе плыли чредой облака,
краткий срок миновал —
Сделался Пань важным вельможей,
Лю Цзи императором стал.

Долгие годы с тех пор по свету
о Люй-гуне слава идет.
Озарен немеркнущим светом
его величавый род.

А посмотрите сейчас за кого
отдают своих дочерей?
За женихов из богатых домов
спешат просватать скорей.

Оказывается, красавица Чай показала старухе драгоценный пояс, украшенный золотом, который стоил не меньше двадцати пяти лянов. Его-то она и велела отнести Го Вэю в знак верности своему слову. Старухе, как мы знаем, сильно досталось от Го, но она все-таки согласилась выполнить поручение. И едва сдерживала свое нетерпение. Недаром говорят: корысть на все толкает. Словом, взяв драгоценный подарок, она снова отправилась в питейное заведение. «В первый раз я шла с пустыми руками, поэтому мне и досталось, — думала она. — Сейчас я несу драгоценный пояс, неужели они снова меня поколотят?». Охваченная тревожными мыслями, старая Ван подошла к двери харчевни и откинула занавеску. Побратимы все еще бражничали. Старуха приблизилась к Го:

— Почтенный Го Вэй, моя госпожа велела передать тебе этот подарок, — сказала она и показала пояс. — Вот эту драгоценность, цена которой двадцать пять лянов... Чтобы ты ни в чем не сомневался. Но только она требует ответного знака.

«Вот тебе на! А у меня на беду нет ни единого

вэня! — подумал Го. — Пояс пока я возьму, а потом что-нибудь придумаю!»

Он предложил старухе присесть и велел слуге принести вина. Они выпили по чарке, а за ней еще и еще.

— Что же мне ей подарить? — проговорил Го и покосился на старуху.

— Пошарь у себя, может, что и найдешь! — посоветовала Ван.— Отнесу, и дело с конпом!

Го Вэй стянул с головы залоснившийся и пропахший потом платок. Оторвав от него полоску, он протянул старухе.

— Экий прижимистый! — рассмеялась старая женщина.

Подарок Го Вэя вызвал у бывшей наложницы взрыв веселого смеха, но она его приняла, и, таким образом, помолвка состоялась. Осталось лишь выбрать счастливый день для свадьбы. Старая Ван обещала устроить все как надо. Само собой, на торжество пригласили Ши Хунчжао и Янь, за которой специально послали человека в Чжэнчжоу. После свадьбы госпожа Чай, как говорят в таких случаях, «свернула полог» — перебралась к своему мужу. Прошло какое-то время. Однажды молодая сказала:

— Мой супруг! Вряд ли ты прославишься, если останешься простым караульным солдатом! Я напишу письмо, с которым ты поедешь в Западную столицу⁴⁶ к дяде моей матери — господину Фу, начальнику области. Я попрошу его помочь устроить тебе карьеру. Что ты на это скажешь?

— Горячо благодарю тебя! — обрадовался Го Вэй.

Госпожа Чай, как она и сказала, написала письмо, и вот в один прекрасный день Го Вэй, сложив пожитки, отправился в путь.

Когда он идет, его озаряет
немеркнущий красный свет,
Замедлит шаг, и лиловый туман
струится ему вослед.

С единственным спутником — посохом —
выходит в путь на заре,
Одинокий фонарь его ночью встречает
на постоялом дворе.

Его судьбу от рождения
отметил счастливый знак:

Он станет подобен барсу —
отважный воин, смельчак.
А покуда по пыльной дороге
стремит одинокий шаг.

Как говорят в подобных случаях: с рассветом он отправлялся в путь, а в сумерки останавливался на ночлег; когда был голоден, закусывал, когда хотел пить — утолял жажду. Через несколько дней он добрался до Западной столицы и нашел пристанище на постоялом дворе. Го Вэй думал, как только он приедет, вельможа Фу сразу устроит ему блестящую карьеру, и никак не предполагал, что на него обрушится беда, а жизнь его будет висеть на волоске. Здесь уместно сказать:

Крылья расправив, взмыть в поднебесье,
увы, не пришлось ему —
Много дней томился в темнице,
был погружен во тьму.

Но расскажем все по порядку. В Западной столице Го Вэй увидел много любопытного.

Область Хэнань, округ Юйцзюнь —
нету прекраснее мест,
Много десятков тысяч людей
мирно живут окрест.

Мост, перекинутый через ров,
к городским воротам ведет,
На многочисленных улицах
знатный толпится народ,
Понял Го Вэй — город цветет.

Повозки скрипят по дорогам,
песни повсюду звучат.
Откуда летит чудесный мотив,
сразу поймешь навряд.
Знати дома прекрасны —
облик их пышен, богат,
Днем и ночью над городом
тончайший плывет аромат.

На востоке — Гунсянь лежит,
На западе — пруд Миньчи
дымкой вечернею скрыт,
На юге — уезд Локоу⁴⁷
тучной землей знаменит,
Дальше на север — река Хуанхэ
потоком бешеным мчит.

Как серп молодого месяца,
городской изогнулся ров,
Могучие стены вздымаются,
доставая до облаков.
Знаки Дракона и Тигра ⁴⁸
украшают дворцы князей,
Пышны палаты красные ⁴⁹ —
жилища богатых семей:
Полководцы, министры, чиновники —
один другого знатней.

Некогда в давние времена
это был государев град,
Но и сейчас, куда ни взгляни,
красоты радуют взгляд.

Таковы стихи. Да, поистине:

Весной — словно красная земля
простерлась перед тобою.
Летом — словно шелковый полог
голубеет над головою.

Прошла ночь. Утром Го Вэй решил снести письмо вельможе, но вдруг подумал: «Настоящий человек должен добывать свою славу сам! Как-то не слишком удобно, когда тебе помогает устраивать карьеру женщина!» И он, спрятав рекомендательное письмо, пришел в ямынь с пустыми руками. Возле листа для записи посетителей он стал ждать, когда его примет начальник караула Ли Баюй. Но вот его, наконец, вызвали.

— С чем пожаловал? — спросил Ли.

— Кое-что есть... — ответил Го.

— Что принес?

— Восемнадцать способов боевого искусства!

Начальник имел в виду взятку за то, чтобы допустить посетителя к вельможе.

— Когда его сиятельство выйдет из залы, я представлю тебя. — В голосе чиновника слышалось недовольство.

Однако Ли Баюй не сдержал обещания, и Го Вэй не был представлен сановнику.

Прошло больше двух месяцев, в течение которых Го Вэй каждый день приходил к ямыню, надеясь встретиться с вельможей, но так и не дождался приема. Слуги на постоялом дворе ему посоветовали:

— Любезный, ты зря теряешь время. Этому Ли падо

просто дать взятку. Без нее начальник тебе не поможет!

— Ах вот чего он ждет, разбойник! — вскричал Го Вэй.

Как говорится в этих случаях: в сердце его поднялся гнев, печень наполнилась злостью. В этот день он не пошел в ямынь. Кипя от возмущения, он строил разные планы, что ему предпринять. Вдруг у ворот постоянного двора остановился торговец рыбой, который разыгрывал товар в кости⁵⁰. Го подозвал торговца к себе и с первого же броска костей выиграл всю рыбу.

— Вот так повезло! — проговорил незадачливый торговец. — Вчера еле-еле наскреб несколько вэней, чтобы купить эту рыбу, думал выиграть пару медяков для матери, и вот на тебе — все начисто проиграл! С какими глазами я вернусь к ней без гроша в кармане? Чем буду ее кормить? Почтенный, — взмолился он. — Возврати мне рыбу. Я отыграюсь и верну весь свой долг!

Забота парня о матери тронула сердце Го, и он вернул рыбу.

— Если узнаешь, что где-то играют еще, скажи мне!

Обрадованный торговец ушел. Возле ворот какой-то харчевни его остановил окрик:

— Эй, торговец!

Видно, уж так было предопределено судьбой, что из-за этого человека Го Вэй вступит в кулачную схватку, а двор харчевни превратится в арену жестокой битвы. Кто же был тот человек, кто окликнул торговца? О нем можно сказать такими словами:

Злодейства страшные совершал,
обманывал Небо не раз,
Но, наконец, неизбежно настал
великой расплаты час.

Оказалось, что это был тот самый Ли Баюй, что служил в хэнаньской управе. В это время он выпивал в харчевне и, заметив торговца, решил с ним сразиться в кости. Быстро проиграв несколько вэней, Ли не только отказался расплачиваться, но даже отобрал у бедняги всю рыбу. Несчастный, боясь ссориться со служивым, ушел прочь и, найдя Го Вэя, рассказал ему, что с ним стряслось.

— Я выиграл у него несколько вэней и хотел с тобой расплатиться, а он отнял у меня всю рыбу.

— Кто он, говори, не трусь!.. Как он смел отнимать товар, да еще мой!.. Если проиграл, так расплачивайся! — разъярился Го. — Он мне за это ответит!

Если бы Го Вэй остался на месте, возможно, все бы на этом и кончилось, но наш герой направился в харчевню поговорить по душам с обидчиком. И что же он увидел? Как говорится:

Смертельного врага узрел
И в тот же миг расвирепел.

Словом, при виде Ли Баюя ярость его удесятирилась.

— Как ты смел взять мою рыбу? — крикнул Го с порога.

— Откуда я знал, что рыба — твоя? Я спросил, он ответил, что рыба разыгрывается!

— А ну, отвечай! — Го хватил кулаком по столу. — Почему не пускаешь меня к начальству? Почему заставил торчать два с лишним месяца? Взятки ждешь? Говори!

— Приходи завтра в ямынь, я все улажу! — пошел на попятную Ли Баюй.

— Ах ты, прохвост! Голову тебе мало отрубить за то, что ты попираешь справедливость! — кричал Го. — Но я с тобой рассчитаюсь, я не посмотрю, кто ты есть!

Го скинул куртку. В харчевне раздались возгласы изумления. Оказывается, в юные годы Го повстречал даосского праведника — человека, надо вам знать, поистине необыкновенного, и даос сделал Го Вэю татуировку. На одной стороне шеи он выколол воробьев, а на другой изобразил несколько стебельков риса.

— Когда воробьи начнут клевать рис, к тебе придет слава и богатство, — промолвил даос.

С тех пор Го Вэй получил прозвище Воробей. И вот что удивительно: тот день в самом деле наступил — воробьи действительно принялись клевать зернышки риса. Впрочем, об этом можно рассказать и позднее, а пока, как мы знаем, у всех присутствующих вырвался вздох восхищения. Что сказать об этом узоре?

Вблизи — десять видов парчи Сычуани⁵¹
с восторгом увидишь ты.
Издали взглянешь — изгибы Лошуй⁵²
сплошь покрывают цветы.

— Драться со мною решил? — удивился Ли. — Ну, пеняй на себя!

— Будет болтать! Выходи биться!

Ли Баюй скинул одежду, и взорам окружающих предстало его обнаженное тело, будто веревками обвитое мускулами. Среди присутствующих раздался крик изумления. Правильно говорят:

Словно плавя железо,
в тигле беснуется пламень,
Словно в плиту могилы
вкрашлеп диковинный камень.

Бойцы заняли исходное положение, и бой начался. Противников со всех сторон обступили любопытные зрители. Удар кулаком сменялся ударом локтя, бойцы сближались и кружились на месте. И вдруг последовал решающий удар. Все ахнули — один из бойцов оказался на земле в луже крови. Кто же тот неудачник, кто проиграл схватку?

Хуля великое Небо,
явился жестокий злодей.
Гневом сердца пылали
стоявших рядом людей.

Но если искусство защиты
до тонкостей ты постиг,
Тебя злодей испугается
иль будет повержен вмиг.

Как оказалось, Го Вэй, изловчившись, нанес противнику столь сильный удар, что Ли, обливаясь кровью, рухнул на землю. И тут на улице послышались крики, возвещавшие о появлении правителя области Фу. Вельможа верхом на коне подъехал к месту боя и стал свидетелем последней части поединка. Вид Го поразил его. Над головой бойца будто поднималось алое сияние, а все тело вокруг словно окутал сизый туман. Всем было ясно, что в этой схватке караульному Ли ни за что не одолеть противника.

Вельможа приказал слуге:

— Приведи их обоих ко мне, только спокойно — не вспугни! — И направился в свое помещение.

Слуга подбежал к бойцам.

— Прекратите драку! Его сиятельство, господин правитель, повелел вам явиться в его поместье!

Противники, подчинившись приказу, последовали в дом вельможи. Сановник взглянул на Го Вэя:

Брови — точно у Яо,
Словно у Юя — стан,
Глазами похож на Шуя,
Плечами — вылитый Тан.

— Кто ты такой? — спросил Фу. — И почему ты избил моего служащего?

— Ваша светлость! Меня зовут Го Вэй, родом я из уезда Яошань Синчжоуского округа. Я приехал к вам по делу, однако этот Ли помешал мне увидеть ваш сиятельный лик, поскольку ждал от меня взятку. Из-за него мне пришлось зря просидеть здесь больше двух месяцев. Сегодня мы неожиданно встретились, и наша встреча кончилась потасовкой. Простите ничтожного, ваша светлость, за недостойное поведение в вашем присутствии. Я жду наказания!

— Какое же дело привело тебя ко мне и заставило ехать издалека?

— Просто я хотел показать вам восемнадцать приемов боя, коими я владею в совершенстве.

Услышав ответ, вельможа приказал противникам сразиться. Ли Баюй, которому сильно досталось от Го Вэя, взмолился:

— Ваша светлость! Не хочу с ним сражаться, он бьется не по правилам!.. Взгляните, на мне живого места нет!

Однако вельможа был тверд в своем решении.

— Не по правилам, говоришь? — вскричал Го. — Давай еще раз померимся силой!

Поклонившись сановнику, враги стали в позицию. Битва началась.

Шаньдунский удар мечом,
Хэбэйский выпад копьем⁵³,
Снова шаньдунский удар
нанесен со всего размаха,
Гул такой, будто фыркает
огромная черепаха.
Снова выпад копьем,
Кажется, это гора Кушлунь
нутро изрыгает от страха.

Быстрый тройной поворот,
Шаг за шагом вперед,
Вихрь закрутил-засвистал,
С криком ворон ушал,
Мощных ударов шквал.
Бойцы за дубинки взялись —
Кажется, ленты белого шелка
стремительно взмыли ввысь.
Раздался немислимый гром —
Будто ужасная буря
все сокрушает кругом.

Сражение продолжалось. Выпад сменяли удары сверху и снизу, прыжки вперед и отступления назад. И так несчетное число раз. Вельможа, наблюдавший за схваткой с возвышения, подбадривал бойцов возгласами. Сейчас уместно вспомнить такие слова:

Когда заболел полководец Ян Гу,
он Ду Юю дела передал⁵⁴.
Когда в темнице томился Гуань,
Бао Шуя ему помогал⁵⁵.

Живут ли ныне такие герои
среди Четырех Морей?
Великого мужа разве найдешь
в толпе обычных людей?

Сражение продолжалось, но было уже ясно, что Ли Баюй не только не справится с противником, но будет им бит. Между тем поединок привел вельможу Фу в веселое расположение духа. Он подозвал Го Вэй и сказал, что назначает его начальником караула, а Ли Баюй у него в подчинении. Го Вэй поблагодарил вельможу низким поклоном. Так он остался на службе в управе Хэнаньской области.

Время летело вперед. Однажды, когда в управе не было никаких дел, Го вышел из ямы и решил сходить на рынок. Возле одной харчевни его внимание привлекли странные действия незнакомого человека. Человек этот сидел перед дверьми харчевни, отдавая какие-то распоряжения. Его челядинцы ломали харчевню.

— Почему он шумит? — спросил Го у слуги заведения.

— Это же барич Шан — известная в наших местах личность! С полмесяца назад он заметил хозяйскую

дочь, которой только что исполнилось восемнадцать лет. Барич прислал к нашему хозяину своего человека.

— Почтенная госпожа Шан,— сказал он,— просит девушку прийти к ней по одному делу... И еще она сказала, что, если в вашем доме тяжело с деньгами, она готова помочь.

Мой хозяин, понятно, вспылал.

— Продавать свою дочь? Никогда! Лучше умру!

Получив отказ, барич явился сюда сам и вот учинил погром. Го Вэй закипел от возмущения.

Гнев небывалый
в сердце Го Вэй возник,
Лютая злоба
в печени вспыхнула вмиг.
От ярости округлились
фениксовы глаза,
Драконовы брови встали торчком,
на челе собралась гроза.
Никто не в силах умерить
его воинственный пыл,
От пяток до самой макушки
его праведный гнев пронзил.
С печеловеческой яростью
факел в душе запылал —
На тысячу чжанов взметнулся ввысь
страшный огненный шквал.

Го Вэй приблизился к баричу Шану.

— Каждый должен проявлять человеколюбие и справедливость. Как известно, если в темном углу скапливаются черные замыслы, божественное око рано или поздно сверкнет подобно молнии. Почтенный! Не подобает терять свое достоинство из-за женской юбки! Уходите отсюда подобру-поздорову!.. Я советую по-хорошему!

— Ты еще откуда взялся? — вскричал Шан.

— Меня зовут Го Вэй, а служу я начальником караула у господина Фу,— ответил Го.

— Служи себе на здоровье, но не вступай в чужие дела! Эй, слуги, проучите этого наглеца!

— Я предупредил по-хорошему, а вы хотите меня избить. Сейчас вы меня узнаете! — рассвирепел Го.

Схватив барича за халат, он выхватил из-за пояса короткий нож. Последовал быстрый удар и жизнь молодого Шаня, увы, прервалась. Да, поистине:

Великий муж родился на свет,
честен, могуч и прям,
И в Поднебесной конец наступил
всяким дурным делам.

Итак, Го Вэй покарал барича Шана за его нечестивые поступки. Люди барича разбежались в разные стороны, а Го Вэй направился в ямынь правителя области.

— Ваша светлость, господин правитель! — сказал Го, когда Фу появился в зале. — Почтительно вам докладываю: я наказал одного злодея, который измывался над простым человеком. Прошу меня не карать за проступок!

Правитель учинил Го Вэю допрос, дабы выяснить обстоятельства дела, и, узнав их, немедленно приказал стражам надеть на Го Вэя большую кангу и отправить в уголовный приказ. Об этом страшном месте можно сказать так:

Некогда здесь
тинвэй⁵⁶ делами вершил.
Судьею он строгим был.

Сокрыто здесь множество страшных тайн,
их не узнаешь вовек.
Рассудок здесь от страха терял
уже не один человек.

У тюремного стража брови густы,
глаза холодны и строгі,
Держит в руках буйволиной главой
украшенные батоги.

У другого стража с чертом лоча⁵⁷
злобою сходен взгляд,
Крепко сжимает могучей рукой
длинный железный канат.

Канги трех видов собраны здесь —
одна другой страшней.
Чем преступник важнее, тем кара ему
приготовлена злей.

Каждый приказ здешней управы
своими делами вершит.
Жизнь или смерть суждены тебе,
мигом судья решит.

Грозно свистя,
вихрь стремительный мчит,
Черных воронов стая
над камерой пыток кричит.

Тени неровные
опустились, землю укрыв.
Уже не виден храм Сяосяпа⁵⁸
за густою зеленью ив.

Обернешься — пять полководцев-злодеев⁵⁹
возникнут, как страшный дурман,
Откроешь глаза — пред тобою стоит
владыка ада Яньван.

Дело Го Вэя попало в руки следователя Ван Сю. Приказав тюремщикам доставить из темницы связанного преступника, он сразу приступил к допросу. Через какое-то время от правителя Фу явился нарочный, который принес распоряжение, повелевающее следователю немедленно прибыть в боковые комнаты⁶⁰. Ван Сю тотчас последовал к начальнику. Правитель сказал ему пару незначительных фраз, а потом взял кисть и вдруг написал несколько слов.

— Освободить Го Вэя? — удивился Ван. — Но ведь недавно вы дали другое указание... Наконец, есть статья закона...

Правитель смешался и, внезапно поднявшись, направился к двери и вышел из комнаты. Растерянный Ван пробормотал слова прощания. Он ничего не понимал. В задумчивости он вернулся в свой приказ, сел у стола... и уснул. И вдруг он увидел на столе небольшую красную змейку.

— Что за чертовщина? — проговорил Ван и решил было смахнуть ее со стола, но змейка ускользнула от него и быстро-быстро поползла в сторону. Ван замер и заметил, что змейка поползла медленнее... И вдруг Ван видит, что он стоит в восточной части тюрьмы. Змейка шмыгнула в дыру одной из камер. Ван за ней. В камере сидел Го Вэй. Змейка оказалась на канге заключенного и неожиданно юркнула ему в ноздрю. И тут Ван Сю заметил, что над головой узника вроде как разливается алый свет, а все тело окутано лиловым туманом. Ван стал соображать, что с ним происходит... и вдруг проснулся.

Надо сказать, что подобные сны видятся человеку обычно тогда, когда случаются разные неприятности: тревожит его неразрешимое дело, или засела в голове какая-то мысль, или угнетают его разные печальные думы, или, наконец, страдает он от безденежья. И прав-

да, многие тревоги суть порождение бедности, а печали — рождаются в заботах и тревогах. Ведь всем известно, от радости и приятностей тревог не бывает.

«Как видно, неспроста правитель велел мне выпустить преступника,— думал Ван Сю.— Недаром говорят: хороший человек всегда разглядит себе подобного». И тут на него вновь нашло сомнение: «Как же можно освободить заключенного?» Но как ни ломал он голову, ничего путного придумать не смог. Потому как не знал он Го Вэя и того, что тому пришлось перетерпеть в своей жизни. В раннем детстве Го Вэй потерял отца, а мать вышла замуж за некоего Чана из Лучжоу, и мальчик поехал туда. Потом что-то такое стряслось, из-за чего он вынужден был покинуть Хабэй. Ему пришлось хлебнуть немало горя, пока он не стал старшим конвойным у правителя Фу. И надо же так случиться, что, ввязавшись в пустое дело, он навлек на себя великие беды...

В эту ночь в городе вспыхнул пожар, который, как ни странно, весьма обрадовал следователя. Он решил использовать удобный случай. В голове его возник план освобождения Го Вэя. Что же придумал следователь Ван Сю?

Могучий, способный тучу обнять,
протянул всесильную руку
И вызволил вмиг из тюрьмы того,
кто был обречен на муку.

Следователь поспешил к правителю Фу. Сообщив ему о пожаре, он намекнул, что как раз сейчас очень удобно выпустить узника, так как огонь подошел к самой тюрьме, а в городе из-за пожара царит сумятица. Правитель одобрил этот план. Оказывается, он уже заранее написал письмо начальству, в котором на всякий случай обосновал освобождение Го Вэя. Ван Сю поспешил в тюрьму. Освободив заключенного от канги, он дал ему головной платок и велел немедленно повязаться.

— Его сиятельство приказал тебе сейчас же ехать в Бяньцзин к тайвэю Лю.— Ван протянул письмо правителя.— Отправляйся немедленно!

Огонь в городе продолжал бушевать. Воспользовавшись паникой, Го Вэй поспешил в свое жилище, где остались вещи и деньги. В ту же ночь он незаметно покинул город и направился в Бяньцзин, он же Кайфын.

Через несколько дней он добрался до места и нашел себе пристанище, а на следующее утро пошел с письмом в управление дворцовой стражи. Ждать пришлось довольно долго. Накопец, появился начальник придворной стражи тайвэй Лю, который только что приехал с аудиенции. Его появление можно описать такими словами:

Ярко-синие балдахны
плывут, словно тучи,
Украшает сверкающий жемчуг
морды коней могучих.

Так ехал Лю Чжиюань⁶¹ — государев полководец, командующий Золотой гвардией. Го Вэй приблизился к вельможе и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Ваша светлость, вам письмо от правителя Фу из Западной столицы.

Лю Чжиюань приказал подчиненным взять письмо и последовал в ямынь. Познакомившись с содержанием послания, Лю велел делопроизводителю вызвать Го Вэя. Величественная осанка Го свидетельствовала о его необычной судьбе, и военачальник решил оставить его при себе, назначив младшим командиром.

Прошло несколько дней. Как-то полководец Лю возвращался в ямынь после военных учений. Его путь лежал мимо поместья министра двора Сав Вэйханя. В это время министр с женой следили из окна за проходившими по улице войсками. Полководец Лю находился впереди, а за ним шло более трех сотен солдат. Зрелище было величественное и грозное.

— Посмотрите-ка на него! — сказала жена министра.

— На Лю Чжиюаня?

— Вот именно! А вы заметили, какой он стал важный? Можно подумать, что его пост не менее высок, чем ваш!

— Он всего лишь простой вояка! — рассмеялся министр. — Стоит мне сейчас приказать ему явиться, и он сделает это без промедления и будет выслушивать мои указания, стоя возле порога и отбивая поклоны. Нечего о нем говорить!

— Я лишь предостерегаю вас и умоляю не исполнять никаких его просьб... За это я охотно выпью с вами чашу вина, которую вы мне поднесете.

Сан Вэйхэнь приказал порученцу вызвать полководца Лю к себе, а сам удалился во внутренние покои, наказав слугам поставить перед ширмой его туфли.

— Господин тайвэй! Вас вызывает его сиятельство, министр Сан! — передал приказ чиновник для поручений.

Лю Чжиюань повернул к дому вельможи и спешился у ворот. Перед входом в гостевую залу он остановился и занял почтительную позу. По этому поводу уместно заметить:

Такой полководец пз тысяч — один,
ни на кого не похожий!
А его заставили ждать у дверей,
кланяться туфлям вельможи.

Полководец продолжал ждать сановника, но тот не появлялся. В это время министр распивал с супругой вино, совершенно забыв о госте, а слуги побоялись ему напомнить. Наступил вечер, и тайвэй, так и не дождавшись хозяина, возвратился в свой ямынь. Он весь кипел от возмущения. «Я завоевал себе славу в седле и с луком в руках, а этот прокисший книжник смеет так меня оскорблять!»

На следующее утро в пятую стражу была назначена аудиенция у императора. Во дворце полководец Лю заметил Сан Вэйханя, который, сойдя с коня, пошел в государев павильон. В сердце Лю Чжиюаня снова вспыхнула обида на вельможу. «Вчера он жестоко оскорбил меня, заставив кланяться своим туфлям. Интересно, что скажет он сегодня?» Не сдержав своих чувств, Лю в тронном зале нанес оскорбление вельможе, за что государь Цзиньди прогнал его со двора и повелел немедленно ехать в Тайюаньскую область. Ссылка полководца послужила причиной чудесного взлета Ши Хунчжао. Верно говорится в стихах:

Растишь цветы, а они не цветут,
хоть вложено столько труда!
А в случайном застолье без всяких усилий
веселье царит всегда.

Итак, полководца Лю изгнали в тайюаньский гарнизон, где он получил должность командующего. В один из благоприятных дней, распроставшись со двором, отправился он в долгий путь. Впереди ехал сам тайвэй с

командирами, служившими под его началом, и с наиболее близкими приближенными. Сзади под присмотром Го Вэя следовали родственники полководца и его багаж.

Об этом путешествии есть стихотворение:

Пурпурные стяги
подняты поутру,
Расшитые флаги
колышутся на ветру.

Проходят войны
за рядом ряд —
У каждого нож и тяжелый меч,
к бою готов отряд.

Военачальники важные
свитою окружены,
У слуг за поясом дщицы,
плети в руках длинны.

Едва петухи
зарю возвестят,
Тотчас, село покидая,
в путь уходит отряд.

Солнце садится,
вечер настал.
Но войско в горы упорно идет,
еще далеко перевал.
Заброшенной крепости вал,
Мост давно обветшал,
Каждый воин устал,
На дворе постоялом — привал.

По утрам плывет, играя с рассветом,
туч нефритовый рой,
На закате последний солнечный луч
сливается с поздней зарей.

Им на пути встречались тысячи гор и потоков, но они преодолевали их и шли дальше. Однажды взорам путников предстал нескончаемый лес, о котором лучше всего сказать стихами.

Деревья могучие
тянутся ввысь,
Их корни
тесно переплелись.

Солнцу путь преграждает
зеленой завесой листва,
Словно драконы чудесные,
извиваются деревья.

Волшебные линчжи⁸²
меж корней могучих растут.
В кронах древесных
фениксы гнезда вьют.

Тонкие ветви
колеблет слегка
Легкое дуновение
прохладного ветерка.

Молодая листва
свежа и крупка.
Высоко в поднебесье
чередою плывут облака.

Лес распростерся
на многие тысячи ли.
До Девятого Неба
дотянутся деревья смогли.

Лю Чжиюань хотел было двинуться дальше, но вдруг из леса выехал отряд всадников, которые преградили путникам путь. Встревоженный полководец, решив, что они наткнулись на разбойников, отдал приказ изготовиться к бою. Однако незнакомцы, выстроившись в одну линию, вдруг прокричали приветствие, и от них отделился всадник, очевидно, начальник. Он подъехал к тайвэю и доложил:

— Командир охраны послал для встречи господина тайвэя отряд под моим началом. Мне велено доставить вас в Тайюань. Докладывает командир отряда Ши Хунчжао.

Бравый вояка пришелся по душе полководцу, и он оставил его при себе, назначив младшим командиром.

Через несколько дней Лю Чжиюань прибыл в Тайюань, а вскоре туда приехала и его семья. Вот тут побратимы встретились снова, и оказалось, что они оба удостоились высокого чина — левого и правого командира. Когда кидани произвели уничтожающий набег на Цзиньский двор, Лю Чжиюань бросил свое войско к Бяньцину. В это время двумя передовыми отрядами командовали побратимы. Им удалось изгнать врагов, и престол государя занял Лю Чжиюань. С этого времени началась новая эра правления, которую назвали Поздняя Хань.

Слава Ши Хунчжао росла и ширилась. Стал он богат и знатен. Ему пожаловали должность правителя

Четырех округов: Дань, Хуа, Сун и Бянь. Трудно перечислить все почести, каких он удостоился. Недаром говорится:

Реют черные стяги,
Голубеет навес экипажа,
Веерами красавицы машут,
С плетьюми его грозная стража.

Зимой засыпает
он под пологом алым,
Кисеей бирюзовою
укрывается знойным летом.
Преданных слуг
у него, наверно, не мало,
Внимаемым красавиц
душа вельможи согрета.

Повесть, которую мы сейчас вам рассказали, очень известна среди ученых сказителей стольного града. Ее можно встретить и в «Подлинном повествовании об истории Пяти Династий», составленном самим Оуяном, который имел титул гуна Просвещенности и Верности⁶³. В ней, к примеру, говорится, что в конце эпохи Лян власти повелели от каждых семи семей выставить по одному солдату. Один из них и был Ши Хунчжао, который сначала служил в гарнизоне Кайдао, а потом в дворцовой гвардии, пока государь Гаоцзу, он же Лю Чжюань, не пожаловал ему чин командира. Когда Гаоцзу взял Тайюань, Ши Хунчжао получил повышение и стал военным инспектором округа Лэйчжоу. За большие заслуги ему присвоили титул военного советника при армии Боевой Верности, а через какое-то время назначили командующим столичной пехотой императорских охранных войск. Вскоре он дослужился до чина командующего пехотными и кавалерийскими частями столицы, а затем получил чин военного советника армии Возвращенной Добродетели. Он готовил военные доклады и составлял планы под началом главы Военного ведомства, а потом и сам стал его начальником. Когда чжоуский Тайцзу⁶⁴, то бишь Го Вэй, занял престол, его друга и побратима Хунчжао, увы, не было уже в живых. И тогда ему был присвоен титул посмертно — Князь Величественный. Послушайте, что говорится в стихах:

Дружба с героем поможет вам
избегнуть множества бед.
Не заводите бездарных друзей! —
правителям наш совет.
Только герой и талантливый муж
будут полезны в делах.
Глухой и робкий друг причинит
непоправимый вред!

ЧЕЛОВЕЧЬЯ НОГА

В стихах говорится:

Источник корысти¹ сулит беду
тем, кто пьет из него.
И воля Небес таким не страшна —
не бояться они ничего.

Ни пост сторожайший и ни раскаянье,
ни смиренность не ведомы им.
Ради наживы обманут одних,
принесут несчастье другим.

Из стихов видно, что если кого-то обуяла алчность, ее не смогут обуздать даже сто тысяч загробных стражей Цзиньганов. Этого человека ничто не остановит — даже самые страшные пытки. Недаром в книге мудреца Лецзы² есть такие слова: «Не видит людей, но зрит лишь золото». Вот уж истинная правда! Коли кем-то завладела мысль о наживе, он готов устремить к ней все жизненные силы и всю душу свою. Какое ему дело до мнения других!

В свое время в Ханчжоу жил сюдай Цзя Ши — человек, как рассказывают, предприимчивый и находчивый. Имея довольно большое состояние, он тем не менее оставался мужем по-рыцарски щедрым и великодушным. Не удивительно, что и друзья у него были такие же благородные, бескорыстные люди. Цзя Ши охотно помогал тем, кто по бедности не мог сыграть свадьбу, или оплачивал чужие долги. Когда сюдай видел какую-то несправедливость, он не раздумывая вступал в бой. Он придумывал также всяческие хитроумные планы, чтобы посрамить какого-нибудь хвастуна, кичившегося

своей силой. Трудно перечислить все отважные деяния, которые он совершил в жизни. Сейчас мы расскажем одну из таких историй — как Цзя Ши помог приятелю выкупить свое хозяйство.

В то время в Цяньтане проживал один ученый муж по фамилии Ли. Хотя он и посвятил свою жизнь конфуцианской науке, ему так и не посчастливилось прогуляться по школьному двору³. Цзя часто помогал своему приятелю-книжчию, который бился в нужде, стараясь при этом выполнять и свои сыновние обязанности. Однажды Цзя Ши пригласил Ли отведать вина. Ученый муж пришел расстроенный и унылый. После нескольких чарок, видя удрученное состояние гостя, хозяин не выдержал и спросил:

— Брат Ли! Почему нынешнее застолье тебя не веселит? Что у тебя стряслось? Расскажи, может быть, я смогу хоть отчасти разделить твою горе и помочь тебе!

— Как-то неудобно говорить о своих заботах,— вздохнул Ли.— Но если ты настаиваешь... Возле храма Осиянного Счастья на берегу Сиху я присмотрел в свое время небольшой домишко, который продавался за триста лянов. Чтобы купить его, я занял у одного знакомого монаха, Хуэйкуна, пятьдесят лянов серебра. За три года набежали проценты, и сейчас я должен ему целых сто. Нужно тебе сказать, монах этот очень жадный. Его можно смело поставить во главе всех обдирал. Чуть ли не каждый день он меня донимал, а я ничего не мог поделаться. Мне оставалось одно — отказаться в его пользу от домика, но он уперся и ни в какую. Знал, негодяй, что я в безвыходном положении, и продолжал тянуть из меня деньги, а от дома для вида отказывался. Короче говоря, я уступил ему дом за бесценок и в результате потерял на этом еще тридцать лянов. Сейчас монах уже занял домик, а я со старухой-матушкой вынужден снимать в городе угол... А тут другая беда: хозяин выгоняет меня, потому что я задержал плату. Матушка ото всех этих передряг заболела и слегла... Вот отчего я расстроен.

— Вон, оказывается, что приключилось... Почему же ты сразу не обратился ко мне? — спросил Цзя.— Между прочим, сколько ты задолжал?

— Должен я за три года по четыре ляна в год.

— Пустяки. с таким долгом расплатиться нетрудно! Завтра мы что-нибудь придумаем, а пока давай веселиться!

Они выпили вина, а потом гость ушел.

На следующее утро сюдай Цзя пошел в особую комнату, где у него хранились деньги, отвесил сто сорок два ляна серебра и, велел слуге следовать за ним, направился к приятелю. Ученый Ли только проснулся и даже не успел привести себя в порядок. Он хотел было попотчевать гостя чаем и велел матери его приготовить, однако в доме не оказалось ни чая, ни дров. Хозяева разволновались, началась суета. Догадавшись о причине шума, сюдай велел слуге вызвать хозяина на два слова.

Ли вышел из внутренних комнат.

— Брат Цзя! Я очень тронут, что ты посетил мое скромное жилище. Чем могу служить?..

Цзя Ши подозвал слугу, держащего шкатулку, и вынул из нее два свертка серебра.

— В этом пакете двенадцать лянов. Их тебе хватит расплатиться с хозяином, у которого ты живешь. А вот здесь — сто тридцать лянов. Отдай их монаху и выкупи свой дом. Это избавит тебя от необходимости снимать жилище, а твою матушку — от ненужных тревог и волнений. У вас будет пристанище. Прошу тебя, сделай это.

— Что ты! Что ты! — вскричал Ли. — Я такой беспечный, что не могу как надо содержать даже мать и все пользуюсь помощью друзей! Ты уже не раз мне помогал... Вот и сейчас, когда я снова попал в беду, ты готов заплатить такие большие деньги. Нет, нет, я не могу принять такого подарка. Меня будет мучить совесть, если я останусь в доме, который ты за меня выкупил. В знак нашей дружбы я готов позволить лишь одно — взять у тебя двенадцать лянов, чтобы расплатиться за аренду. Что до остальных денег, то я их принять никак не могу!

— Ошибаешься, брат. Дружба покоится совсем не на деньгах, а на доброте и благородстве. Вот почему ты обязан взять их и вернуться к своему прежнему занятию. Прошу, не отказывайся! — с этими словами Цзя положил серебро на стол и быстро вышел за дверь.

Ученый Ли устремился за ним.

— Брат Цзя! Вернись! Позволь мне хотя бы поблагодарить тебя!

Но сюцай уже шагал прочь.

«Наверное, во всей Поднебесной не найдешь столь преданного и благородного друга! — подумал Ли. — Если я не приму его дара, он может обидеться. Возьму деньги и выкуплю дом, а если мне только повезет, тогда уж щедро его отблагодарю!»

Рассказав о случившемся матери, он отправился в храм Осиянного Счастья, чтобы уладить дело с домом. Возле ветхого строения, стоявшего слева от храма, он вошел в ворота и спросил настоятеля. Услышав голос и думая, что это пришел кто-то из богомольцев-жертвователей, настоятель Хуэйкун поспешно вышел к гостю, однако, увидев Ли, сразу же замедлил шаги. На его лице появилось отчужденное и брезгливое выражение. Небрежно поздоровавшись, он что-то буркнул под нос и даже не предложил чая. Но едва Ли заговорил о выкупе дома, настоятель оживился.

— Продавая мне дом, вы не сказали, что собираетесь выкупать его обратно. Однако если вы все-таки это решили, то условия остаются старые: сто и еще тридцать лянов серебра. Только вот что учтите. В последнее время мне пришлось кое-что сделать: соорудил несколько построек, привез материал — все это стоит денег. Поэтому, если желаете получить дом обратно, вам придется заплатить сверх этих ста тридцати лянов еще кое-какую сумму.

Есть поговорка: «У человека, который находится в крайней бедности, дорога совсем узкая». Зная, что книжник Ли сидит на мели, монах открыто издевался над ним. Никаких работ в доме он, конечно, не делал, но простодушный ученый принял все за чистую монету.

«Неужели снова занимать деньги у Цзя? — подумал он. — Нет! Ни за что! Я и так не хотел их брать, а сейчас тем более. Появился хороший предлог их вернуть. Скажу, монах поставил-де дополнительные условия и выкупить дом мне не под силу. Верну деньги — и гора с плеч!»

Простившись с монахом, он отправился к сюцаю и все ему рассказал.

— Каков негодяй! — возмутился Цзя. — Этот лысый ублюдок потерял стыд и совесть. Думает не о четырех

достоинствах монашества⁴, а только о наживе! Дом выкупают за ту же цену, на каком же основании злодей набавляет?.. Сумма, конечно, не слишком велика, но дело не в деньгах, а в том, что монах творит беззаконие. Этого терпеть нельзя, надо найти на него управу! Дом ему все равно придется вернуть, только нужно что-то придумать...

Сюцай предложил гостю закусить, а сам с двумя слугами направился в храм Осиянного Счастья.

Двери дома, где сейчас жил монах, оказались распахнутыми. Цзя Ши переступил порог и спросил у послушника, где настоятель.

— Наставник наверху, спит. У него утром был какой-то гость, и они изрядно выпили.

Оставив слуг внизу возле входа, сюцай подошел к лестнице и, стараясь не шуметь, полез наверх. До него донесся храп. Монах совершенно голый сладко спал на топчане. Рядом лежала его одежда. Сюцай огляделся. Все четыре окна комнаты оказались закрытыми. Цзя подошел к одному и посмотрел в щелку. Напротив стоял высокий дом, по всей видимости принадлежавший богатому человеку. В верхнем окне он заметил женщину за рукоделием. Цзя задумался, и в его голове родился план. Беспшумно приблизившись к ложу настоятеля, он взял его рясу и шапку и, облачившись в монашеское одеяние, подошел к окну. Легонько распахнув его, он высунул голову наружу. Расплывшись в улыбке, он принялся подмигивать женщине. Разгневанная женщина бросила рукоделие и побежала вниз. Поспешно сняв монашеское облачение, сюцай положил его на прежнее место, а потом без лишнего шума спустился во двор и ушел.

Хуэйкун продолжал спать. Через некоторое время внизу раздались крики и грохот: в комнату монаха ворвались около десятка дюжих молодцов. Монах открыл глаза.

— Плешивый осел! Негодяй! Как ты смел безобразничать! — заорали они. — Зачем заглядывал во внутренние комнаты, как ты смеешь заигрывать с хозяйкой! Это уже не в первый раз! До сих пор мы молчали, но пынче терпение лопнуло. Держись! Будет тебе хорошая взбучка, а потом стащим тебя к судье. Скажем, чтобы гнали тебя из этого дома!

Гости принялись громить все вокруг и в ключья изорвали одежду монаха. Настоятель сидел на ложе ни жив, ни мертв от страха.

— Я несчастный инок... никуда не заглядывал...— взмолился он.

Но его никто не слушал, градом сыпались затрецины.

— Плешивый злодей! — закричал один из мужчин.— Убирайся отсюда прочь, чтобы духу твоего тут больше не было. Иначе так тебя отделаем — только держись!

Монаха вытолкали вшаей из дома, и он трусцой побежал в монастырь. Монах знал, что с богачом Хэ — так звали соседа, жившего напротив, — шутки плохи.

План Цзя Ши вполне удался, и ликованию его не было границ. Через пару дней сюацай отправился к ученому Ли. Он рассказал о ловкой проделке, и книжник хохотал до упаду. Приятели взяли сто тридцать лянов и направились к монаху.

— Мы пришли выкупить дом! — сказал Цзя Ши монаху.

Увидев перед собой почтенного гостя в сопровождении слуг, а не бедолагу-книжочия, монах дал согласие. «Если я останусь здесь, покою не жди, — подумал он, вспомнив потасовку.— Сосед Хэ будет меня то и дело донимать. Надо отдать дом, тогда я сразу избавлюсь от неприятностей».

Монах получил свои сто тридцать лянов и возвратил закладную ученому Ли.

Как мы видим, монах хотел поживиться за чужой счет, но попал впросак и за свою жадность понес заслуженное наказание. Что касается приятелей, то один из них, Цзя Ши, сдав очередные экзамены, стал советником государевой канцелярии, а Ли получил чиновничье звание. Они по-прежнему были друзьями, и дружбу эту сохранили до самой смерти.

Высокое благородство
сулит в большой успех.
От замыслов злобных
непременно случится беда.
Монах Хуэйкув
ловчил, обманывал всех.
Цзя Ши оставался
достойным и честным всегда.

История, которую мы вам только что сообщили, предвещает главный рассказ, о чем и пойдет речь.

Случилось это в столичном городе Цзиньлине⁵ — у Золотого Холма, в месте, где постоянно происходят чудеса и где, как говорится, даже простая рыба может превратиться в дракона. Известно, что город одной своей стороной обращен к Каменной Горе — Шипань, вот почему его другое название — Каменный Град. Городская стена, сложенная из горных пород, начинаясь у Водяных Ворот — Шуймынь, подходит к реке Циньхуайхэ, вдоль берега которой на протяжении десяти ли стоят высокие, словно башни, дома и прочие постройки. Здешнее озеро, вырытое в давние времена по приказу императора Цинь Шихуана, а потому получившее название Циньхуайху, соединяется с водами реки Янцзы. Утром и вечером прилив выносит на берег множество разных предметов. По озеру скользят разукрашенные лодки со знаменитыми певичками, доносятся звуки шэнов⁶ и трели флейт, веселый говор и смех. По берегам озера в тени ив вьются дорожки, сверкают яркими красками изящные павильоны. У многочисленных цветников, забранных легкой оградой, возле бамбуковых рощиц можно слышать голоса поэтов, декламирующих стихи. Из-за резных дверей, прикрытых бамбуковым занавесом, то и дело выглядывают прелестные женские лица. Как говорится о подобных местах: питьевые заведения соседствуют с чайными домиками; здесь повсюду царят оживление и радость.

Рассказчик! Пока ты только описал красоты Циньхуайху, а до истории так и не добрался.

Э, нет, уважаемые! Вам невдомек, что моя история уже началась. Рассказывают, что в недавние времена возле озера Циньхуайху проживал один богатый человек — Чэнь Хэн, имеющий звание сюэя. У него была жена по фамилии Ма, доброжелательная и мудрая женщипа, к тому же бережливая и рачительная хозяйка. Кроме основного дома, в котором жили супруги, они имели еще летнее поместье, расположенное на другом конце озера.

Надо вам сказать, что сюэяй питал большую склонность к ветру и луне, а также очень любил заводить разные знакомства. Со своими приятелями и друзьями он часто отправлялся в зеленые терема⁷ к певичкам

или распивал вино, катаясь в лодке. Возле него постоянно вились собутыльники, а застоля никогда не обходились без «красных юбок». Певички развлекали гостей песнями, цветочницы подносили свежие цветы, повара изощрялись в кулинарном искусстве. Верно говорят: все тянутся туда, откуда веет выгодой. Так и здесь. Поскольку сюдай Чэнь слыл большим кутилой и транжирой, ему то и дело предлагали что-нибудь купить, да и среди гостей его не было скупердяев. Словом, сюдай Чэнь считался знаменитой личностью, его знал каждый в городе. Надо вам сказать, что Чэнь Хэн неплохо слагал стихи, умел писать торжественные оды. Был он человеком приветливым и доброжелательным. Сестрички из веселого квартала души в нем не чаяли — еще бы! Все они тянули из него деньги и веселились за его счет! Жизнь сюдая текла, как в поговорке: днем — Праздник Холодной Пищи, ночью — Праздник Фонарей.

Время летит, словно резвый скакун. Семь-восемь лет беззаботной и бурной жизни среди «цветов подлунных» не прошли бесследно. В конце концов сюдай пустил на ветер все свое состояние. Госпожа Ма не раз его укоряла, но своего нрава он так и не переменял. Сегодня скажет одно, завтра сделает другое. Правда, сейчас он уже не позволял себе веселиться, как прежде, но, когда деньги ненароком попадали к нему в руки, он их тратил так же беспечно и легко. Но, однако, такие счастливые случаи бывали все реже и реже.

«Он, видно, не остановится, пока вконец не разорится. Благо еще, что у нас есть пристанище!» — думала супруга, хорошо знавшая нрав мужа. И она перестала его донимать. Между тем сюдаю, который привык жить на широкую ногу, действительно измениться было очень трудно. Денег становилось все меньше и меньше, вскоре их и совсем не стало. Тогда кто-то из приятелей посоветовал ему, составив договорную бумагу на триста лянов, пойти на улицу Трех Гор к некоему Вэю из Хуэйчжоу — владельцу долговой лавки, человеку, надо заметить, весьма алчному — существу дьяволу. Поскольку сюдай еще не успел занять свою репутацию, ростовщик выдал ему нужную сумму из расчета тридцати процентов годовых, не сомневаясь, что Чэнь ее рано или поздно вернет. Получив деньги,

Чэнь принялся их тратить, как и раньше. Но об этом можно не говорить.

А теперь мы расскажем о ростовщике Вэе. Когда этот злыдень впервые приехал в Нанкин, у него была лишь скромная долговая лавка. Но Вэй умел извлекать выгоду любыми способами, не брезгуя ни ложью, ни обманом. Скажем, приходит к нему человек заложить вещь. Вэй расплачивается с ним низкопробным серебром, выдавая его за самое чистейшее и лучшее. Мерил он серебро самыми маленькими весами, непременно забывая поставить несколько гирек. Но зато, когда кто-то выкупал вещь, Вэй притаскивал большой безмен и требовал, чтобы клиент рассчитался с ним серебром лучшего качества. Если же в расчете у клиента случалась промашка, ростовщик оставлял вещь у себя. Иногда ему приносили в заклад драгоценную вещицу из золота, серебра или же украшения из жемчуга и редких камней. Увидев, что золото высшего качества, Вэй тут же изготовлял подделку и отдавал ее вместо ценной вещи. Крупные жемчужины он подменял мелкими, редкостные камни — дешевыми стекляшками. Трудно сказать, сколько подобных мошенничеств он совершил!

Триста лянов серебра он дал Чэню, конечно, не задаром, но под залог заозерного дома. Какое-то время он не требовал денег обратно, но вот прошло три года, и проценты сравнялись с основной суммой. Этого-то момента Вэй и ждал. В один прекрасный день он послал посредников за долгом. В это время сюдай Чэнь снова сидел на мели, в доме его — хоть шаром покати. Как говорится: кубки сухие, кувшины пустые. Примирившись с бедностью, сюдай читал книги, готовясь к экзаменам. Услышав о том, что пора расплачиваться, он растерялся и велел домашним сказать, что его нет дома, а когда вернется — рассчитается. Так он отговаривался несколько раз. «От долга не скроешься, от привидения не убежишь!» — гласит поговорка. Ростовщик, конечно, не верил тому, что говорили в доме Чэня, и посылал своих людей чуть ли не каждый день. Но сюдай продолжал скрываться. Тогда Вэй велел посредникам подкараулить сюдая возле дома, да еще хорошенько припугнуть его. Чэнь пошел на пятую.

А сейчас послушаем стихи:

Не страшили его могучие духи,
когда он был при деньгах.
А теперь остался без всяких средств —
и бесенок внушает страх.

Знал давно, что наступит день
и придется стерпеть позор —
Всей его прошлой беспутной жизни
справедливый укор.

Итак, сюдайт, не выдержав домогательств ростовщика, в конце концов вынужден был встретиться с его доверенными.

— Мой долг вместе с процентами составил шестьсот лянгов. Такую крупную сумму я выплатить сейчас не в состоянии, — сказал он. — Но у меня есть поместье на другой стороне озера, которое опенивается в тысячу лянгов, а может быть, и больше. Я могу уступить его под залог. Пусть ростовщик дает тысячу лянгов, и дело с концом. Прошу вас, почтенные, постарайтесь договориться с ним, а я вас, разумеется, отблагодарю.

Посланцы Вэй, поняв, что из сюдая все равно денег не выжмешь, пошли доложить ростовщику.

— Что вы городите! — воскликнул Вэй. — Видел я этот дом и поместье! Никакой тысячи они не стоят. Этот Чэнь слишком широко разевает пасть! Красная цена его хозяйству — шестьсот лянгов, да и этого будет много.

— Почтенный Вэй! Такое поместье вам никогда не купить за шестьсот лянгов. Чэнь Хэн сейчас сидит на мели, и вы можете заполучить его дом по дешевке, приплатив какую-то лишнюю сотню лянгов. Уступите! Не ровен час подвернется другой покупатель с деньгами — и прекрасное поместье от вас уплывет.

— Вы мне уже как-то посоветовали одолжить этому Чэню, но до сих пор я не видел ни денег, ни процентов. А сейчас вы снова хотите вогнать меня в расход! Не нужно мне никакого дома, тем более этой развалины! Я возьму его лачугу — и то в ущерб для себя! — только за шестьсот лянгов — ни на медяк больше. Или пусть возвращает долг!

Посредники вместе с приказчиками из лавки отправились к Чэню и передали ему, чего хочет ростовщик.

Сюцай от возмущения не мог вымолвить слова. Да и что ему сказать! Ведь когда-то он сам совершил оплошность! Где же ему сейчас тягаться с ростовщиком, как с ним рассчитаться? Приняв беззаботный вид, сюцай проговорил:

— Ну что ж, если поместье не стоит тысячи лянов, я согласен продать его за восемьсот. В свое время, когда я строил дом, он обошелся мне в тысячу двести или тысячу триста лянов. Понятно, об этом сейчас не стоит говорить, но все же... Прошу вас, почтенные, передайте ему мое предложение.

— Невозможно! Никак невозможно! — вскричали посредники. — Мы ему уже советовали накинуть хоть сотню лянов, так он даже в лице переменился. Сказал, что дома ему никакого не нужно, пусть, мол, возвращает деньги обратно. А вы говорите восемьсот! Он ни за что не согласится, хоть тресни!

— Крупная покупка — дело, конечно, ответственное, сразу не решишь, — заметил Чэнь. — Возможно, первоначальная сумма показалась ему слишком высокой, но ведь сейчас я сбросил двести лянов. Неужели он откажется?

Посредники, жалея сюцаю, снова пошли к ростовщику, но тот и на этот раз наотрез отказался. Он удалился во внутренние комнаты дома, а вскоре оттуда вышли пять приказчиков.

— Господин Вэй поручил нам идти вместе с вами за долгом. Он запретил даже упоминать о доме.

Расстроенные посредники в сопровождении приказчиков пошли к Чэню. На сей раз посредники молчали, а все переговоры вели приказчики.

— Хозяин приказал нам оставаться здесь до тех пор, пока вы не вернете ему долг! — сказали они сюцаю.

Смущенный хозяин не знал, что ответить, лицо его горело от стыда.

— Почтенные! — обратился он к посредникам после длительной паузы. — Уговорите их вернуться, а я постараюсь что-нибудь предпринять.

Посредники кое-как уломали служащих Вэя, и те согласились уйти.

Сюцай был в отчаянии, никакого выхода он не видел. Направившись во внутренние покои, он подошел к

столу и, тяжело вздохнув, в сердцах ударил по нему рукой. Госпожа Ма понимала состояние мужа.

— Сударь мой, вы, кажется, вздохнули,— не без умысла проговорила она.— Если вам не по себе, сходите к певичкам, на цветочную улицу. В Чуских павильонах и Циньских башнях⁸ вы сможете испытать вина и послушать веселые песни. Развеялись бы ночь-другую... Или, быть может, ветер с луной уже не такие, как прежде?

— Спасибо за утешение! Мне сейчас самое время развлекаться! Прежде я не слушал твоих советов, бросал деньги на ветер, и вот результат — попал в лапы к этому хуэйчжоускому псу. Сейчас придется отдать наш второй дом. Я уступаю ему целых двести лянов, а он ни в какую, требует денег — и все тут. Сегодня прислал своих служащих и велел им меня сторожить. Еле-еле упросил их уйти. Завтра, наверное, придут снова... Наше поместье, конечно, стоит намного дороже шести-сот лянов, но что поделаешь!

— Ты транжирил деньги, словно их у тебя бездонная пропасть. Время шло, а ты тратил тысячу за тысячей... Странно, что ты расстроился, когда к тебе пришли требовать какие-то сто-двести лянов. Ну стоит ли впадать в отчаяние! Отдай дом, и дело с концом. Ведь три года назад ты все равно бы продал наше поместье. непонятно, почему ты убиваешься сейчас?

Слова жены задели сюцай за живое, и он ничего не ответил. Погруженный в тяжелые думы, он поужинал, совершил вечернее омовение и лег спать.

Как говорится:

В радости
и ночь коротка.
В несчастье
особенно грусть горька.

Сюцай ворочался с боку на бок и едва дождался рассвета. Наступила пятая стража, и пропели петухи, а он лежал в постели совершенно разбитый, с тяжелой головой. В дверь постучал мальчишка-слуга. Он сообщил, что люди Вэя снова пришли за долгом. Через некоторое время вновь раздался стук. Слуга доложил, что хозяина ждут в зале. Сюцай с трудом поднялся и вышел к гостям. Посредники показали бумагу, которую он сразу же подписал: «Такое-то поместье продается та-

кому-то лицу за шестьсот ляпов серебра». Сюцай не мог подавить досады и успокаивал себя лишь тем, что наконец-то сбросил с себя тяжкую обузу. Довольные посредники поспешили к ростовщику. Вэй ликовал. Он только делал вид, что дом не нужен ему. Ростовщик просто воспользовался безвыходным положением Чэня, твердо зная, что в конце концов поместье попадет к нему в руки. Так и случилось. Запутавшись в долгах, Чэнь был вынужден отдать поместье за бесценок. Как же ростовщику не радоваться! Но об этом мы пока помолчим, а вернемся к сюцаю.

После продажи поместья Чэнь потерял покой. У него пропал сон, аппетит. Он ходил насупленный, часто сидел в задумчивости, стиснув зубы, или шептал: «Только бы мне встать на ноги, я бы с тобой рассчитался!». Услышав проклятья по адресу Вэя, жена сказала:

— Винить нужно не других, а себя!.. У кого есть деньги, тот старается употребить их с пользой. А ты? Получил деньги в долг и ничего с ними путного не сделал, попросту растратил. А сейчас отдал поместье почти задаром — разве тебя принуждали?

— Ах как я раскаиваюсь! Но кайся не кайся, а беде не поможешь!

— Изъясняешься ты красиво! Только все это одни слова! В древности говорили: «Кающийся транжира — все равно что бес, обернувшийся человеком». Так и ты, просто сейчас тебе укоротили руки, и весь ты поджался, втянул голову в плечи, сидишь дома и предаешься унынию. А получить бы тебе пару сотен лянов, снова начнешь тратить их на развлечения!

— Нет! Ты не понимаешь, что творится сейчас у меня в душе! — вздохнул сюцай. — Человек не чурбан, у него есть чувства. Прежде я действительно ничего не понимал. Меня подбивали на удовольствия, и я упивался ими, веселился с утра до вечера. Нынче, когда я разорился, оказалось, что я никому не нужен. Как ты думаешь, могу я, как раньше, быть спокойным и думать о развлечениях? Нет! Я действительно в полном отчаянии!

— Ну что ж, если ты говоришь правду, значит, еще не все потеряно! Вспомни поговорку: «Пока не подошел к реке Уцзян, твое сердце не умерло! Ну а коли

приблизился к ней, значит, все кончено»⁹... Я хочу спросить: если бы у тебя снова появились деньги, чтобы ты с ними сделал?

— Прежде всего выкупил бы поместье и сбил спесь с хуэйчжоуского пса. Успокоился бы немного и дух перевел. Потом я открыл бы лавку, купил землю. Вот так бы и жил, пока в один прекрасный день не добился известности. Думаю, мне хватило бы и тысячи лянов... Только откуда их взять? Мечтать о таких деньгах — все равно что пытаться утолить жажду, взирая на дикую сливу, или рисовать лепешки в надежде избавиться от голода.

Сюпай в сердцах ударил кулаком по столу и горестно вздохнул. Госпожа Ма улыбнулась.

— Если ты и в самом деле стал так рассуждать, тысячу лянов достать можно.

Почувствовав в словах жены намек, Чэнь спросил:

— Где же их взять? Снова залезать в долги или просить у друзей? Деньги же не упадут с неба!

— Брать в долг — значит снова кланяться ростовщику, — усмехнулась жена. — Что касается друзей, то вряд ли они устроят складчину, видя теперешнее твое состояние. Недаром говорят: в жизни ищут место, где теплее, а среди людей — тех, кто поважнее. Словом, надо искать не где-то на стороне, а у себя дома. Кто знает, может, найдем какой-нибудь выход!

— Дома? Откуда?.. Будь добра, подскажи, объясни, что делать?

— Сколько у тебя было друзей-собутыльников, с которыми ты вместе кутил! Где они теперь, почему ни один не пришел помочь? А сейчас ты обращаешься ко мне за советом! А ведь я всего лишь слабая жепщина...

— Моя госпожа, помоги, я сделаю все, что ты захочешь! — воскликнул Чэнь.

— Ты действительно решил образумиться?

— Неужели ты еще сомневаешься? Клянусь, если я хоть один только раз пойду к певичкам, пускай никогда не будет у меня счастья, или нет — пусть лучше я погибну!

— Ну что ж, тогда я выкуплю поместье и верну его тебе.

С этими словами жена взяла ключи и открыла дверь.

цу в боковую пристройку, куда шел узкий темный коридор. Вскоре госпожа Ма вынесла кожаную сумку.

— В ней лежат деньги, возьми и выкупи дом, а остальные верни мне.

В сумке белели брусочки серебра — больше тысячи лянов. Сючай остолбенел, он не верил своим глазам.

— Ты что-то загрустил, — улыбнулась жена.

— Ничтожный и гадкий я человек! — на глазах мужа показались слезы. — Пустил на ветер все наше состояние! И что я вижу сейчас? Своими стараниями ты сумела сберечь такие деньги и даешь их мне, чтобы я поправил наши дела! Мне стыдно за себя! Как я низок!

— Мой господин! Твое решение исправиться — большая для меня радость. Прошу тебя завтра же не медля сходи и выкупи поместье.

Прошла ночь. Рано утром Чэнь, охваченный радостным волнением, послал человека к посредникам просить, чтобы они уговорили ростовщика взять шестьсот лянов и вернуть поместье. Однако сючай не подумал о том, что Вэй, совершив выгодную сделку, вовсе не собирался отдавать дом.

— Когда я покупал поместье, там был не дом, а развалина, не земля, а сущий пустырь, — сказал он посредникам. — За это время я сделал пристройки, произвел повсюду ремонт, навел порядок. Сейчас все вокруг так и сверкает. К тому же я посадил деревья, цветы, вы сами можете убедиться. Одним словом, за шестьсот лянов я дом не отдам. Хочет выкупить, пусть выкладывает тысячу.

Посредники передали разговор сючаю.

— Придется мне самому посмотреть, действительно ли он там понастроил и сделал ремонт, как говорит. Собственными глазами проверю, а тогда будем решать, — сказал Чэнь и вместе с посредниками направился в поместье. Пришли, спросили ростовщика. Служанка, которую они заметили, сказала, что хозяин пошел в лавку, жена в доме одна, поэтому входить неудобно.

— Тогда мы снаружи посмотрим, — предложил кто-то из посредников.

Служанка пропустила гостей во двор. Они посмотрели по сторонам: ничего не изменилось. Тот же старый

дом, только в отдельных местах заменены доски, сделал сток для дождевой воды да построен заборчик. Словом, осталось почти все по-старому.

— Как видите, почтенные, он ничего здесь не сделал,— обратился сюдай к посредникам,— за что же дополнительные деньги? Вы, наверное, помните, когда я закладывал дом, я просил восемьсот лянв, а он не согласился. Зная мое бедственное положение и стремясь присвоить поместье, он наступил мне тогда на горло. Теперь поместье у него в руках, и он собирается снова пагреть руки. Разве это справедливо? Получается, как в поговорке: кошачью пицу перемешал, да ту же и подал... Но сейчас он меня не одурачит! Я уже не тот, что прежде! Прошу вас, почтенные, отдайте ему эти деньги и скажите, чтобы он вернул мне поместье. Он и так крепко нажился — одних процентов триста лянв.

Посредники помялись, не решаясь идти к ростовщику, однако крупная сумма, которую выложил Чэнь, сделала свое дело — менялы всегда остаются менялами.

— Господин Чэнь, вы нас убедили, и мы согласны поговорить с ним еще раз!

Они взяли серебро и отправились к Вэю.

— Мало! — отрезал ростовщик, однако деньги все-таки взял, хотя и не сказал, когда вернет дом.

— Полдела сделано! Деньги он взял! — доложили посредники сюцаю и передали ему расписку ростовщика.

Прошло несколько дней. Сюдай послал людей поторопить Вэя с выездом.

— Пускай он сначала восполнит мои затраты на ремонт и дополнительные работы, иначе не уеду,— ответил ростовщик.

Так повторилось несколько раз. Чэнь Хэн кипел от ярости. «Каков негодяй! Как ловко пользуется положением!.. А что, если обратиться в суд? — подумал сюдай, но тут же отверг эту мысль.— Нет! Глядишь, власти еще скажут, что я неправ, и дело обернется в его пользу. Надо спокойно все обдумать, взвесить. Ясно одно, его нужно выставить из поместья... А потом я с ним расквитаюсь, уж слишком много я от него натерпелся, и сейчас он снова меня дурачит. До каких пор я буду спосить унижения!»

В это время была середина десятого месяца, когда

обычно светит ясная луна, такая красивая — будто на картине. Как-то поздним вечером Чэнь вышел из дома и стал прохаживаться по берегу залитого лунным светом озера, обдумывая план действий. Вдруг из черной пучины вынырнул какой-то предмет. Сючай пригляделся и остолбенел — то был труп, который пригнали в озеро воды Янцзы. У сючая мелькнула мысль: «Выход найден!»

Он быстро вернулся домой и позвал своего преданного слугу Чэнь Лу, с которым часто советовался по разным вопросам.

— Этот Вэй, собачья его душа, доставил мне кучу неприятностей, а я с ним до сих пор не могу расквитаться, — сказал он. — Сейчас, например, он не хочет возвращать мне поместье! Надо что-то придумать!

— Хозяин! Как вы только терпите этого смердящего пса? Вы же из знатного рода, не какой-нибудь простолюдин. Даже мы не выдержали, решили отомстить за вас. Все время думаем, как бы ему насолить!

— У меня возник один план. Если ты сделаешь все, что я скажу, получишь щедрое вознаграждение.

Сючай рассказал, что он придумал.

— Вот здорово! — обрадовался слуга и обещал сделать все, что велел ему хозяин.

На следующий день Чэнь Лу надел свое лучшее платье и отправился к ростовщику наниматься в услужение. Вместе с ним как поручитель пошел давнишний приятель сючая — некий Лу. Вэю пришлось по душе Чэнь Лу, бойкий на язык, опрятно одетый парень. Он оставил его у себя, выделил угол в доме и поручил дела с должниками.

Слуга выполнял свои обязанности ревностно и старательно. Прошло больше месяца. Однажды утром ростовщик решил послать Чэнь Лу за дровами. Стал его искать, но в доме не нашел. Пошел во двор. Видит, ворота открыты. Вэй приказал слугам искать Чэнь Лу, те обегали всю округу, но вернулись ни с чем.

— Нигде не нашли! — доложили они хозяину.

Ростовщика не огорчило исчезновение Чэнь Лу, поскольку он не слишком потратился на нового слугу. Но все же интересно, куда девался этот мошенник? Вэй решил узнать у поручителя Лу. Он собрался было уже послать к нему своих людей, как вдруг у ворот до-

ма появились несколько дюжих слуг из дома сюдая Чэня.

— Месяц назад из нашего дома сбежал слуга по имени Чэнь Лу, — сказали они ростовщику. — Нам сообщили, что его привел сюда поручитель Лу. Мы требуем слугу обратно, да поживей. И не вздумайте его прятать, а то подадим в суд. Наш хозяин уже приготовил бумагу.

— Верно! Месяц назад он являлся ко мне на работу. Но откуда мне знать, что он был из вашего дома?.. Только здесь его больше нет, он нынешней ночью сбежал, неизвестно почему. Я говорю правду!

— Как сбежал? Наверняка прячется в доме! Думаешь нас провести? Все перероем, а найдем!

— Пожалуйста, обыскивайте! — ростовщик сделал жест рукой: — А не найдете, получите взбучку.

Слуги Чэня ринулись в дом, принялись рыскать по всем углам, но ничего не обнаружили, только мышей распугали. Ростовщик злорадствовал, предчувствуя удовольствие от взбучки, которую он собирался устроить гостям. И вдруг один из челядинцев сюдая закричал:

— Нашел! Нашел!

Ростовщик, теряясь в догадках, поспешил к куче рыхлой земли во дворе, у которой столпились люди Чэня. Из земли торчала человеческая нога. Ростовщик выпучил от ужаса глаза.

— Э! Ростовщик, как видно, прикончил его и закопал по частям, — предположил кто-то. — Пошли скорее за хозяином! Дело пахнет судом!

Один из слуг опроретью побежал к Чэнь Хэну, который не замедлил явиться.

— Ты что, не знаешь, что жизнь человеку дарована Небом? Как ты смел убивать моего слугу? — закричал сюдай громовым голосом. — Я заявлю на тебя в суд!

Сюдай приказал выкопать ногу из земли.

— Ваша светлость! Я не убивал его! — проговорил дрожащий от страха ростовщик.

— Гнусная ложь! А откуда нога? Попробуй отойди на суде!

Надо вам знать, что богачи до смерти боятся судебных тяжб, особенно если дело связано с убийством.

— Подождите! Поговорим по-хорошему! — взмолил-

ся Вэй.— Господин Чэнь, пощадите меня, не доводите до суда! Ведь здесь даже головы нет. Что я скажу на суде?

— Паглец! Ты еще просишь пощады? Отнял у меня поместье, не хотел брать деньги, что я давал... Сейчас завладел моим домом и собираешься снова вогнать меня в расходы! Злодей! Ты пригрел у себя беглого раба, а потом прикончил его. Нет тебе пощады! Твои злодеяния требуют возмездия!

— Ваша светлость! Виноват, кругом виноват! Готов сей же миг вернуть вам поместье!

— А не ты ли твердил, что сделал новые пристройки, произвел ремонт?.. Так и быть. Ты даешь мне триста лянов на ремонт и напишешь расписку. Может быть, тогда мы как-то поладим... А погу я сожгу, так что и следов от нее не останется. Но если не сделаешь так, как я сказал, пеняй на себя! Ногу видели все — ведь сейчас ясный день. Пойдут разговоры, правда рано или поздно всплывет наружу. Тебе не выпутаться из этой передраги!

У ростовщика не было выхода. Чтобы замять дело, он отдал Чэню триста лянов и расписку. В тот же вечер он покинул поместье и вернулся в свою меняльную лавку на улице Трех Гор. Теперь сюцай Чэнь мог сказать, что он расквитался с Вэем за все обиды.

Вы спросите, почтенные, откуда взялась чужья нога? А помните утопленника, которого в десятый месяц увидел сюцай, когда гулял лунной ночью по берегу озера? Его слуга Чэнь Лу прихватил ногу с собой, когда шел паниматься к ростовщику, и незаметно зарыл ее в землю. Потом, как вы знаете, слуги эту ногу обнаружили. Ростовщику грозил суд. Перепугавшись, он был вынужден возвратить поместье, да еще приплатить триста лянов серебра.

В этом и состоял плач Чэнь Хэна.

Впоследствии сюцаю все же удалось поднять свое хозяйство. Пустив свободные деньги в оборот, он снова стал богатым человеком. А потом он получил ученую степень сяоляня — Почтительного и Бескорыстного Мужа. Когда же настало время, он умер, правда так и не став чиновником. Чэнь Лу, которому довольно долго пришлось жить в чужих краях, в конце концов снова вернулся в дом Чэня. Однажды на улице он носом к

носу столкнулся с ростовщиком. Только тогда Вэй понял, что его ловко провели. Однако жаловаться было поздно, ведь ростовщик отдал все бумаги, и у него не осталось никаких доказательств. Словом, он допустил большую промашку. А о тайне человеческой ноги он так ничего и не узнал, и с тех пор его постоянно грызли сомнения, увы, пустые.

Вот и пришел конец нашей истории о сюэе Чэнь Хэне, который с помощью ловкого плана вернул себе дом. Послушайте в заключение стихи:

Неприменно ждет разорение
транжиру и лгуна.
Вряд ли похвал достоин
унизивший бедняка.
Подлые, злые деяния
случаются наверняка
Оттого, что люди посеяли
ядовитые семена.

УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА

В стихах говорится:

Чистый рассвет
пары благодати струит.
Взвился жемчужный занавес,
музыка где-то звучит.
Толпы святых небожителей
покидают остров Пэнлай —
Упряжка фенфиксов и луаней
до земли их быстро домчит.
Грациозные, нежные
идут небесные фен,
Легкий ветер повеял —
Слышно, как мелодично звенит
Драгоценных подвесок нефрит.
Выступают одна за другой
гибкие, словно ивы,
Подобных красавиц нет на земле —
прекрасны они па диво.
Рядом с девами юные мужи,
хороши собой несказанно.
Деревья яшмовые растут,
Все ярким блеском озарено,
благодатью все осиянно.
Невольно спросишь, кто же создать
красоту подобную смог?
Смех звучит беспрестанно,
То веселятся мужи,
вошедшие в «ветр и поток».
Весна наступила,
радость суля и забавы,
Конц, будто драконы,
Ленты цветные вьются,
благоухают травы.
Вместе с друзьями в этой стране
Жизнь прожить хотелось бы мне.

Это стихотворение под названием «Похвала женихам» сочинил сунский поэт Синь Цзясюань¹ по случаю одного свадебного застолья. Вам, конечно, известно, что из всех радостных событий, которые происходят в жизни, самым ярким считается свадьба, когда в комнатах новобрачных ночь напролет горят цветные свечи, а в доме царит праздничное веселье. Надо вам, однако, напомнить, что во время свадебной суматохи нередко случаются и кражи. Подобная история, к примеру, произошла в окружном городе Аньцзи, что в Усине², в доме одного богача, где как-то справляли свадьбу.

В ту самую ночь, о которой пойдет сейчас речь, в дом проскользнул жулик, сумевший воспользоваться праздничной кутерьмой. Прощмыгнув внутрь, он мигом забрался под кровать молодоженов и стал ждать, когда гости разойдутся и он, улучив подходящий момент, сможет заняться своим непотребным делом. Но кто мог подумать, что молодожены прободрствуют до самого рассвета, зажигая любовные огни. Их свадебное ложе непрерывно находилось во власти туч и дождя, а после утех они заводили сокровенные беседы. За вопросом одного следовал ответ другого, который вызывал новый вопрос, и так без конца. Устав от бесед, молодые супруги вновь приступали к любовным играм. Словом, влюбленным было совсем не до сна. Вор, сидевший под ложем, вконец извелся, слушая над собою звуки, которые, казалось, не утихали ни на мгновение. В такой обстановке нельзя даже ускользнуть незаметно, не то что что-нибудь скрасть. Мошенник лежал, прижавшись к полу и затаив дыхание. Когда наступил день и молодожены, спустившись с ложа, вышли из комнаты, вор, не в силах больше терпеть страшных мук, наконец, с удовольствием помочился в темном уголке. Но вот наступила вторая ночь, а за ней пришла третья, а мошеннику так и не удалось совершить кражу. За три дня он ничего не ел и уже едва дышал от слабости. И тогда он решился рискнуть, невзирая на великую опасность, которая ему грозила. Когда голоса обитателей дома немного стихли, он, собравшись с духом, выполз наружу, намереваясь улизнуть. Вот тут-то его и заметил хозяйский сторож.

— Вору! — завопил он.

Крики сторожа подняли всех обитателей дома. На

жулика посыпались тумак и да пычки. Его схватили, чтобы назавтра стащить в управу.

— Я ничего не украл, не тащите меня в суд! — взмолился мошенник. — А за то, что я к вам забрался, вы меня порядком наказали, значит, мы в расчете. Отпустите меня! Я вам еще пригожусь, а при случае и отблагодарю!

— Кому нужна твоя благодарность, прохвост? Твое место в суде! — крикнул хозяин. — Убить тебя мало, злодей!

— Не дадите мне пощады, я в суде на вас наплету — расскажу кое-что для вас нежелательное. Потом пожалеете!

Наглость проходимца возмутила хозяина, и на мошенника обрушилась новая порция ударов. Связанный, он просидел в доме всю ночь, а утром его поволокли в суд в сопровождении местных выборных. Начальник уезда начал допрос.

Известно, что у жуликов ум весьма острый.

— Ваша светлость, господин начальник! Не обижайте понапрасну ничтожного. Не грабитель я и не вор! — сказал мошенник спокойно, без тени смущения. — Прошу вас, разберитесь во всем хорошенько!

— Как же ты не грабитель, если проник в чужой дом и оказался под ложем?

— Дело в том, что я — лекарь, — отвечивал вор. — Скажу вам по секрету, ваша светлость, что молодая страдает одним тайным недугом, который доставляет ей порою изрядные беспокойства. Только я один и могу справиться с ее хворью, однако ж для этого я должен быть все время рядом, не отходя ни на шаг. Опасаясь, что злокозненная хворь внезапно вспыхнет, молодая и упросила меня в свадебную ночь быть поблизости, имея под рукой нужное снадобье. Вот почему мне и пришлось залезть под ложе. А родня жениха приняла меня за грабителя.

— Какие у тебя доказательства? — спросил уездный начальник.

— Могу назвать вам молочное имя невесты: Жуйгу³. А родилась она от наложницы. В доме о ней особенно не заботились, только мать ее одна и любила! Быть может, от всех ее бед да невзгод и родился злой недуг, для чего меня и приглашали в их дом. Если вы,

господин начальник, пошлете за пей и расспросите, она сразу же меня признает и скажет, что никакой я не вор, а лекарь.

Мошенник говорил столь убедительно, что начальник уезда ему поверил.

— Если, действительно, все так, как он говорит, не должно обижать безвинного человека, — проговорил судья. — Следует вызвать в суд женщину.

Надо сказать, что, сидя три ночи под свадебным ложем, вор узнал много интересного из разговоров молодоженов. И верно, что у невесты был какой-то недуг, от которого она постоянно лечилась. Она рассказала о нем мужу, а вор запомнил и выложил все на суде в отместку за то, что его не простили. Хитрец знал, что домашние, скрывая порок невесты, не захотят срамить женщину в суде. Начальник уезда попался на уловку мошенника. Когда он распорядился вызвать молодую в управу, ее отец всполошился и стал просить об отмене приказа, однако чиновник остался неумолим. Тогда богач сказал, что он отказывается от обвинений. Начальник уезда рассвирепел.

— Ты же сам назвал этого человека грабителем, а теперь, когда надо предъявить доказательства, отвергаешь свои собственные обвинения! Значит, ты возвел клевету на невинного человека! Если не приведешь в суд невесту, ответишь по всей строгости за облыжное обвинение!

Богач растерялся. «Если б знал, отпустил бы пройдоху с миром, — подумал он. — Теперь греха не оберешься!»

Один служивый человек из управы, поднаторевший в казенных делах, спросил богача о причине его расстройств. Тот ему объяснил.

— Разоблачить мошенника совсем не трудно, — сказал служивый. — Если я как надо доложу начальнику, жулик сразу сознается... Только, само собой, за этим должна последовать благодарность.

Богач дал служивому десять лянов, и тот сей же час направился к начальнику уезда.

— Ваша светлость! — сказал он. — Невеста, можно сказать, только-только вышла за ворота дома. Если ее допрашивать вместе с грабителем, она совсем растеряется от стыда и смущения. Надо пожалеть ее!

— Не допросив ее, мы ничего не узнаем. Откуда известно, настоящий он вор или нет?

— На сей счет у меня есть одна неразумная мыслишка. Мне кажется, жулик не знает женщины в лицо, потому как все это время просидел под топчаном, ну а его речи о сговоре с ней — чистые браки. По-моему, невесту вызывать не обязательно, а вместо нее на очную ставку с мошенником выставить кого-то другого. Если вор ничего не заподозрит, значит, ясно — он обманщик и клеветник. Мы его выведем на чистую воду и сохраним честь доброй семьи.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул начальник уезда и велел подчиненным тайно найти подходящую певичку, которая бы сыграла роль женщины из приличного дома. Певичку обрядили в скромную одежду, повязали голову платком и повели в зал суда на очную ставку с мошенником.

— Женщина по имени Жуйгу доставлена! — гаркнули стражники.

— Жуйгу! Жуйгу! — обратился к женщине подсудимый, не догадываясь о подвохе. — Ты же сама велела мне прийти к тебе для лечения. А твой свекор схватил меня как вора, да еще притащил в суд. Что ж ты молчишь?

— Узнал ее? — спросил начальник уезда. — Это Жуйгу?

— Как не узнать! С малых лет ее знаю!

— Вот ловкач! — рассмеялся уездный начальник. — Едва не провел меня. Ты же совсем не знаком с Жуйгу, а папшел, будто тебе приказали ее лечить. Знаешь ли, кто сейчас перед тобою? Певичка из веселого заведения!

Мошенник сразу же прикусил язык, а когда начальник уезда приказал доставить пыточную снасть, во всем сознался. Он рассказал все как было, не забыв, конечно, добавить, что он ничего не украл и потому просит снисхождения. Начальник уезда приказал бить его тяжелыми батогами, после чего надеть кангу и выставить на торжище для всеобщего обозрения. Однако ж поскольку кража не совершилась, на каторгу мошенника не послали. Ну, а что до невесты из богатого дома, то она в суд так и не попала.

Мы вам рассказали забавную историю, которую

можно посчитать за веселое вступление к нынешнему нашему рассказу. Он по случайности тоже касается одной невесты. Надо вам сказать, что из-за этой истории возникло до крайности запутанное судебное дело, которое долго никто не мог разрешить. Но сначала послушайте стихотворение:

Радостен свадебный пир,
горят разноцветные свечи,
Но море страданий и слез
в жизни пребудет вечно.

Если б не воля небесная,
не Неба Великого сети,
Эту загадку труднейшую
не решил бы никто на свете.

Рассказывают, что в Цзядинском уезде Сучжоуской области⁴ в свое время проживал торговый человек по фамилии Чжэн, не так чтобы очень богатый, но и не бедняк. У Чжэна была дочь Жуйчжу, что значит Жемчужина в Бутоне — девушка необыкновенной красоты и редкого очарования. Как говорится в подобных случаях, она походила на рыбку в пучине, на лебедя в поднебесье и красотой своей могла затмить цветы и луну. Девушка была помолвлена с Третьим Се — юношей из их же уезда. Обе семьи выбрали счастливый день для свадьбы, когда жених должен забрать невесту в свой дом. За три дня до праздника, как предписывали нравы тех мест, невесту полагалось особым образом нарядить или, как говорят, «украсить лик», для чего родители послали за цирюльником.

Надо вам знать, что по заведенным в Цядине обычаям женщины из простых семей, когда хотели сделать прическу или выщипать лишние волоски на лице, всегда обращались к цирюльникам-мужчинам. Так и на этот раз родители Чжэн позвали в дом некоего Сюй Да — молодого человека, отличавшегося беспутным поведением и злоковарным нравом. Этот вертопрах умел выведать любые секреты о женщинах и прекрасно знал, какая хороша собой, а какая безобразна. Он специально постиг искусство цирюльника, которое давало ему возможность пролезать во внутренние покои дома и беспрепятственно пялить свои воровские глаза на молодок. Не гнушался мошенник и должностью вичочерпия на

свадебных цирах или простого разливателя чая. Вы спросите: кто такой виночерпий или разливатель чая? Ответу — особый слуга при женихе или невесте. Во время свадебного обряда он обычно стоит рядом, громко восклицая: «Прошу отведасть чаю!» или «Прошу отведасть виша!» Вот отсюда и появилось название самого ремесла. Итак, Сюй Да освоил оба ремесла с одной лишь целью — потереться возле молодых красоток.

Как мы уже сказали, родители Чжэн пригласили Сюй Да, чтобы он «украсил лик» невесты. В назначенный срок Сюй Да появился в доме со своим инструментом. Заметим, что цирюльник раньше никогда не видел Жуйчжу, и понятно — ведь она была девицей. Сейчас, занимаясь «украшением», он с наслаждением разглядывал девушку вблизи. Сюй Да не терял времени даром. Он успевал работать руками и лишней раз кинуть взгляд на красотку. Он совсем разомлел и стал походить на слепленного из снега льва, которого придвинули к горящему очагу. Между тем то самое, о чем обычно не говорят, приобрело необыкновенную крепость и стало похоже на птицу-буревестника, проглотившую твердую кость. Но вот досада! Рядом то и дело сповали люди. Пройдохе никак не удавалось обнять молодую и погладить ее как бы ненароком. Старый Чжэн, который все время стоял поодаль, наверное, разгадал печистые помыслы вертопраха и, как только тот копчил работу, быстро отправил его прочь. Сгорая от страсти, Сюй Да удалился, втихомолку проклиная хозяина. Мысль о красотке запала в душу мошенника. Узнав, что Жуйчжу отдадут в дом Се, он решил подрядиться туда виночерпием. Когда наступил день отправлять дочь «за ворота», старый Чжэн с удивлением обнаружил, что за невестой приехал все тот же цирюльник Сюй Да, который сейчас выступал уже в роли слуги при женихе и невесте.

«Снова этот прохвост!» — с неудовольствием подумал отец.

Когда невеста вышла из паланкина, начались положенные церемонии. Сюй Да постарался придвинуться к невесте поближе. Он что-то ворковал и нащептывал ей. На свадебный обряд он не обращал ни малейшего внимания и в конце концов перепутал порядок поклопов. Об этом можно сказать:

С Западом он перепутал Восток,
Где лево, где право, ему псевдомек.
Что-то кричал певпопад без конца,
Вместо матери
    помянул пепароком отца.
Слов не знал тех, что следует знать:
Вместо «Склоните колени»
    изрек «С коленей вставать!»
Обряд для горы Тайшань⁵
    свекра заставил пришить.
Родители отдали все поклоны,
    а он вновь пригласил их в зал.
Жениху внимания не уделил,
    на невесту жадно взирал.

Итак, Сюй Да провел церемонию, как говорится, из рук вон плохо, перепутав все правила и порядки. Но вот обряд цветных свечей⁶ кончился, и невеста направилась в свадебные покои. Сейчас полагалось обнести родственников невесты вином перед тем как они отправятся домой.

Надо сказать, что Се принадлежали к простым семьям и многочисленной дворни в доме не имелось. Поэтому глава дома — отец вместе с сыном-женихом сидел с гостями, в то время как мать с двумя прислужницами хлопотали в кухне, готовя закуски и напитки. Угощения в гостевую залу приносил человек, которого специально пригласили в этот торжественный день. Бедняга непрестанно словал туда и сюда и совсем сбился с ног. Сюй Да, как положено, следил в это время за порядком в гостевой зале. Однако ж, когда подошло время возглашать: «Просим отведать напитки!», «Просим отведать вина!», он вдруг куда-то исчез. Слуга принесил напитки уже два или три раза, и хозяину всякий раз приходилось потчевать гостей самому. Сюй Да предстал в зале лишь в конце застолья, выскочив откуда-то сзади и бормоча на ходу несколько положенных фраз. Но вот трапеза кончилась. Старый Се, хозяин дома, остался очень недоволен тем, как проходило застолье. Он злился на Сюя и решил отчитать его со всею строгостью, поцирюльника и след простыл.

— Он только что куда-то ушел,— сказал слуга, приносивший угощения.

— Он ничего не смыслит в своей профессии, к тому же ведет себя непристойно,— пробормотал Се.

Гости, не дождавшись выпочерпня, подвядлись и,

поблагодарив хозяина за угощение, откланялись. Жених направился к невесте, однако молодой почему-то не оказалось. Решив, что она уже спит, он откинул полог, но свадебное ложе пустовало. Третий Се осмотрел все уголки, но невесты нигде не нашел — даже тени ее не увидел. Жених бросился на кухню, спросил женщин.

— С какой стати ты нас спрашиваешь? — удивились они. — Мы все это время хлопотали на кухне, а невеста после свечного обряда пошла к себе в комнату.

Жених позвал прислужника, с которым они обыскали весь дом. Само собой, осмотрели и заднюю дверь, но она оказалась запертой. Третий Се поспешил в гостевую залу. Новость об исчезновении невесты привела всех в изумление и растерянность.

— Очень подозрительно вел себя виночерпий. По моему, он дурной человек, — проговорил прислужник. — Называл церемонии не как положено, и на невесту странно поглядывал, и уходил куда-то два раза, а сейчас и вовсе исчез. Не иначе он имел злодейский план выкрасть нашу молодую.

— И верно! Виночерпий, по всей видимости, мошенник, — согласился почтенный Чжэн. — На днях он причесывал мою дочку и вел себя при этом столь нагло, что я сразу заподозрил недоброе. А сегодня, как оказалось, вы наняли его своим виночерпием.

— Он известный паскудник и мастер заговаривать зубы, — сказал кто-то из дворовых, — своему ремеслу он научился совсем недавно, и специально, чтобы обманывать, — этим он и живет. Ясно, он что-то замыслил... Но мы можем еще его догнать. Он не мог уйти далеко!

— Наверное, он утащил девицу через заднюю дверь, а оттуда вывел в проулок, — снова вмешался прислужник. — Однако ж дверь была заперта. Значит, он, возвратившись, замкнул ее изнутри, чтобы не вызвать подозрений. Сделал же он это тогда, когда в последний раз появился в гостевой зале. Помните? Еще что-то проворкотал впопыхах. А потом он и вышел через парадную дверь, и побежал в задний проулок. Конечно, он жулик!

В доме, где играется свадьба, непременно найдутся факелы из бамбуковой щепы. Больше десяти слуг во главе с хозяевами, вооруженные самодельными светильниками, выбежали через черный ход на дорогу.

Задний проулок, прямой как стрела, не имел ни единого изгиба и ни одного ответвления. От многочисленных факелов в проулке стало светло, как днем. В дальнем конце все сразу заметили три удаляющиеся фигуры. Два человека скрылись в какой-то щели, и в проулке остался один, тот, что бежал позади. Люди толпой бросились вдогонку и быстро настигли беглеца. Подняли факелы, осветили человека — оказалось, это виночерпий Сюй.

— Что здесь делаешь? — спросили его.

— У меня были дела, поэтому я и вышел до конца трапезы, — ответил Сюй. — Вот сейчас хотел возвращаться обратно.

— Если были дела, почему заранее не предупредил хозяев? Почему исчез и очутился здесь? Куда увел молодую? Признавайся!

— Я следил за обрядом, а не за невестой! — ответил цирюльник.

На него обрушились пинки и зуботычины.

— Паскудник! Наглый болтун! — раздавались крики разъяренной родни. — Тащи его домой, там и допросим!

Цирюльника потащили обратно в дом и učinили ему строгий допрос. Однако Сюй Да твердил, что ему ничего не известно о невесте.

— Разве этот упрямый прохвост просто так сознается, — сказали хозяева. — Мы тебя сейчас привяжем к столбу, а завтра отведем в суд. Там ты не отвертишься!

И Сюй Да связали, с тем чтобы утром отвести в управу. Несчастный Сюй Да! Однако больше всех, конечно же, убивался жених, Третий Се, о коем можно сказать такими словами:

Влагою туч, небесным дождем
не успел насладиться он,
Но уже оказался в судебную тяжбу
неожиданно вовлечен.

Все во время брачного пира
величали его женихом,
А теперь один коротает ночь
в брачном покое пустом.

Густая толпа людей, обступивших Сюй Да со всех сторон, кричала и галдела. Некоторые стращали негод-

ника, другие пытались уговорить по-хорошему, но цирюльник ни в чем не признавался. Прошла ночь, но никто так и не сомкнул глаз. Когда наступил рассвет, отец и сын Се вместе с соседями повели Сюя в управу, не забыв, как водится, заранее составить жалобу на имя начальника уезда.

— Странные дела творятся в нашем мире! — воскликнул уездный чиновник, узнав о случившемся, и приказал немедля доставить цирюльника в залу.

— Куда утащил девицу Жуйчжу из семьи Чжэн? Признавайся!

— Ваша светлость! Ничтожный всего только виночерпий, прислуживающий на свадебных пирах, мне ведомо лишь вести застольный обряд. О невесте знать ничего не знаю!

Тут вмешался почтенный Се и рассказал, что Сюй Да во время застолья куда-то исчез, никого не предупредил, а потом его нагнали в проулке. Начальник уезда приказал внести орудия пытки. Надо сказать, что цирюльник Сюй Да, этот прощелыга и сластолюбец, был отнюдь не храбрец. При допросе он пытался еще спорить, когда ж его заключили в тиски, он не выдержал боли и разом во всем признался.

— Недобрая мысль у меня родилась еще тогда, когда я увидел невесту в первый раз — в тот день, когда я украшал ее лик, — сказал он. — Узнав, что она выходит за Се, я решил пропикнуть в их дом на правах вичерпия и заранее договорился с двумя дружками, чтоб они меня ждали у заднего хода. После всех церемоний, когда гости садились за стол, я пробрался во внутренние покои к невесте, которая сидела одна. Я ей сказал, обманув, конечно, что полагается совершить еще один обряд, для чего, мол, ей должно идти за мной, и повел ее прямехонько к задним воротам. Поскольку в доме она впервые и все ей чужое, она, понятно, не догадалась, куда мы идем. Когда подошли к черному ходу, я толкнул ее за ворота — прямо в руки дружков. Она было кричать, но я уже успел захлопнуть дверь. Дружки поволокли ее прочь, а я побежал к парадному входу. Пока я метался туда и сюда, запирая двери, приятели ушли вперед. Я припустился за ними. Бегу и вдруг вижу, что сзади дома запылали факелы и за мной гонятся люди. Мои дружки, сразу бросив не-

весту, куда-то исчезли — улетели будто на крыльях, — а я остался с девицей. И вдруг я заметил старый колодец. Я девицу в обхват и туда, в колодец. Вот тут меня и схватили, ну а потом потащили сюда... А невеста осталась в колодце. Все, что сказал, — истинная правда!

— Почему об этом не рассказал тогда, когда тебя допрашивали в доме Се? — спросил начальник уезда.

— Это верно, промолчал я. Думал, что потом я ее вытащу и немного попользуюсь... Ну а сейчас пыток не выдержал и все вам раскрыл.

Записав показания мошенника, судья приказал стражникам вместе с подсудимым и людьми из обоих домов идти к колодцу, после чего немедленно прийти обратно доложить...

Почтенный Чжэн бросился к колодцу и заглянул в его черное чрево. Из колодца не доносилось ни звука. «Неужто погибла?» — пронеслось в голове старика.

— Душегуб! Ты убил мою девочку! Жизнью своей заплатишь! — На цирюльника посыпались удары.

— Довольно шуметь! — стали успокаивать его соседи. — Есть суд, он и определит наказание. А пока надо вытащить ее из колодца.

Куда там! Старый Чжэн от возмущения и обиды вцепился зубами в руку цирюльника и изо всей мочи укусил. Сюй Да завизжал, как поросенок, в которого всадили нож. В это самое время по приказу старого Се его люди принесли бамбуковую плетенку и моток веревки.

Один из слуг похрабрее обвязался веревкой и полез вниз. В колодце было сухо, хотя и темно. Храбрец принялся шарить рукой. Вдруг он что-то нащупал — будто человека, сидящего на корточках. Дворовый легонько толкнул человека рукой, но тот остался недвижим. Слуга взял тело в охапку и сунул в корзину, которую сей же миг вытянули наверх. Все обступили плетенку и обомлели — в ней оказалась не женщина, а мужчина, к тому же бородатый. Его голова была в нескольких местах пробита, и он был весь залит кровью. Присутствующие онемели от страха.

— Что скажешь? — старый Чжэн отвесил цирюльнику здоровенную затрепину. Сюй молчал, охваченный страхом.

— Еще одна загадка, и престранная,— вымолвил почтенный Се. Он наклонился к отверстию колодца и крикнул:

— Эй! Есть там еще кто?

— Никого больше нет. Вытаскивайте! — снова опустили в колодец корзину, и слуга вылез наружу.

— Что там на дне? — стали расспрашивать его.

— Там сухо, и на дне одни только камни. Темень страшнейшая! Нащупал кого-то, да только в темноте не разобрал, что за человек, да и живой ли. Ну так как наша невеста?

— Какая там невеста! Там мертвый мужик с бородой. Вон, взгляни!

— Хватит шуметь, пес вас возьми! — вмешался стражник. — Надо поскорей доложить начальнику. Видно, убитый тоже на совести этого негодяя, мать его так! А невесту нам все же придется искать!

— Дело говоришь,— поддакнули Се и Чжэн.

Стражник приказал кому-то из местных старейшин охранять тело, а сам быстро отправился в ямынь. Начальник уезда вызвал Сюй Да на новый вопрос.

— Ты сказал, что столкнул Жуйчжу в колодец, между тем в нем обнаружили труп мужчины. Ответствуй! Кто сей человек, тело которого нашли, и куда девалась девица?

— Я уже говорил, что, заметив погоню, я столкнул женщину в колодец. Что до этого трупа — знать ничего не знаю.

— Ты рассказывал о своих дружках. Кто они, как зовут? Наверняка это их рук дело?

— Одного зовут Чжан Инь, а второго — Ли Бан,— ответил Сюй.

Начальник уезда, записав имена и место жительства, послал стражников по указанным адресам. Само собой, их тотчас схватили — ну прямо как ту черепаху, которую изловили в глиняном чане. Пойманным отмерили батоги, и они признались:

— Мы договорились с Сюй Да, что будем ждать его у черного хода. Когда он вытолкнул из ворот женщину, мы ее тотчас схватили в охапку и поволокли. Сюй Да задержался, а потом побежал следом за нами. Вдруг мы заметили, что сзади замелькали факелы, и до нас донеслись громкие крики. Мы струхнули, оставили

женщину на дороге, а сами бросились наутек. Что случилось потом, нам ничего не известно.

Начальник снова обратился к Сюй Да:

— Так куда же ты все-таки девал невесту? Почему не вернул ее обратно? Что ты всем голову морочишь?

Сюй Да молчал.

— Мерзкий раб! — вскричал уездный начальник, ткнув в цирюльника пальцем. — Пытать злодея!

— Сжальтесь надо мной! Зря умру я, несчастный!

Под пытками Сюй Да снова повторил то, что уже сказал, и ни слова больше. Начальник уезда с пристрастием допросил обоих родителей, а также сватов, опросил он дворню, соседей. Ни один ничего нового не добавил. Убитого человека никто не опознал. Начальник уезда дал объявление о том, что родственники могут взять тело и предать погребению. Но на бумагу никто не откликнулся. Тогда дали новое объявление, в котором говорилось о розыске девицы Чжэн Жуйчжу. Обе семьи обещали вознаграждение тому, кто подаст о ней весть, однако и на сей раз ответа не последовало. Начальник уезда, так и не разгадав дела, отправил подсудимого в тюрьму, но каждые пять дней его вызывали на допрос. Жених по-прежнему дожимал начальника жалобами, и тот, не видя иного выхода, устраивал мошеннику новую пытку, и раз в пять дней цирюльник терпел жестокие мучения. А все отчего? От своей же промашки и по своей вине. Дело запуталось так, что никто не знал, к чему подступиться и где искать разгадку. О подобных судебных делах обычно говорят, что в них ни начала, ни конца.

Теперь на какое-то время прервем наш рассказ и поведаем о девице из дома Чжэн — о красавице Жуйчжу, или Жемчужине в Бутоне.

Мы рассказывали, что в тот злополучный вечер Сюй Да обманом увлек ее к черному ходу и перепоручил двум своим знакомцам, а дверь мигом захлопнул. Молодая женщина, конечно же, сразу сообразила, что она попала в руки злодеев. Она решила закричать, но подумала, что крики бесполезны. Ведь она лишь сегодня пришла в этот дом и даже имен его обитателей толком не знает. К тому же ее вряд ли услышат, так как дверь плотно закрыта.

— Беда! — только и смогла пролепетать невеста,

но голоса ее, конечно, никто не услышал. Тащившие ее парни продолжали быстро идти. Перепуганная женщина не знала, что делать. Но вот сзади послышался шум погони, и мошенники бросили ее, а сами пустились прочь. Подбежавший Сюй Да быстро схватил ее и толкнул в придорожный колодец. К счастью, колодец был неглубокий и сухой. Женщина, унавав, почти не ушиблась. Наверху послышались крики. Она подумала, что это, верно, прибежали родные. Потом замелькали огни, и отблески факелов осветили внутренность ямы.

— Спасите! — крикнула женщина. Но люди наверху в это время сильно галдели и брашились, окружив схваченного ими Сюй Да, и ничего не слышали. К тому же печный девичий голос слабо доносился из колодца. Разве его услышишь? Люди продолжали шуметь, а потом вдруг голоса стали удаляться, и наступила тишина. Невеста вновь закричала, только напрасно. Она заплакала навзрыд.

Прошло какое-то время, и небо стало светлеть. «В такую пору на улице должны появиться прохожие», — подумала молодая женщина и громко крикнула:

— Спасите! — Из глаз ее полились слезы.

И что же вы думаете? На сей раз ее голос услышали двое прохожих, которые в это время шли мимо колодца. Но об этом лучше всего сказать стихами:

Случайный гость,
бредущий по желтой пыли⁷,
Духом стал,
погребенным в колодце-могиле.

Невеста, чьи локоны
украшены лентой цветною,
В чужедальнем краю
стала чьей-то женою.

Надо сказать, что возле колодца оказались два купца из уезда Цисянь, что находится в Кайфынской области провинции Хэнань. Одного звали Чжао Шэнь, а второго Цянь И. Оба они, имея в руках порядочные деньги, ездили по торговым делам в Сусун и, получив хорошие барыши, сейчас возвращались обратно. Так случилось, что в это утро им довелось идти мимо колодца, и они, конечно, слышали стенания и плач, доносив-

шиеся оттуда. Торговцы бросились к отверстию и заглянули. Свет утра осветил внутренность ямы, и они заметили на дне едва различимую фигуру женщины.

— Кто вы? Как оказались в колодце?

— Я — невеста одного здешнего человека. Меня украл злодей и бросил сюда. Спасите меня, вызволите поскорее! Я вас щедро отблагодарю, только вернусь домой.

Купцы принялись совещаться.

— Говорят, что спасти человека от смерти лучше, чем построить семиарусную ступу в честь Будды⁸, — сказал один. — А тут к тому же слабая женщина. Разве ей самой выбраться наружу? Непременно погибнет! И никто ее не спасет!

— Ее счастье, что мы вовремя здесь оказались! К тому же у нас есть и веревка. Спустимся вниз, вытащим!

— Полезу я, ведь я половчее, — предложил Чжао Шэнь.

— И то верно! — согласился Цянь И. — Грузный я слишком, мне не спуститься. Зато есть у меня в руках сила — я буду держать за веревку.

Довольный, что ему первому выпало увидеть женщину, Чжао Шэнь (злосчастная доля его!) закатал выше рукава, обвязался веревкой и полез вниз. Цянь, наступив ногами на свободный конец, придерживал веревку обеими руками и понемногу ее отпускал. Чжао достиг дна и с удовлетворением обнаружил, что в колодце сухо.

— Ну вот я вас и спас! — сказал он.

— Премного вам благодарна! — промолвила Жуйчжу.

Мужчина развязал веревку, которой он был обвязан, и обмотал ее вокруг пояса женщины.

— Держитесь за нее обеими руками, мой приятель вас вытащит. Не бойтесь, веревка крепкая, она выдержит. Ну поднимайтесь живей, а потом кинете конец вниз.

Жуйчжу (она уже совсем отчаялась выбраться из ямы), собрав все свое мужество, схватилась за веревку, которая сразу же натянулась, и Цянь понял, что наступила пора приложить силы. Напрягшись, он принялся тянуть. Когда женщина предстала перед его глазами,

он обмер от неожиданности. Красота молодой незнакомки его поразила. Как говорят:

Пусть в беспорядке ее прическа,
пусть шпильки воткнуты криво,
Но подобной ей не сыскать нигде —
она несравненно красива.

В высохшем старом колодце нашел
ее случайный прохожий
И сразу решил, что она на фею
из Дворца Дракона похожа.

Дурно, когда в душе человека рождаются корыстные чувства, потому как в его голове в сей же миг возникают недобрые замыслы. Так случилось с Цянь И. Как и Чжао, он поначалу имел доброе желание спасти женщину, однако ж стоило ему увидеть прелестное лицо ее, как в мозгу его пронеслась мысль коварная и злая: «Как только Чжао вылезет наружу, у нас из-за этой красотки начнется раздор. В любом случае попользоваться ею одному мне уже не придется... К тому же здесь в кошельке у него денег немало, ведь он человек богатый! Сейчас его жизнь в моих руках. Если он останется в колодце, деньги и девица станут моими».

— Эй! Бросайте веревку! — послышался из колодца голос Чжао.

«Прикончу его!» — решил Цянь. Подняв здоровенный булыжник, лежавший подле колодца, он бросил его в отверстие. В это время несчастный Чжао стоял на дне и смотрел вверх, готовясь принять веревку. Не ожидая ничего дурного, торговец не успел увернуться, и булыжник раскроил ему череп. Увы! Столь печален оказался конец бедного Чжао!

А в это время девица Жуйчжу, счастливая, что снова увидела ясное небо, уже совсем успокоилась и привела себя в надлежащий вид.

Страшный поступок Цянь И привел ее в ужас.

— Амиитофо⁹! — прошептала она, чувствуя, что ее покидают силы.

— Не пугайся! — проговорил Цянь. — Он был моим смертельным врагом. Я заманил его туда специально, чтобы прикончить!

«Твой враг, но мой благодетель!» — подумала деви-

да, однако вслух этого не сказала и попросила торговца проводить ее домой.

— Прелестные речи! — усмехнулся Цянь. — Я тебя вызволил вовсе не для того, чтобы возвращать домой. Теперь ты, голубка, принадлежишь мне! Станешь моей женой и будешь жить в моем доме в Кайфыне, что в провинции Хэнань. Человек я богатый, так что у тебя будет почет и слава. Ну а теперь следуй за мной!

В этот момент все перемешалось в голове несчастной женщины — будто небо с землей поменялись местами. И не в толк ей: куда ведет дорога и далек ли отсюда ее дом. словно память ей отшибло. Что делать, как поступить?.. А незнакомый мужчина ее торопил.

— Если со мной не пойдешь, снова брошу тебя в колодез, а потом прибью насмерть камнями, как того. Уразумела? — с угрозой проговорил он.

Перенугавшая Жуйчжу, не видя другого выхода, последовала за кунцом. Вот уж действительно:

От сластолюбца одного
судьбой избавлена была
И тут же, с места не сойдя,
нежданно встретилась с другим.
А он — совсем не пара ей,
она тотчас же поняла,
Но не посмела отказать —
безропотно за ним пошла.

По дороге Цянь И давал женщине разные наставления. Если родственники дома спросят, откуда ты, отвечай — из Сучжоу. А если кто пожелает узнать о Чжао, говори, что он, мол, остался в Сучжоу.

Через несколько дней они добрались до Цисяня Кайфынской области, и вот уже перед ними дом Цянь И. Пришла Жуйчжу в этот дом, и что же? Оказалось, что у торговца есть жена по фамилии Вань, а прозвание ее — Жучок. Видно, получила она это прозвище за злобный и коварный нрав. При виде Жуйчжу Вань сразу же дала волю рукам. Она сорвала с ее головы украшения, потом содрала парадное платье и заставила одеться в грубую холщовую одежду. Она велела Жуйчжу таскать воду, готовить обед, исполнять непосильную тяжелую работу. Если же молодая женщина делала что-то не так, на нее сыпались удары палки.

— За что вы надо мной издеваетесь? — пыталась

образумить ее Жуйчжу. — Я же пришла в ваш дом не как жена и даже не куплена как наложница за деньги. Ваш муж привел меня силой!

Однако Жучок не слушала объяснений. Ее несколько не интересовало, как Жемчужина попала в дом. Для нее она была просто наложницей, к которой она ревновала мужа, а потому измывалась над ней и преследовала. Надо вам сказать, что о злобном характере женщины знали все соседки и ругали ее за это нещадно. Одна из них очень жалела Жемчужину, видя, какие мучения той приходилось терпеть. Как-то услышав жалобы красавицы, она подумала: «Если Жуйчжу не просватана и не куплена, значит, ее украли! Совершили мерзкое дело, а теперь еще измываются над бедняжкой!» Эта мысль запала в голову соседки.

Как-то Жуйчжу собралась идти по воду (а случилось это в отсутствие Цянь И, который куда-то уехал по торговым делам) и зашла к соседке за бадьей. Соседка усадила ее на лавку и завела такой разговор:

— Смотрю я на тебя, сердечную, и думаю. Ведь ты, по всей видимости, из хорошей семьи. Почему же отец твой с матерью отдали тебя в далекие края, где приходится тебе терпеть жестокие муки?

— Родители вовсе не отдавали меня сюда, — красавица заплакала.

— Как же ты тогда попала в их дом?

Чжэн Жуйчжу поведала ей о том, как она была просватана за Се, но в день свадьбы ее украли, а потом бросили в колодец.

— Значит, из колодца тебя вызволил Цянь, вот ты за него и пошла... — сказала женщина.

— Какой там Цянь! — воскликнула девица. — Ко мне спустился совсем другой человек — он меня и спас... Только злосчастная его доля! Он думал, когда я поднимусь, тот второй, что наверху, кинет ему веревку. Вместо этого злодей вдруг поднял булыжник и швырнул в яму. Одним словом, убил он моего спасителя, а меня уволок с собой. Что мне оставалось делать? Звать на помощь? Я никого там не знала, да и страх меня обуял перед этим убийцей. К тому ж он сказал, что хочет сделать меня женой... Вместо того вот как все обернулось, какие только муки приходится мне терпеть!

— В тот раз они уехали торговать вместе с Чжао, который почему-то до сих пор не вернулся. Когда спросили твоего хозяина, он ответил, что Чжао остался в Сучжоу. Ему поверили. А теперь, по твоим словам, получается, что погибший в колодце и есть тот самый Чжао. Почему же ты не пожаловалась в управу? Тебя непременно вернули бы домой, и ты бы не мучилась.

— Боялась я, что меня осудят, ведь я добровольно пошла за ним.

— Разве ты виновата? Ты всего лишь слабая женщина, тебя привели сюда силой, к тому же обманули... Слушай! Все, что ты поведала мне, я расскажу родичам Чжао, а они пускай пишут прошение. Они и за тебя напишут, ты станешь главной истицей. Только на суде говори всю правду. Ручаюсь, что вины за тобой не найдут и вернут родителям.

— Если бы только так получилось! — воскликнула Жуйчжу. — Я бы снова увидела ясное небо!

Сказано — сделано. Соседка отправилась в дом Чжао, а родственники Чжао тотчас побежали с жалобой в уездную управу. Туда же пришла со своим прошением и Жуйчжу. Начальник уезда, сняв с нее показания, послал стражников за Цянь И. В суде торговец пытался юлить и от всего отрекался, но Жуйчжу его уличила во лжи, и он в конце концов сознался.

— Я тебя спас, а ты меня хочешь погубить, — прошипел он с ненавистью.

— Меня спас другой, а ты его убил!

Цянь И прикусил язык.

Родственники Чжао требовали приговора и незамедлительного наказания, но начальник уезда сказал:

— Обстоятельства убийства описаны правдиво, однако же они известны лишь с ее слов. Пока мы не видели труп, суд вершить нельзя. К тому же это дело касается властей Цзядинского уезда, откуда родом девица Чжэн Жуйчжу и где, очевидно, находится тело убитого. Все показания, записанные в нашем ямыне, мы перешлем в тот уезд. Туда же будет отправлен подсудимый и свидетели, а также нужные бумаги. Суд будет там.

Начальник уезда приказал отмерить Цянь И тридцать ударов тяжелыми батогами и бросить в тюрьму. Что до Жуйчжу, то ее взяла к себе соседка, дав за нее

поручительство. Молодая женщина ликовала, что ей не придется больше видеть свою мучительницу Жучка. Но вот цзяньские власти составили положенную бумагу, определили конвой, который повел преступника и свидетелей в Цзядинский уезд области Сучжоу. Они прибыли в Цзядин как раз в то время, когда кончился еще один пятидневный срок¹⁰, цирюльника уже привели из тюрьмы в ямынь для очередного допроса и пытки. Стражники из уезда Цзянь передали начальнику бумагу с перечислением всех лиц, замешанных в деле. Стали выкликать имена. Когда очередь дошла до Чжэн Жуйчжу, мошенник Сюй Да взглянул на молодую женщину и сразу же узнал ее. Ну, конечно, это была та красавица, Жемчужина в Бутоне, которую он наряжал в день свадьбы.

— Обидчица! — завопил он истощным голосом. — Сколько мук я через тебя перетерпел! Где ты скрывалась все это время?.. А может быть, ты дух, а не человек?

— Откуда тебе известна эта женщина? — спросил уездный начальник.

— Она и есть та невеста, которая осталась в колоде. Прошу вас, не пытайте меня больше!

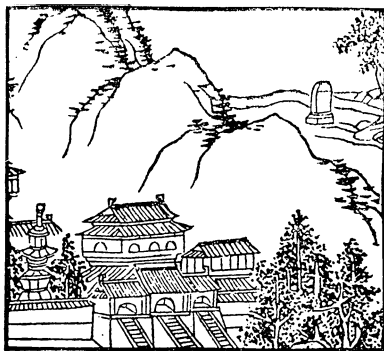
— Ну и дела! — проговорил начальник уезда растерянно и подозвал девицу к своему столу. Жуйчжу подробно рассказала все. Начальник сверился с бумагой из Цзяня. Сомнений не оставалось, тело в колоде принадлежало Чжао Шэню, которого прикончил Цянь И. Начальник уезда приказал чиновнику еще раз освидетельствовать труп и выяснить происхождение раны на голове. Чиновник доложил, что Чжао погиб от удара камнем, который разбил череп. Цянь И объявили повинным в убийстве Чжао Шэня. Что до Сюй Да, то его приговорили к трем годам каторги за злодейский план, который, правда, не осуществился. Чжан Инь и Ли Бан были наказаны батогами. Ну а девица Жуйчжу от всех судебных исков освобождалась. Ведь ей и так довелось испытать немало мук и лишений. Она возвратилась к своему мужу, Третьему Се, дабы исполнить свой супружеский долг. Тело убитого купца было передано родственникам для захоронения, после свершения которого они могли отправляться домой. Когда огласили приговор, начальник уезда сказал:

— Да, если бы в Цзяньне не расследовали это дело, не выдали нам преступника, не прислали свидетелей, вряд ли бы нам удалось раслутать такой сложный клубок!

Слухи об этой истории распространились по всему уезду Цзядин. Над женихом иногда посмеивались. Еще бы! Такая ладная невеста, а попала к нему немного попорченная, да к тому же лишь через долгое время. А вот две человеческие жизни оказались загубленными. А с чего все началось? С прохвоста цирюльщика, который пришел в дом украсить лик невесты. В заключение мы скажем одно: в своей семье, равно как и за стенами дома, следует быть очень осторожным в поступках. К этому есть и поучение:

Как можно, чтоб перед свадьбой невесту
украшал посторонний мужчина?!
В мире столько разных мошенников,
и всякое может случиться.
Ароматным бутопом решили сегодня
в первый раз насладиться,
Но вскрыт оказался конверт, запечатанный,
словно Хапъгу-гесина ¹¹.

**СОЖЖЕНИЕ ХРАМА
ДРАГОЦЕННОГО
ЛОТОСА**

В рясе, обривши голову,
совершенствуй жизненный путь.
Возжигай благовония Будде,
сердцем благостен будь!

Избегни греховных деяний
в пошлой мирской суете.
Свое беспорочное имя
всегда храни в чистоте!

Чти великого Будду,
ревностно пост соблюдай.
Стремясь к блаженной нирване,
священные сутры читай!

Путы сбросив земные,
превзойдешь бессмертных вполне.
Не завидуй тем, кто имеет
тысячи слитков в мошпе!

В стародавние времена в хапчжоуском храме Золотой Горы жил один монах, принявший в постриге имя Чжихуэй, что значит Постигший Мудрость. Он постригся еще в юном возрасте и к тому времени, о котором сейчас пойдет речь, успел скопить немалые деньги, словом, разбогател. Как-то на улице он встретил красавицу, чей лик всколыхнул всю его душу, да так, что он сразу как-то обмяк и стал похож на пучок конопли. И захотелось ему крепко обнять девицу и прижать к груди. Но как проглотить лакомый кусочек? Он шел своей дорогой и миновал уже домов десять или больше, а все нет-нет да оглянется назад.

«Кто она, эта красотка? — мучился он. — Переспать бы с ней одну только ночь! И был бы я счастлив до

конца своих дней». А далее он рассуждал: «Конечно, я монах, однако ж меня, как и всех, родила мать с отцом. Так неужели мне совсем не дано познать женщину, и все только из-за того, что у меня бритая голова?.. Нет. Наш Будда наговорил какую-то чушь! Другое дело, если кто сам хочет стать бодисатвой или святым наставником, пусть себе устраивает разные запреты! К чему же заставлять других исполнять правила да блюсти ограничения? Почему от них должны страдать простые смертные вроде меня?.. Или вот еще чиновники, которые составляли законоположения. Ведь эти негодники сами не гнушались благами: обряжались в шелка, выезжали в каретах, запряженных четверкой. А ведь лучше бы они из добродетели помогали тем, кто стоит внизу. Вместо этого чинуши придумали какие-то паршивые законы, из-за которых монахов перестали считать за людей. Почему нас следует наказывать, если мы немного побалуемся? Что мы, из другого теста сделаны? Зачем за это вязать веревкой и бить батогами?»

Так думал с обидой монах и даже помянул недобрым словом своих родителей. «Понятно, что им трудно было меня растить. И все же лучше бы я умер в малолетстве. По крайней мере сразу бы все кончилось. Так нет, они-таки вырастили меня и отдали в монахи. И что же? Я ни то и не се, шага не могу ступить по-человечески. Разве не обидно? А может, пока не поздно, бросить монашество, подыскать себе жену, которая родит мне детей, и жить с нею в счастье и довольстве?» Но тут на ум пришли мысли о радостях монашеской жизни. Верно говорят: монах ест, а хлеба не сеет; носит одежду, а сам ее не ткет. Он живет в чистой и светлой келье, воскуряет благовония да распивает чай. Кажется, чего еще нужно? Все есть у него!

В конце концов мысли в голове у Чжихуэя вконец перепутались. Он медленно брел по дороге, пока не дошел до своего монастыря. В голове по-прежнему царил сумбур, а душа была объята унынием. Едва дождавшись вечера, он отправился спать, но так и не сомкнул очей, все вздыхал и стонал, а перед глазами стоял образ красоти, которую он возжелал. Монах маялся, гнал от себя бредовые мысли... Ведь он даже не знал, кто та девица и где живет. И вдруг его осенило: «Ее можно отыскать, и совсем нетрудно! С такими спеле-

патыми пожками наподобие маленького лука она не могла далеко уйти от своего дома. Значит, она живет где-то поблизости! Потрачу-ка несколько дней, расспрошу о ней. Может, судьба сжалится надо мной, и я встречу ее на улице. Тогда я пойду за ней следом и узнаю, где ее дом. А там договорюсь с кем-нибудь из ее знакомых, и она наверняка будет моя».

Монах пришел к этому решению, когда забрезжил рассвет. Он встал и умылся, потом облачился в новую шелковую рясу, надел туфли и чистые носки. Принарядившись, вышел из кельи. Проходя мимо зала богини Гуаньинь, он вдруг подумал: «Узнаю у бодисатвы, будет ли мне сегодня удача или она обойдет меня стороной?» Преклонив колена, он сделал два поклона. Его рука потянулась к деревянному сосуду с дщицами¹, что стоял на столе. Несколько раз он встряхнул сосуд, отчего одна из дщиц упала на землю. Монах поднял ее — оказалось, на ней стоит цифра «18», которой соответствовало такое заклятие: «Небо дарует тебе брачную нить, а посему не случайна твоя встреча сегодня. Умерь алчность и лень, проявляй усердие, и тогда нынешний день станет лучше, чем прошедший». Слова заклинания очень обрадовали монаха. «Судя по надписи, я нынче непременно встречу красавицу. Такого случая пропустить никак невозможно». Монах отвесил несколько поклонов и, поставив сосуд на место, поспешил к тому месту, где повстречал девицу. И вдруг видит, что издалека к нему приближается какая-то женщина. Присмотрелся — она, вчерашняя незнакомка, предмет его вожделений и волнений. Женщина шла совершенно одна — за ней ни единого человека. Монах ошалел от счастья. Он, конечно, сразу вспомнил о надписи на дщице, которую ему предопределила богиня. Удача шла прямо в руки. Он устремился следом за красавицей. Женщина подошла к двери какого-то дома и, откинув в сторону бамбуковый занавес, переступила порог, а потом обернулась и, улыбнувшись, помахала рукой. Монах задрожал от радостного возбуждения. Оглядевшись по сторонам и никого не заметив на улице, он раздвинул занавес и шмыгнул в дверь. Он вежливо поздоровался с женщиной, но та даже не ответила на приветствие. И вдруг, взмахнув рукавом халата, она сбила с его головы шапку и поддела ее своей малень-

кой пожкой, да так, что шапка далеко откатилась в сторону. Красавица захихикала. Монах почувствовал сладкий аромат ее тела.

— Госпожа, прошу вас, не смейтесь надо мной! — взмолился он, подняв шапку и водрузив ее на голову.

— Монах! Зачем ты пожаловал сюда, к тому же днем?

— Ах, госпожа! Вы же сами дали знак! Зачем же спрашивать!

Любовная страсть раздирала монаха. Не выдержав, он бросился к женщине и заключил ее в объятия, нимало не думая, нравятся ей его ласки или нет.

— Ах ты, лысый злодей! — засмеялась красавица, когда монах принялся стаскивать с нее одежду. — Невежда и грубиян! Сразу видно, что тебе не приходилось иметь дело с порядочными женщинами! Ну уж так и быть, следуй за мной!

Она повела его по извилистой дорожке к небольшому домику. Быстро раздевшись, они улеглись на ложе и, тесно прильнув друг к другу, собрались было приступить к приятным занятиям, как вдруг в дверях появился здоровенный детина с топором в руке.

— Плешивый осел! — заорал он. — Как ты смеешь поганить честную женщину?

Монах затрясся от страха и упал на колени.

— Виноват! Простите ничтожного инока! Перед ликом всемилостивейшего Будды проявите жалость к моей собачьей жизни! Вернувшись в свою обитель, я прочитаю все десять книг «Лотосовой сутры»² и буду молить богов, чтобы они даровали вам безмерное долголетие и богатство!

Но верзила ничего не хотел слушать. Он взмахнул топором и — трах! — прямо по макушке. Вы спросите, остался ли монах жив после этого удара... Оказывается, все это случилось во сне. От ужаса монах проснулся. Страшный сон стоял у него перед глазами. «Блуд до добра не доведет! — подумал он. — Лучше уж просто вернуться к мирскому бытию и вкушать жизнь спокойную и тихую!»

Так он и сделал. Отрастил волосы, взял жену, но сам через три года скончался от чахотки. Еще в тот день, когда он уходил из монастыря, он сложил такое стихотворение:

Шляпу ученого не захотел
надеть в молодые года.
Всей душою к священным запретам
обратился уже тогда.

В убогой келье почует один,
мерзнет ночь напролет.
До костей продрогнув, метельным дном
бритоголовый бредет.

В красных палатках красотки живут,
но мимо он держит путь:
На нежные лица в румянах и пудре
не смеет даже взглянуть.

Скоро умрет, станет духом бесплотным,
его будет спедать тоска...
На Западном Небе³ — чернеющий мрак,
словно в былые века.

Мы поведали вам о монахе Чжихуэе, который хотя и нарушил запреты, вернувшись к мирской жизни, однако ж сохранил чистоту и не запятнал имя свое.

А теперь мы расскажем другую историю про учеников Будды, которые не блюли святых заповедей, из-за чего случилось дело, весьма громкое и неприглядное. Как говорит одно изречение: «Облик буддийской святости потерял свое чистое сияние, и потускнели краски Горных Врат»⁴. Вы спросите, о чем повествует наша история? Об одной святой обители — храме Драгоценного Лотоса, который находился в уездном городе Юнчунь, области Наньнин провинции Шэньси. Построенный еще при прошлых династиях храм по-прежнему сохранял свое величие. При нем были сотни построек, притворов и келий. Кругом лежали монастырские угодья: свыше тысячи му земли. В его казне хранились деньги и ценности в виде дорогих одеяний и утвари. Да, знаменита была сия древняя обитель! В храме иночествовали более сотни монахов, занимавшихся каждый своими обязанностями, а всю эту бритоголовую братию возглавлял настоятель с имепем в постриге Фосянь, что означает Явление Будды.

Каждого, кто приходил в храм помолиться, обязательно встречал монах, который прежде всего вел богомольца в чистую опрятную келью и потчевал чаем. После этого инок показывал храм, доставляя гостю большую приятность этой прогулкой. Затем они воз-

вращались в комнаты, где богомольца ждали чай, фрукты или другие угощения. В своем услужении монахи проявляли большую вежливость и соблюдали редкую почтительность, особенно к высоким чинам и людям со званием. Их радение и обходительность возрастали, когда появлялся какой-нибудь знатный чиновник или богач. В этом случае они устраивали пиршество, которому могла бы позавидовать сама государыня Люй⁵, и выставляли угощения такие редкостные, что их даже совестно было проглотить!

Вы спросите: как это все получалось? Дело в том, что хотя обитатели монастыря и считались ушедшими из мира⁶, однако души их были привязаны к земным радостям и наживе крепче, чем у простых смертных. Чай да фрукты для гостей служили приманкой, которой точно так же пользуются при ужении рыбы. Стоило кому-нибудь из богачей или даже человеку скромного достатка появиться в храме, как перед ним появлялись книги с записью пожертвований на нужды храма: в одном месте обители надобно было что-то подкрасить, в другом — позолотить изваяние Будды, в третьем — подновить молельню. Если даже делать было нечего, оказывалась нужда в покупке лампадного масла и благовонных свечей. Когда встречался человек, готовый на жертвование, монахи старались «потревожить» его особо — всячески обхаживали и дурили ему голову. А если кто отказывался давать деньги, о нем распускали слух как о скупердяе и гнусно его поносили, а проходя мимо, смачно сплевывали. Алчность монахов не знала границ. Не удивительно, что находились люди, которые, отказывая в помощи своим родственникам, заносили несколько лянов в книгу пожертвований храма. Глупцы, забывшие о корнях своих и думающие лишь о ветвях⁷! На сей счет есть хорошее стихотворение:

На людей глаза не поднимет он,
созерцает лишь Будды лик.
Людьми простым не спешит помочь,
помогать монахам привык.

Но раз уж ты милосерден и добр,
родных не оставь в беде.
Помоги убогим своей добротой,
одари того, кто в пужде.

Храм Драгоценного Лотоса не походил на другие монастыри. Здесь никогда открыто не кланчили деньги на строительство или ремонт монастырских построек. Люди, живущие рядом с монастырем, или жители других мест часто говорили о доброй обходительности здешних монахов и их вежливости. Вот почему охотников вносить пожертвования было во много раз больше, чем противников. Кроме того, храм имел одну достопримечательность, которая привлекала богомольцев, особенно женщин,— Чадодарственную Залу, где, по слухам, творились настоящие чудеса. Скажем, если приходила сюда бездетная женщина, то стоило ей помолиться и поставить свечку, как ее желание обязательно исполнялось — у нее рождался мальчик или девочка, как она просила. Вы, конечно, спросите: как происходили столь странные вещи? Очень просто. Оказывается, к обеим сторонам залы примыкали домики-кельи, с десятком и больше, в которых стояли кровати с пологом. И вот какая-нибудь бездетная женщина, молодая и здоровая, после семидневного поста шла в храм помолиться. Преклонив колена перед изваянием Будды, она бросала на пол деревянный чурбачок, и, если он показывал благоприятный знак, женщина оставалась в келье на ночь. Если знак оказывался несчастливым, значит, в ее поступках или молении таилось недоброе. Тогда монах, помолившись за нее, назначал ей еще семь дней поста, после чего женщина приходила снова.

Кельи были заперты, со всех четырех сторон — ни единой дырки, ни щелки. Если женщина приходила со слугами, монахи внимательно осматривали их, потом оглядывали женщину и только вечером ее допускали в келью, а слуги оставались снаружи у двери. Понятно, при такой строгости ни у кого не рождалось ни малейших подозрений. Самое удивительное то, что по возвращении домой женщина через какое-то время оказывалась беременной, а затем рожала ребенка красивого и крепкого. Подобное чудо и заставляло женщин, будь-то из чиновных семей или простолюдинок, идти в храм помолиться в Чадодарственной Зале. В Зале всегда толпилось множество богомольцев, пришедших из дальних уездов и областей, и царило большое оживление. Пожертвований от прихожан нельзя было счесть. Само собой, женщинам по возвращении домашние за-

давали вопрос: как, мол, ночью бодисатва явил свою благодать. Одна отвечала, что во сне ей привиделся Будда с младенцем. Другая рассказывала, что к ней приходил святой алохань⁸. Третья говорила, что она никого не видела, а больше отмалчивалась. Четвертая, стыдливо улыбаясь, отказывалась отвечать на вопросы. Некоторые старались ходить в храм пореже, а другие клялись, что больше не ступят в него ногой. А теперь подумайте: разве Будда или бодисатва, вставший когда-то на стезю очищения и порвавший со всеми земными желаниями, будет по ночам являться во храме и, отягощенный мирскими страстями, приносить младенцев? Пустая болтовня! Все дело в том, что люди этих мест верили не врачам, но знахарям да всяким колдунам, а бесовские учения считались у них великой Истиной. Они находились в слепоте и заблуждении, и ум их не поддавался просветлению. Вот отчего их жены шли в монастырь, чем охотно пользовались лысые разбойники. Вот уж действительно:

Известно давно, что эта трава
причиняет здоровью вред,
А многие верят, что лучше ее
на свете лекарства нет.

В храме Драгоценного Лотоса под личиной почтительности и смирения скрывались злодеи и распутники. В кельи, казавшиеся закрытыми со всех сторон, на самом деле вели тайные лазы. Как только монастырский колокол отбивал положенное число ударов, возвещая о наступлении ночи, монахи, зная, что женщины уже уснули, прокрадывались в кельи и творили свое непотребное дело. Богомолки, конечно, просыпались, да только поздно. Разумеется, они могли заявить властям, да что толку — лишь себя ославить, и женщины предпочитали скрывать свой позор. Были и другие причины. Надо сказать, что после семидневного поста женщины были чисты духом и телом. Монахи же, крепкие и годами не старые, все были молодцы как на подбор. К тому же они за большие деньги покупали возбуждающие снадобья, которые давали женщинам, отчего девять из десяти обязательно зачинали. Некоторые богомолки понимали, что впали в грех, но они таились от мужа и молчали, прямо как тот немой, который съел

желтый корень хуанлянь⁹: ему горько, а он сказать ничего не может. Что до бесстыдниц и распутниц, то им посещение храма приходилось по вкусу, и они были готовы вкушать удовольствие еще и еще.

Такой блуд и разврат продолжались многие годы, и братия бритоголовых злодеев уже привыкла, что все пакости сходят с рук. Но вот неожиданно-негаданно Небо послало в эти места одного чиповника, который получил должность начальника уезда. Вы спросите, кто оп,— некий Ван Дань из Цзиньцзянского округа провинции Фуцзянь. Получив ученую степень еще в юные годы, он отличался ясным умом и прозорливостью. Он знал, что править уездом трудно, так как здесь живут не только ханьцы¹⁰, но и многие инородцы и жители этих мест отличаются мятежным нравом. Вот почему, заступив на должность начальника уезда, Ван действовал решительно, стараясь выявить скрытые недуги и несколько при этом не страшась влиятельных лиц. Через полгода он навел в уезде строгий порядок: лихоимства исчезли, грабежи прекратились, чему люди были несказанно рады. Разумеется, Ван Дань слышал о храме Драгоценного Лотоса и о тех чудесах, которые там происходят во время моления, но слухам этим не верил.

«Если бодисатва действительно являет чудо после того, как женщина хорошо помолится, зачем ей оставаться в храме на ночь? — думал он.— Что-то здесь не то!» Однако, поскольку никаких подозрительных фактов не обнаруживалось, он не стал поднимать шума и решил, что сходит в храм сам и определит все на месте. Выбрав для визита начало девятой луны, он поехал воскурять благовония.

К храму шли густые толпы богомольцев. Подъехав ближе, начальник уезда огляделся. Храм был окружен белой стеной, возле которой росли старые ивы и могучие ясени. Центральные ворота, выкрашенные красным лаком, венчала высокая башня. На ней красовалась надпись, сделанная золотыми иероглифами: «Буддийский храм Драгоценного Лотоса». Напротив ворот — стена, наподобие экрана, возле нее на земле стояло множество паланкинов. Кругом сновали богомольцы, которые, заметив начальника уезда, бросились врассыпную, пропуская кортеж вперед. Носильщики, вспо-

лопившиеся при виде высокого начальства, схватились за поручни паланкинов, намереваясь унести их в сторону от дороги. Ван Дань, видя волнение, которое вызвал его приезд, приказал слугам не поднимать лишнего шума. Однако настоятель уже знал о приезде начальника. Он приказал бить в колокол и барабаны и, созвав всех монахов перед воротами храма, велел им пасть на колени. Паланкин начальника уезда проследовал к главному зданию. Начальник уезда сошел на землю. Да, действительно, монастырь содержался в большом порядке и выглядел внушительно.

Высоки-высоки
беседки и терема.
Открытые галереи
опоясывают дома.

Главного храма
пышен наряд —
Облаками летящими густо расписаны
красные створки врат.

Красоту построек
ни с чем не сравнишь;
Дым благовоний окутал
бирюзу черепичных крыш.

Ясень древний
листвою укрыл
Балок узоры искусные,
резьбу деревянных строил.

Под туями и соснами,
в тени ветвей,
Видны крутые изгибы
переходов и галерей.

Воистину здесь, в Чистой Земле¹¹,
смертные не живут.
В глубинах священных гор Поднебесной
монахи нашли приют.

Ван Дань возжег перед Буддой благовонные свечи и совершил поклоны, втайне моля, чтобы божество помогло ему раскрыть секреты здешних чудес. Настоятель Фосянь во главе монашеской братии склонился перед начальником уезда и предложил пройти в его келью, куда тотчас принесли чай.

— Я слышал, что святые отцы из вашей обители

благодаря вашему необыкновенному радению проявляют большое старание в исполнении обрядов и строго блюдут все запреты,— обратился Ван Дань к настоятелю.— Поскольку подобные нравы царят у вас уже много лет, я решил послать высшим властям бумагу, в коей испросить о даровании вам грамоты на получение чина, дабы вы могли управлять этим монастырем впредь и всегда.

Обрадованный монах низко поклонился и поблагодарил начальника за доброту. Ван Дань продолжал:

— До меня дошли слухи, что в вашем храме происходят чудеса — будто исполняются просьбы о чадорождении. Это правда?

— Да, в нашей обители есть придел, где является подобное чудо. Это — Чадодарственная Зала.

— А какой обет должна соблюсти женщина, которая испрашивает дитя?

— Никакого особого обета не требуется. Даже сутры читать не обязательно. Надо только одно, чтобы женщина отличалась крепким здоровьем и была искренней в своих мыслях и поступках. Исполнив семидневный пост, она должна потом молиться перед ликом Будды, и, если ей выпадет благодатный знак, она останется на ночь в одной из здешних келий. Ее моление ниспосылает ей сон, после коего она рождает дитя.

— А удобно ли женщине оставаться одной?

— Вполне удобно и весьма надежно! Ведь кельи со всех сторон закрыты, и в каждой комнате находится лишь одна женщина. Снаружи ее сторожат слуги, так что ни один посторонний не может проникнуть внутрь.

— Так, так! — проговорил уездный начальник.— Знаете ли, у меня ведь тоже нет наследников... Но думаю, моей супруге приезжать сюда не вполне удобно.

— Пусть вас это не волнует! — успокоил его Фосьянь.— Вы можете сами возжечь благовония и помолиться, испрошая себе чадо. Что же до вашей супруги, то ей следует блюсти дома пост и наложить на себя кое-какие запреты, после чего явится чудо.

— Странно! — удивился Ван.— Обычно просьбы исполняются лишь тогда, когда женщина остается в келье. Ведь именно так происходит у других. Если моя жена сюда не приедет, вряд ли свершится чудо!

— Ваше превосходительство! Вы не ровня обычным

людям. Вы — хозяин тысяч и тысяч людей, к тому же вы чтите буддийский закон. Если ваше моление будет преисполнено искренности, Небо сразу это оцепит.

Вы спросите, почему Фосянь не хотел, чтобы супруга начальника уезда приехала в храм. На сей счет есть такая поговорка: мошенник хоть и хитер, но сердце у него пугливое. Монах опасался, что вместе с супругой уездного придет много людей и кто-нибудь случаем пронюхает о пакостях, которые творятся в монастыре. Только не ведал он, что начальник уезда человек проникательный, способный даже в простом разговоре уловить скрытый смысл.

— Все, что вы говорите, — очень интересно! Как-нибудь на днях я специально приеду на богомолье, а сейчас хочу прогуляться по монастырю.

Ван Дань поднялся и в сопровождении настоятеля пошел осматривать монастырь. Пройдя через главный зал, они вышли с его другой стороны и оказались перед Чадодарственной Залой. Узнав начальника уезда, богомольцы, мужчины и женщины, разбежались и спрятались по углам.

Чадодарственная Зала представляла собой величественное сооружение из трех помещений. Куда ни помотришь, повсюду резные балки и разукрашенные столбы, расписные стропила и легкие, словно летящие ввысь колонны. Яркие краски и позолота слепили глаза. В центре Залы — возвышение в виде очага. Возле него — изваяние богини, глава которой прикрыта шляпой с жемчужными подвесками и украшениями из нефрита. На руках богини — младенец. Подле нее еще четыре или пять изваяний матушек-чадодарительниц. Над очагом — расшитый полог из желтого шелка, скотый серебряными пряжками. На полу множество ярких туфель, несколько сотен или больше. Зала украшена разноцветными стягами и дорогами балдахинами, расставленными строгими рядами. На особых подставках горят цветные свечи и мерцают лампы. Курильницы источают дым благовоний, разливающийся по всему помещению. Слева от очага видно изображение небожителя Чжан Сяня, дарующего младенцев, а справа — бога долголетия Шоусина.

Отвесив поклон перед божествами, правитель Ван прошелся по зале, а потом попросил Фосиня проводить

его к кельям, где женщины оставались на ночь. Это были маленькие домики, отделенные один от другого небольшим пространством. В них, как положено, был пол, потолок, а в центре — ложе, забранное пологом. По бокам — стол и стулья. Комнатки выглядели чисто и опрятно. Ван Дань внимательно осмотрел кельи, но ничего подозрительного не заметил, ни единой щели, куда могли бы спрятаться не только мышь, но и самая жалкая букашка или муравей. Не обнаружив ничего такого, что раскрыло бы ему секрет, правитель направился к главному залу, где стоял его паланкин. Монахи во главе с настоятелем вышли его проводить и встали у ворот на колени. Правитель уехал.

Всю дорогу Ван Дань находился в задумчивости. «Кажется, там нет ничего подозрительного, — думал он. — Кельи действительно надежно закрыты со всех сторон. Но тогда откуда все эти чудеса? Неужели их творят глиняные и деревянные истуканы? А может быть, здесь замешан какой-то злой дух, который морочит голову людям, прикрывшись именем бога?» Долго думал Ван Дань, и наконец в его голове созрел план. Вернувшись в ямынь, он немедленно вызвал чиновника для поручений.

— Найди мне двух певичек из заведения и вели им переодеться в знатных дам. Пусть нынче же вечером они отправляются в храм Драгоценного Лотоса и останутся там на ночь. Дай им два пузырька с тушью. Если ночью к ним кто-нибудь заявится и станет развратничать, пусть они незаметно выкрасят ему голову. Завтра утром я поеду туда сам и проверю. Только учти, чтобы об этом не знала ни единая душа! Сделай все осторожно!

Чиновник нашел двух знакомых певичек по имени Чжан Мэйцзе и Ли Ваньэр и рассказал им о поручении начальника. Женщины не посмели перечить. Под вечер, передевшись в дам из знатных семей, певички сели в паланкины, возле которых выстроились слуги с постельными принадлежностями. Пузырьки с жидкой тушью были спрятаны в шкатулке среди прочих мелочей. Процессия вошла в монастырь. Порученец, выбрав две подходящие комнатки, оставил возле дверей слуг, а сам отправился доложить начальнику уезда о выполнении приказа.

Через некоторое время появились монахи с послушниками, которые несли фонари и чай. В этот вечер в кельях было свыше десяти женщин, пришедших молить богов о потомстве. Среди них находились и две певички, но они вовсе не собирались молиться и даже возжигать благовонные свечи в Чадодарственной Зале. Загудел монастырский колокол, забили барабаны, возвещающая наступление первой стражи. Женщины приготовились отойти ко сну, в то время как их слуги остались подле дверей. Монахи, заперев двери, удалились.

Чжан Мэйцзе, проверив засовы, положила под подушку пузырек с тушью и зажгла лампу поярче. Она разделась и легла в постель, но заснуть не могла. Ожидание необычного отгоняло от нее сон, и певичка то и дело поглядывала по сторонам. Прошло около двух часов. Стихли голоса людей, раздававшиеся снаружи, и вдруг певичка услышала шорох, доносившийся откуда-то из-под пола возле изголовья, — будто скреб жук. Тут она заметила, что одна из половиц тихо отодвинулась в сторону и в отверстии показалась голова человека. Выбравшись наружу, он встал возле ложа певички. «Монах! — тихо прошептала перепуганная певичка. — Значит, все эти проделки — их рук дело. Вот как они оскверняют женщин из добрых семей! Не удивительно, что у начальника возникло подозрение и он придумал этот ловкий план!»

Тем временем монах бесшумно подобрался к светильнику и задул огонь. После чего разделся, откинул полог и шмыгнул под одеяло. Чжан Мэйцзе прикинулась спящей. Когда же монах попытался на нее взобраться, певичка сделала вид, что проснулась.

— Кто это? — вскрикнула она, пытаясь отстраниться. — Кто здесь смеет развратничать?

Монах крепко обнимая женщину, прошептал:

— Я златоглавый архат, пришел даровать тебе младенца.

Ученик Будды оказался очень опытным в любовном искусстве, и певичка, казалось бы сведущая в подобных делах, не могла за ним угнаться. Когда страсть монаха дошла до предела, Чжан Мэйцзе незаметно помазала его бритую голову краской. В любовном угаре монах ничего не заметил. Они дважды сыграли в любовную игру, и только тогда монах встал с ложа.

— Вот здесь,— сказал он, протягивая женщине бумажный пакет,— лекарство, которое помогает работе детородных органов. Каждое утро принимай его по два цзя¹², запивая горячей водой. Пить следует несколько дней подряд, дабы окрепла утроба и роды прошли бы легко.

Монах исчез, а обессиленная певичка закрыла глаза и погрузилась в забытие. Вдруг она почувствовала, что ее кто-то трясет. Монах, очевидно, вошел во вкус.

— Уходи! — оттолкнула его певичка.— Я устала и хочу спать. Ты уже приставал ко мне дважды. Ненасытный!

— Как ненасытный? Ты обозналась, голубка! Я пришел к тебе впервые и еще не испробовал вкуса любви.

Певичка поняла, что перед ней другой человек. По всей видимости, монахи появлялись в келье чередой, один за другим. Женщину охватило беспокойство.

— Я не привыкла к таким делам и плохо себя чувствую. Не приставай ко мне!

— Не тревожься! У меня есть редкое любовное средство под названием «весенние пилюли». Прими их, и ты сможешь резвиться хоть целую ночь!

Монах достал из-за пазухи бумажный пакетик, который, однако, певичка не взяла, побоявшись, что в нем какой-нибудь яд. Во время любовного сражения ей удалось выкрасить и второго гостя. Под утро, когда пропели петухи, монах ушел, и доски на полу встали на место.

А теперь мы расскажем о Ли Ваньэр, которая, как и ее подруга, лежала в своей келье и не смыкала глаз. Ее окружала темнота, поскольку свеча недавно погасла от удара крыльев ночной бабочки. Прошло более двух часов, прежде чем певичка услышала шум позади ложа. Кто-то отодвинул полог, лег на ложе и залез под одеяло. Женщина очутилась в крепких объятиях мужчины и почувствовала прикосновение его губ. Певичка протянула руку и наткнулась на круглую и гладкую, как тыква, голову.

— Ты, кажется, монах? — спросила Ли, оцупывая макушку. В ее руке уже была кисть, смоченная краской.

Монах ничего не ответил. Надо сказать, что Ли

была моложе подружки и очень охочая до любовных утех. Ласки монаха пришлись ей по вкусу.

«Я давно слышала, что монахи знают толк в любовных делах, только не верила. Сейчас убедилась сама!» — подумала она, вступая в любовную битву. Но вот сражение подошло к концу, и, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись. И вдруг у ложа появилась еще одна фигура.

— Повеселились и хватит! — сказал мужчина сильным голосом. — Дайте и мне позабавиться, доставьте удовольствие!

Первый монах, хихикнув, удалился, а его место занял второй. Он стал гладить и щупать певичку, а потом полез с поцелуями. Ли Ваньэр сделала вид, что его приставания ей не по душе.

— Мой приятель, как видно, тебя вконец заморил! — проговорил новый гость. — Не горюй! У меня с собой «весенние пилюли», от которых сразу выигрывает кровь!

От снадобья исходил тонкий аромат. Проглотив любовное зелье, певичка почувствовала, что ее тело стало удивительно мягким и податливым. От ласк она испытала настоящее блаженство. Однако даже в пылу любовной битвы она не забыла о приказе начальника уезда. Глядя монаха по его бритой голове, она шептала:

— Какая круглая, какая гладкая! — А сама мазала голову краской.

— Голубушка моя! — сказал монах. — Я большой мастер в любовных делах, не то что мои приятели — все это грубияны и невежды. Если я тебе пришелся по нраву, приходи сюда почаще.

Певичка сделала вид, что предложение монаха пришлось ей по вкусу. Но вот заголосили петухи. Монах поднялся и протянул женщине снадобье, помогающее зачатию, а потом, пожелав ей здоровья, исчез. Можно при этом сказать:

Монах и певичка ночь провели
в утехах любовных без сна.
А кто сосчитает, сколько ночей
любятся муж и жена?

Здесь мы оставим наших певичек и вернемся к пачальнику уезда Ван Даяю. Получив необходимые све-

дения от подчиненного, он на следующее утро — только-только ударили пятую стражу — покинул ямынь и в сопровождении сотни стражников и ополченцев, снаряженных пыточным инструментом и веревками, направился в монастырь. К этому времени уже совсем рассвело, однако ворота храма были закрыты. Оставив большую часть людей в засаде с двух сторон обители, Ван Дань приказал всем ждать сигнала, а сам с дюжиной слуг приблизился к воротам и велел подчиненным стучать. Узнав о приезде начальства, настоятель Фосянь привел в порядок одежду и поспешил навстречу высокому гостю в сопровождении десяти мальчиков-послушников. Паланкин уездного начальника остановился возле главного зала, куда, однако, Ван Дань не зашел, а направился в комнату настоятеля. Усевшись в кресло, он потребовал списки всех монахов. Фосянь, поклонившись, отдал приказание бить в колокол. Перепуганные иноки, толком не пробудившиеся от сладкого сна, выскочили из своих келий. Узнав, что начальник уезда собирается делать перекличку, они всполошились еще больше. Когда вся братия собралась во дворе, начальник приказал всем снять колпаки. Недоумевая, монахи выполнили приказ. Тут-то и выяснилось, что у двух монахов голова выкрашена в красный цвет, а у двух — в черный. Начальник уезда приказал стражникам надеть на четырех монахов колодки и подвести к нему.

— Почему у вас головы в краске? Отвечайте!

Монахи молчали, испуганно переглядываясь. Остальные стояли, ошалев от страха и удивления. Ван Дань повторил свой вопрос несколько раз, и тогда один из них ответил, что, наверное, это шутка кого-то из братии.

— Сейчас я позову этих шутников! — усмехнулся начальник уезда и велел порученцу привести певичек. В это время обе певички еще сладко спали, измученные ночными играми с монахами, и их не могли поднять с постели ни оглушительный стук в дверь, ни громкие крики. Разбудить их удалось лишь с большим трудом.

— Отвечайте! Что вы видели нынешней ночью? — спросил Ван Дань у певичек, которые стояли перед ним на коленях. — Говорите правду!

Женщины принялись подробно рассказывать, как

они блудили с монахами, которые дали им возбуждающее средство, как вымазали их головы краской. Рассказывая о событиях ночи, одна из певичек вынула из рукава пакетик с любовным зельем. Монахи, поняв, что их проделки раскрылись, застыли от ужаса, а те четверо грохнулись на колени и стали молить о пощаде.

— Плешивые ослы! — отругал их начальник уезда. — И вы еще смеете молить о прощении! Вы дурили голову простакам, позорили добрых женщин, прикрываясь именем божества! Какая гадость!

Настоятель, поняв, что дело принимает дурной оборот, приказал всем встать с колен.

— Ваше превосходительство! Монахи нашей обители истово чтут святые заповеди и блюдут все запреты. Лишь эти четыре развратника упрямо не принимали советов и уговоров. Мы уже давно хотели от лица всей братии написать вам жалобу, но вы сейчас сами разоблачили негодяев. Это настоящие преступники, достойные смерти. Однако другие к сему безобразию не причастны. Явите свою милость, ваша светлость!

— А не странно ли, что эти четыре распутника побывали именно в одном месте — там, где были певички, хотя, как мне известно, вчера здесь было много богомолков? Наверняка и в других кельях есть тайные лазы.

— Нет, нет! В других кельях нет скрытых ходов! Они только в этих двух!

— Это не трудно проверить! Мы соберем всех женщин и подробно их расспросим! Если они ничего не заметили ночью, значит, другие монахи не виноваты.

И начальник уезда послал стражников за богомолками. Женщины в один голос заявили, что они ничего не видели и не слышали, никакие монахи-де к ним не приходили. Однако начальник хорошо понимал, что женщины боялись худой молвы и позора. Начальник приказал обыскать их. У каждой обнаружили пакетик со снадобьем.

— Если вы не блудили с монахами, то откуда все эти пилюли? — усмехнулся Ван Дань.

Женщины залились краской стыда.

— Ну а любовные снадобья вы, конечно, уже испробовали?

Женщины молчали, словно воды в рот набрали. На-

чальник уезда прекратил допрос и отпустил их по домам. Родственники и близкие чадопросительниц, возмущенные тем, что привелось им услышать, повели их домой, но мы об этом рассказывать не будем, а вернемся к начальнику уезда. Ван Дань во всем сейчас хорошо разобрался, хотя монахи и твердили, что снадобья они дали еще тогда, когда женщины пришли в монастырь, однако певички доказали, что получили их уже после соития.

— Факты налицо! Будете по-прежнему отпираться? — вскричал начальник уезда и приказал стражникам связать всех монахов, кроме лампадника да двух малолетних послушников.

Видя, что дело приняло плохой оборот, настоятель Фосянь решил было идти напропалую — прибегнуть к силе, но в самый последний момент испугался. Как-никак стражников было много, к тому же свита уездного начальника имела оружие. Тем временем Ван Дань, приказав подчиненным отправить певичек в их заведение, занял место в паланкине и направился в ямынь. Впереди шли связанные монахи. Процессия вызвала большой интерес у окрестных жителей, которые сбежались посмотреть на удивительное зрелище. Вернувшись в управу, Ван Дань тотчас открыл присутствие и приступил к допросу, для чего велел принести пыточные орудия. Монахи, привыкшие к изнеженной жизни, испугались предстоящих мучений и сразу во всем сознались, едва на них надели колодки. После того как были записаны их показания, Ван Дань отправил их в тюрьму и составил бумагу начальству с подробным отчетом о том, что произошло. Но об этом мы рассказывать не будем.

А теперь вернемся к настоятелю Фосяню. Оказавшись в тюрьме, он вместе с другими монахами стал обсуждать план спасения.

— Мы совершили оплошность и сейчас раскаиваемся в своей ошибке, — сказал он как-то старшему тюремщику Лин Чжи. — Когда мы отсюда выйдем — никому неизвестно. А у нас с собой ничего нет. Ведь схватили нас, как есть, мы даже вещей своих не успели захватить. Между тем в монастыре осталось немало денег. Если бы вы позволили кому-то из нас, хотя бы трем-четырем, сходить за деньгами, мы бы в долгу не оста-

лись, заплатили за все, как положено, и вы бы получили сто лянов серебра.

У Лин Чжи разгорелись глаза, и он сразу клюнул на удочку.

— Я здесь не один, нас много. Одна сотня лянов на всех недостаточна. Если разделить, на каждого придется самая малость. Пустой звук, да и только. Нет! Вы даете двести лянов на всех и еще сотню мне одному. Если согласны, пойду с вами нынче же.

— Не стану спорить, — согласился настоятель. — Но только договоритесь с остальными!

Лин Чжи, рассказав тюремным стражам о сделке, отправился с четырьмя монахами в монастырь. Пошли по кельям. Действительно, денег там было не счастье — и золотых и серебряных. Как договорились, Фосянь сразу же отдал Лин Чжи триста лянов, тот наделил деньгами тюремщиков, чем они остались весьма довольны.

— Ну а теперь, — сказал настоятель тюремным стражам, — надобно принести в тюрьму постели, уж очень без них неудобно спать.

Тюремщики согласились и на это. Все те же четыре монаха снова отправились в монастырь. Собирая постельные принадлежности, они незаметно сунули в них топоры, ножи и другое оружие. Затем велели лампаднику найти несколько носильщиков, и процессия двинулась в тюрьму. Монахи купили вина и мяса, устроили пиршество, на которое пригласили всех тюремщиков, начиная от младших чинов и до самых старших. План настоятеля состоял в том, чтобы вечером, когда тюремщики опьянеют, попытаться устроить побег. Поистине:

Ловкий предприняли ход, и вот —
дорога к освобождению:
Найден выход из адских врат —
путь избавленья.

А в это самое время начальник уезда Ван Дань, довольный тем, что ему наконец удалось распутать грязный клубок, при свете лампы сочинял реляцию вышестоящим властям. Вдруг его охватило тревожное предчувствие: «Эти злодеи сейчас собрались в одном месте. Случись что-нибудь — и с ними не сладишь!» Ван

Дань тут же написал приказ, повелевающий стражникам быть начеку и находиться возле управы в полном вооружении. Гонцы побежали выполнять поручение.

Наступила первая стража. По условному знаку монахи, вооруженные ножами и топорами, оглашая воздух воинственными криками, набросились на пьяных тюремщиков и, разделавшись с ними, в тот же миг устремились к воротам. Тюремные врата рухнули, и все заключенные, которых успели выпустить монахи, с гиканьем и ревом вырвались наружу. По всему городу раздались громкие крики.

— Месть! Месть! Отомстим за обиды!

— Смерть уездному!

— Не трогать простой люд!

— Кто не сопротивляется, того пощадим, кто встанет поперек — убьем!

Как раз в это время подоспели вооруженные солдаты и разгорелся настоящий бой. Начальник уезда, встревоженный шумом на улице, направился в присутственную залу, возле которой собралась толпа горожан, вооруженных копьями и ножами. Узнав о побеге заключенных, они пришли на подмогу. Между тем бой продолжался, но монахи, несмотря на отвагу и прыть, с какой они дрались, понемногу стали сдавать. Вооруженные лишь ножами да топорами, они не могли противостоять солдатам с пиками и терпели большой урон. Поняв, что игра проиграна, настоятель приказал прекратить сражение, спрятать оружие и отходить к тюрьме.

— Среди нас был десяток подстрекателей,— объяснил он солдатам,— но они уже мертвы. А мы совсем не хотели бунтовать. Доложите об этом в управе!

Узнав, что бунт прекращен, правитель Ван приказал служащим из сыскного приказа вместе с солдатами и стражниками ямыня обыскать тюрьму. Через некоторое время правителю доложили, что найдено оружие. Ван Дань рассвирепел.

— Мало того, что эти плешивые злодеи занимались непотребными делами и развратом, но они еще учинили бунт! Если бы не меры предосторожности, которые я заранее принял, плохо бы пришлось не только мне, но и всем жителям города. Все бы мы испытали на себе их звериную злобу. Поэтому их следует незамедлитель-

но казнить! Только этим можно предотвратить новые беды! — Он отдал распоряжение солдатам раздать жителям города найденное оружие.

— У этих злодеев план на сей раз сорвался. Однако же, если не принять мер, потом с ними будет трудно совладать. А посему я повелеваю: за мятеж, который они учинили, всех обезглавить, кроме нескольких человек, нужных для следствия.

Солдаты и горожане с зажженными факелами, подобно пчелам, растревоженным в улье, устремились к тюрьме.

— Это не мы замыслили бунт! Не мы! — закричал настоятель Фосянь при виде разъяренной толпы. Но не успел он договорить, как голова его упала с плеч. Через некоторое время было покончено и с остальными монахами. Головы их раскатились по земле, как тыквы. Вот уж действительно:

И за добро и за зло
возмездие нам суждено.
Обязательно — поздно или рано —
оно совершиться должно!

На следующий день правитель уезда приступил к допросу преступников. Прежде всего он хотел знать, откуда в тюрьме оказалось столько оружия. Все, как один, сказали о старшем тюремщике, который, получив взятку, позволил монахам принести из монастыря постели. В них-то и было спрятано оружие. Тщательно допросив нескольких человек, Ван Дань послал людей в тюрьму, но оказалось, что Лин Чжи и другие тюремщики уже мертвы. Той же ночью правитель сочинил бумагу, в которой описал все происшедшее и объявил о своем решении сжечь храм.

В докладе говорилось: «Нами расследовано, что монахи Фосянь и другие, погрузившись в море похоти и влекомые злодейскими замыслами, с помощью хитроумного плана ловко морочили богомолков, вымаливавших себе чад, по ночам появлялись перед ними из подземелий и склонялись ко греху. Держа в грубых объятиях хрупких дев, они называли себя бодисатвами, спустившимися с небес, или архатами, являющимися во сне, и никто не решался прогнать монахов прочь. Несчастные трепетные лепестки молодых цветов пытались

страхнуть с себя обезумевших от страсти мотыльков, но, увы, слабый аромат мягкой яшмы уносился прочь порывами буйного ветра. Белую ленту, испачканную грязью, уже нельзя отстирать! Трудно передать какой стыд довелось пережить темными ночами! Посему мы повелели певичке Ли Ваньэр красной краской вымазать монахам макушки, а Чжан Мэйцзе приказали черной тушью покрасить их темя. Нам известно из жизни, что, когда растекается алая влага, любой очертя голову, бросится к этой красной водице. Когда же является цвет, подобный черному углю, монах в страсти безмерной припадает к этому черному источнику. Известно также, что попавший в обитель блаженства с удовольствием вкушает сладость плода боломи¹³, в мире же смертных его уста немеют в молчании, как твердеет кусок бобового сыра... Ножи и мечи монахи затаили в кожаных сумках и вместо святого недеяния предались разбойному злодейству. Возле стены из терновника в ход пустили они оружие и обратили печаль и милосердие в жестокую смуту. В темной ночи они, блюстители буддийского закона, открыли ворота узилища, а когда раздался удар колокола, одержимые яростью Цзиньгана, разорвали путы. Рыба, попав в котел и стараясь вырваться наружу, делается своенравной; тигр, очутившийся в капкане, дабы освободиться, стремится сожрать человека. За осквернение прелестных дев, растление добропорядочных жен они достойны смерти; за убийство тюремных стражей и увечья, нанесенные людям, грядет жестокое наказание. Разврат в храме и бунт в тюрьме — таково их великое преступление. А посему казнь через отсечение головы есть заслуженная ими кара! Повелеваем: монаху Фосяню — главарю преступного отродья кости раздробить! Храм Драгоценного Лотоса, прибежище злодейства и логово разврата, предать огню! Благодаря этому освободятся пленники Дипцана¹⁴ и непорочная чистота Будды явит себя».

Постановление правителя уезда, зачитанное во всех уголках города, было встречено с ликованием. Что же до женщин, которые ходили в храм испрашивать чад, то с ними получилось по-разному. Мужья не признали рожденных ими детей за своих наследников, многие выгнали жен из дома, а младенцев предали смерти путем утопления. Некоторые женщины, не стерпев позора,

приняли добровольную смерть. Нравы этих мест все же заметно улучшились. В других округах и областях в назидание людям были опубликованы указы, в коих женщинам запрещалось ходить в храмы для воскурения благовоиц. К таким строгим запретам власти прибегают и поныне, причиной чего является рассказанная история. Впоследствии правитель уезда Ван Дань стал очень известным человеком и по высочайшему распоряжению получил должность столичного прокурора.

А в заключение послушайте стихи:

Коль вам от природы детей не дано,
значит, вас постигла беда.
Однако нельзя из-за этого в храме
блудить, не зная стыда.

Раскрытый секрет дурмана любовного
запомнится вам навсегда.
Так знайте, что воды Вэйшуй и Цзиншуй¹⁵
не смешиваются никогда.

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

Могучий страж был у Яньских врат¹,
герой врата У² охранял.
В древней цитре³ сокрыт свинец,
во чреве рыбы — кинжал⁴.

Безмерно добр благородный муж,
и смерть за него легка.
Сможешь Тайшань, как пушинку, смести,
хоть страшно она высока⁵.

В годы правления танского государя Дэцзуна⁶ жил один сюцай по фамилии Линь, а по имени Цзи или Шаньфу, уроженец Наньцзяньского округа. Человек одаренный и широко начитанный, равно в поэзии и прозе, он, как говорится, проник в тайны всех Девяти Канонов и Трех Историй⁷. В годы, о которых сейчас пойдет речь, этот примерный и настойчивый юноша постигал науки в Великом Училище⁸, но из-за болезни своей матушки получил разрешение на время вернуться домой, чтобы ухаживать за больной. Недуг ее, однако, все не проходил, а ему уже пора было возвращаться. Он простился со своей родительницей, а также с родными и соседями и в сопровождении слуги Ван Цзи (тот нес его пожитки) отправился в дальний путь. Окрестные виды, которые он встречал по дороге, достойны того, чтобы их воспеть в стихах:

Бредешь по горам,
по густым лесам —
Песнь дровосека разносится там,
летит с небесных высот.

Переправой речной
проходишь порой —
Слышен рыб разговор немой
в глубинах туманных вод.

Если деревню встретишь в пути,
Спешишь на сельский рынок зайти.

Смутно виднеются вдалеке
ивы и старый вяз.
Густые кроны надежно укрыли
стройные башни от глаз.

В полях среди облетевших цветов
громко птицы поют.
Как не понять, что в этих местах
люди нашли приют.

Куда ни взглянешь — прекрасный вид,
природа радует взор.
Дороге моей не видно конца —
безграничен земной простор.

Как говорится в подобных случаях, путники закусывали, когда их мучил голод, и пили, когда одолевала жажда; ночью они останавливались на постой, а утром снова отправлялись в путь; ну, а коли прерывалась дорога — в лодку садились и плыли. Не знаю, сколько прошло времени, только однажды под вечер они оказались в округе Цайчжоу⁹. Смотрят и видят:

Землю туман укрыл
на многие ли окрест.
Но ярко сияют звезды
со всех Девяти Небес¹⁰.

В округе не счесть постоянных дворов —
путников ждут они.
В святых семьярусных ступах
светят ночные огни.

Крыльев взмах —
птица впотьмах
Укрыться на ночь спешит
в густых древесных ветвах.

Быстр и легок
пятцветный челнок.
Последние всплески весла —
берег уже недалек.

С ближних пастбищ гонит пастух
крестьянский скот на ночлег,
Окончив лов, спешат по домам
рыбаки трех окрестных рек.

Много купцов
из разных краев.
Крестьяне в дома их зовут почевать,
пищу сулят и кров.

Чуть только восход —
рожок запоет,
Новый день возвещая,
в дорогу всех позовет.

Путники заметили постоялый двор, в котором можно было найти приют на ночь. Гостиничный слуга проводил их в просторную комнату, где Ван Цзи сложил скарб — коромысло с узлами. Уставший сюдай потребовал горячей воды для омовения ног, после чего вместе с своим челядинцем совершил вечернюю трапезу и сел отдохнуть, а потом велел Ван Цзи зажечь огонь и готовить постель — ведь поутру надо было снова трогаться в путь. Ван Цзи, застелив хозяину ложе, улегся подле него на полу и сразу же уснул. Сюдай стал раздеваться, собираясь последовать его примеру. Улегся и тотчас почувствовал какое-то неудобство — будто что-то ему мешает. Где же тут заснешь? Лампа, прикрепленная на стене, продолжала мерцать. Юноша, поднявшись с ложа, откинул циновку и под ней обнаружил матерчатую сумку. Развязал и видит внутри парчовый мешочек, а в нем кучка жемчужин, пересчитал их — целая сотня. Сюдай положил их в дорожный сундучок и снова улегся.

Забрезжил рассвет.

Ранний туман опустился
на заброшенные пустыри.
Степь едва розовеет
в первых лучах зари.

Крестьяне с мотыгами
выходят в поля.
Меркнет луны сиянье,
окутана тьмой земля.

Ткачиха уже проснулась —
Челнок на станке стучит.
Тренецет небесный полог —
солнце-ворон ¹¹ вот-вот взлетит.

Спит пастушонок,
позабыв, что вставать пора.
Торопятся женщины —
шелкопрядов кормят с утра.

Пес дровосека играет у хижины —
слышен лай за версту.
Сладко дремлет отшельник-монах
в своем отдаленном скиту.

Рассвело. Сюцай встал с постели и умылся. Ван Цзи принялся складывать пожитки, а Линь вышел из комнаты, чтобы найти хозяина.

— Кто передо мной спал в этой комнате? — спросил он.

— Какой-то богатый купец, — ответил хозяин постоянного двора и назвал имя.

— Как? — воскликнул юноша в удивлении. — Да это же мой старый друг! Какая жалость, что мы разминулись! — И, взглянув как-то по-особенному на хозяина, добавил: — Если он снова появится здесь, вели ему ехать в столицу. Скажи, что сюцай Линь Цзи, он же Линь Шаньфу, проживает сейчас при Училище в помещении Гуаньдаочжай — Кабинете Проникновения в Истину. Непременно скажи ему, не забудь!

Он заплатил деньги за постой и, простившись, пошел вслед за слугой, который с узлами на коромысле был уже где-то впереди. Всю дорогу сюцай с беспокойством думал о том, что хозяин может забыть о его наставлении, а потому приказал челядинцу на стенах домов, мимо которых они проходили, наклеить такие записки: «Я, Линь Цзи из Цзяньнаня, науку проходящий в столичном Училище, сообщаю своему другу Юань Чжу (Кругложемчужному), что он может найти меня в Кабинете Проникновения в Истину. Такой-то день и месяц такого-то года».

Через несколько дней сюцай был уже в Училище, где, отметив, как это было положено, свое прибытие после отпуска, сразу же приступил к занятиям.

Надо вам знать, что мешочек с драгоценностями, как оказалось, оставил один богатый купец по фамилии Чжан. Пропажу он обнаружил на торге, куда приехал продавать жемчуг, и пришел в ужас.

— Горе! Горе! — закричал он дурным голосом. — Сколько труда я положил, чтобы за долгие годы собрать

это жемчуг, и вот на тебе — все потерял! Что скажу я жене, своим детям? Они ни за что не поверят! Купец стал вспоминать, где его угораздило потерять драгоценности, но так и не припомнил. Тогда он решил пройти старым путем и расспросить на постоянных дворах да в гостиницах. Нашел он и то заведение, где останавливался Линь. Спросил о пропаже гостиничного слугу.

— Ничего об этом я не знаю, — ответил слуга.

Купец обратился с таким же вопросом к хозяину.

— Скажи, кто после меня ночевал в той комнате?

— Ах! Запомню совсем! — воскликнул хозяин. — Как вы ушли, поселился здесь один молодой господин. Проспал ночь, а поутру снова двинулся в путь. Перед уходом он сказал мне, что если кто-то будет о нем спрашивать, то пусть ищут его в столичном Училище — в помещении, которое зовется Гуаньдаочжай. А кличут его будто бы Линь Цзи.

Такой ответ показался купцу странным, но он промолчал, а про себя подумал: «А может, этот человек и подобрал мой жемчуг?»

Он тотчас покинул постоянный двор и поспешил в столицу. По пути заметил несколько объявлений, в которых упоминался Кругложемчужный, и это вселило в сердце торговца надежду. Быстро ли, долго ли, но он добрался наконец до стольного града и, не отдохнув с пути, тут же пошел искать Училище. Напротив ворот стояла чайная.

Письмена на вывеске у двери,
Занавешен бумажным пологом вход.
Знаменитые свитки на стенах внутри —
Те, что У Даоцзы рисовал¹²,
каждый их узнает.
Здесь свежий чай путника ждет.
Только в горах Ванчуаньцзы
этот чай знаменитый растет.

Торговец присел на скамью, собираясь испытать ароматного напитка. К нему подошел слуга — разливатель чая.

— Любезный, не знаешь ли ты Линя, ученого мужа? — спросил купец.

— А как его имя?.. С такой фамилией много людей!

— Он живет в помещении Гуаньдаочжай, а зовут его будто бы Линь Цзи.

— Ах, этот?.. Муж отменно хороший!

Эти слова вселяли надежду.

— Мы приятели с ним, но давно не встречались, потому как много лет назад разъехались в разные стороны. Боюсь, сейчас не узнаю его в лицо! Покажи мне, когда появится!

Не успел он это сказать, как слуга шепнул:

— А вот и он — из своего жилища выходит! Сейчас он зайдет к нам в чайную и снимет свое ученое платье. Так бывает всегда!

И действительно, молодой сюцай, едва войдя в чайное заведение, снял шляпу и куртку. Купец, до этого времени не решавшийся к нему приближаться, сейчас подошел и отвесил церемонный поклон. Сюцай удивился такой почтительности незнакомого человека, в глазах которого он заметил слезы. Сюцай предложил ему сесть, и купец, присев рядом, принялся рассказывать о своей пропаже. Его речь прерывалась рыданиями.

— Не тревожьтесь! — успокоил его Линь. — Сума находится у меня, только вы объясните, что в ней спрячано.

— Парчовый мешочек, а в нем сотня крупных жемчужин!

— Все верно!

Сюцай повел хозяина драгоценностей к себе и положил перед ним сумку.

— Нет, все жемчужины я никак не могу взять! Не смею! — проговорил купец. — Вам полагается половина, а оставшейся половины мне хватит, чтобы прокормить семью... Ах, как я признателен вам за вашу доброту! Какая порядочность!

— Что вы такое говорите! — воскликнул юноша. — Если бы я рассчитывал на этот жемчуг, то я не стал бы расклеивать по дороге объявления.

Они спорили и упирались, однако сюцай решительно стоял на своем. После тщетных попыток отдать половину жемчужин купец понял, что это ему не удастся. Глубоко растроганный подобным бескорыстием, он простился с молодым человеком. Он отправился на рынок, продал одну жемчужину, вырученные деньги отнес в храм и велел монахам поставить таблицу в честь ученого Линя и наказал им читать перед ней святыя молитвы. Так он отблагодарил сюцая за доброту. Тот же

вскоре получил ученую степень. В связи с этим вспоминается стихотворение:

Линь драгоценность вернул, и в этом
всем нам хороший урок.
Алчность в душу его не проникла,
оказался бессилён порок.

Копил добродетель, и воля Небес
с ним была заодно.
Навеки прославиться среди людей
было ему суждено.

В свое время Линь Цзи достиг должности одного из трех гунов, а оба его сына стали известными чиновниками. Уместно вспомнить речение, которое придумали еще в древности: «Копи добро — оно воздается добром. А будешь таить зло — оно обернется злом. Человек, добро приносящий, обретет счастье, тот же, кто творит зло, пожнет непременно беду». А еще есть такие стихи:

Тому, кто белое с черным не спутал,
в жизни, считай, повезло.
Но часто трудно в мелком проступке
увидеть скрытое зло.

Того, кто добро от зла отличает,
путь бессмертия ждет.
Но много еще человеческих душ
в слепом заблужденье живет.

Наша история, которую можно было бы назвать рассказом о «накоплении скрытых достоинств», дошла до сегодняшних дней в пересказе столичных сказителей. Вы спросите, почему я, ничтожный, решил рассказать ее сызнова. А потому что в нашем мире живет еще немало людей алчных и корыстолюбивых, у которых при виде чужого добра в груди тотчас же разгорается темное пламя. Что этим злыдням до тех несчастных, кто потерял свои деньги? Коли попали богатства в лапы такого негодяя, он ни за что не вернет их законному владельцу — хоть тресни! И нисколько такие люди не думают о том, что где-то в ином мире скапливаются все содеянные грехи или записываются свершенные заслуги. Вспомним, к примеру, историю некоего Пя, имевшего титул гуна. За то, что он вернул законному владельцу нефритовые пояса, он не только не умер го-

лодной смертью, по даже стал первым министром¹³. А у советника Доу, которого судьба поначалу обделила наследником, за возврат чужого золота родилось сразу пять сынов, которые получили в свое время ученую степень. Если же говорить о мелких воздаяниях, то им несть числа!

Нынче я как раз собираюсь поведать вам историю об одном человеке, который за добрый поступок смог вырваться из нищенской своей оболочки, превратившись в досточтимого мужа. Словом, почтенные, я расскажу вам эту историю, дабы вы поняли, что мой совет делать добро имеет прочную под собой основу. Вы, конечно, спросите меня, где и когда случилась сия история. На это я вам отвечу так.

Когда государь Юнлэ¹⁴ нашей династии Мин еще не успел занять престола, а назывался князем Янем, в местах, о которых пойдет сейчас речь, жил один ворожей по имени Юань Гун, или Юань Лючжуан. Однажды в какой-то харчевне Чанъани он увидел военных, распивавших вино. Его внимание привлек один воин из этой группы. Ворожей взглянул на него раз и другой и вдруг, словно объятый смертельным страхом, хлопнулся перед ним на колени.

— Ваша светлость! Судьба предназначала вам стать Сыном Неба!

— Что за чушь! — Мужчина сделал отрицательный жест рукой, однако ж будто невзначай спросил у ворожея, как его зовут.

На следующий день в Яньской управе вывесили приказ, повелевающий гадателю Юаню немедленно явиться в местный ямынь. Вошел он в залу, поднял голову и что же увидел? Того самого военного, который наемни в харчевне распивал вино. Оказалось, князь Янь, переодевшись простым воином, решил поразвлечься со своими приближенными и телохранителями. А сегодня он пригласил ворожея к себе, чтобы тот ему погадал. Юань, со вниманием посмотрев на его лик, предсказал ему удачу в грядущей жизни. Как известно, князю действительно сопутствовало счастье. Усмирив непокорных вассалов, он сумел занять драгоценный престол. И тогда он даровал ворожею столичный титул третьей степени, а его сыну Чжунчэ — должность хранителя Высшей Драгоценности — Государевой печати.

Сейчас обычно вспоминают одного лишь отца, не ведая, что и сын его, Чжунчэ, также занимался предсказаниями, являя при этом истинные чудеса гадательного искусства. Не случайно многие знатные сановники и вельможи старались водить с ним знакомство, надеясь при этом, что ворожей нагадает им счастливую судьбу с помощью своего вещего зеркала. Был среди них вельможа, имевший чин булана¹⁵ — некий Ван. Надо вам знать, что в его семье непременно кто-нибудь болел. Как-то Юань Чжунчэ нанес ему визит. Заметив, что хозяин сильно расстроен, гость сказал:

— Ваше сиятельство, судя по вашему безрадостному лицу, у вас какое-то горе. Однако ж позволю себе заметить, корни несчастья таятся не в самом вашем доме, но где-то вовне, а посему беды можно вполне избежать!

— Неужели? — изумился вельможа. — Прошу вас, почтенный, помогите!

Во время разговора мальчик-слуга принес на подносе чашечку с чаем.

— Теперь все понятно! — воскликнул предсказатель, едва взглянув на юного челядинца.

После чаепития слуга взял чайный прибор и удалился.

— Как зовут юношу, который приносил чай? — спросил гадатель, наклонившись к хозяину.

— Почему вы им заинтересовались?

— Именно он — причина всех ваших тревог.

— Что вы? Какие от него могут быть беспокойства? Мальчишка (его зовут Чжэн Счастливчик) взят в дом меньше года назад. Это прилежный и честный парень и к работе проявляет радение!

— Судя по его облику, он и есть основная ваша помяха. Если вы его оставите в доме, этот юноша принесет большие несчастья вам и всей вашей родне! Подумайте, как предотвратить дальнейшие беды.

— Невероятно! — В голосе вельможи слышалось сомнение.

— Ваше сиятельство! Вы же знаете, что и среди добрых коней встречается иноходец Дилу¹⁶, который может причинить хозяину вред... А простой слуга, держащий дощечку для письма, может в один прекрасный день стать господином!

Вельможа понял намек.

— Коли так, придется с ним расстаться!

Проводив гадалателя до ворот, он вернулся в дом и рассказал домочадцам о странном разговоре. Женщины, понятно, сразу же поверили в предсказание. Да и как не поверить, коли изрек его знаменитый ворожей? Что до самого вельможи, то его, как человека начитанного и, к слову сказать, довольно упрямого, убедить было гораздо труднее. Его душу по-прежнему точил червь сомнения. И все же он решил отказаться от слуги. Он вызвал Счастливого и объявил ему о своем намерении.

— Ваше сиятельство! В чем ничтожный провинился? — воскликнул расстроенный юноша. — За что вы меня прогоняете?

— Ты ни в чем не виновен — это верно! — сказал хозяин. — Все дело в том, что в моей семье часто случаются разные неприятности, причина которых, как сказал мне гадалец, кроется в тебе... Делать нечего, придется расстаться! А там видно будет!

Слуга, паслышанный о гадалечьем искусстве ворожей, понял, что вопрос решен. Заплакав, он упал на колени перед хозяином, к которому успел привязаться. Вельможа скрепя сердце простился с юным слугою, и тот покинул дом. И что же? С его уходом в семье сановника действительно воцарилось спокойствие и полное благополучие. Понятно, что вельможа, а также и вся его родня еще больше уверовали в высокое искусство ворожей.

А сейчас мы поведаем вам о Счастливице, который в печали покинул дом Вана и нашел себе временное пристанище в заброшенном храме, так как не знал, куда бы податься. Как-то раз он зашел по надобности в отхожее место и неожиданно заметил висящий на стене узел, перевязанный шнуром. Заинтересованный юноша снял его. Узел показался ему довольно тяжелым. Счастливчик развязал веревку и, к своему удивлению, обнаружил свыше двадцати серебряных брусочков, аккуратно завернутых в бумагу.

— Надо же, какое счастье мне подвалило! — воскликнул юноша и даже язык высунул от изумления. — С такими деньгами никакая бедность не страшна!.. Пускай меня выгнал хозяин! Я теперь не пропаду!

Но тут же его охватили раздумья: «Судьбой начертано мне, бедолаге, всю свою жизнь мыкать горе. Вот недавно поступил в услужение к барину, и вдруг ни за что, ни про что выгнали меня взащей по одному слову гадателя... А сейчас, на тебе — такое счастье подвалило! К чему бы это?.. Эх, жаль того человека! Видно, находился он в большой спешке, торопился по важному делу. Повесил сумку на крюк и забыл. Да, жаль его, жаль! Само собой, я могу забрать эти деньги себе — все равно никто не узнает!.. Нет, такой поступок когда-нибудь обернется дурным воздаянием! Верну-ка эти деньги бедняге, если, конечно, он сюда вернется!»

Так рассуждал юноша и сидел, вздыхая, возле печистого места до самого вечера, однако никто так и не появился. Огорченный, он постелил на пол нужника соломенную циновку и, положив под голову узел, лег спать.

Рано утром он увидел взлохмаченного человека, который бежал с выпученными от ужаса глазами в его сторону. Незнакомец сунулся было в нужник, но, увидев молодого человека, в испуге отшатнулся.

— Так и есть, пропал! — воскликнул он. — Как я теперь вернусь домой? — И он ударился головой об стену.

— Что вы делаете? Остановитесь! — поспешил к нему Счастличик. — Объясните, в чем дело!

— Хозяин послал меня в столицу по важному делу и дал серебро. Вчера зашел я в это самое место, повесил свой узел на бамбуковый крюк, а взять-то забыл... Что мне теперь делать? Деньги пропали, и мне не выполнить поручения хозяина. Лучше умереть! Не могу же я вернуться к нему с пустыми руками!

— Не тревожьтесь, любезный! — сказал юноша. — Ваше серебро у меня, я верну его вам в полной сохранности!

Лицо мужчины расплылось в счастливой улыбке.

— О, мой брат! Если то, что вы сказали, правда, возьмите себе половину! Я непременно должен вас отблагодарить!

— Ну что вы, не обижайте меня! Я торчал всю ночь в этом вонючем нужнике вовсе не из-за вашего вознаграждения! Я мог взять все эти деньги себе — и поминать как звали!

Сказав это, юноша отдал узел владельцу.

«Совсем еще мальчишка, а как умно рассуждает!» — подивился мужчина и спросил:

— Назовите по крайней мере свое имя, почтенный брат!

— Моя фамилия Чжэн!

— Так же зовут и моего хозяина! Он потомственный военный из Хэцзяньской области. Сейчас ожидает получить в столице должность, для чего и дал мне эти деньги. А я возьми да и потеряй их. К счастью, все обошлось благополучно, и только благодаря вам... Завтра, как управлюсь с делами, отведу вас к хозяину. Скажу ему, чтобы он вас отблагодарил за добрый поступок!

Оба знаконца в самом веселом расположении духа отправились в харчевню, где новый приятель Чжэна начал потчевать молодого человека вином, проявляя всяческое к нему расположение и почтение. Во время беседы юноша рассказал ему, как он служил в доме Вана, откуда его потом прогнали, и посетовал, что сейчас ему некуда деваться.

— Да, братец, редкое дело, чтобы человек, находясь в такой крайней нужде, не позарился бы на чужие богатства!.. — промолвил новый знакомый. — Скажу вам прямо, сейчас вам уже не придется искать пристанище — будете жить у нас! Вот только покончу с делами и сразу увезу вас в Хэцзянь!

Счастливец, как принято, поинтересовался именем нового знакомого.

— Меня кличут Чжаном, а служу я управляющим в имении Чжэна — моего господина, потому меня обычно зовут Чжаном Управляющим. Теперь вы понимаете, что не только хозяин, но и сам я могу помочь вам деньгами, дать на месяц или на два!

Молодой человек, понятно, очень обрадовался. Да и как не радоваться, если деваться ему все равно было некуда.

Он остался на постоялом дворе сторожить вещи Чжана, а тот отправился в Военное Ведомство и, сунув кому надо деньги, быстро устроил дела хозяина, то бишь получил для него должность знаменного начальника при наместнике провинции. Довольный, он вернулся на постоянный двор.

— В получении этой должности есть и твоя заслу-

га! — сказал он Счастливику. — Все так славно сложилось благодаря твоей порядочности и честности. Ну, а теперь мы едем домой, чтобы поживей поздравить хозяина. Остаться здесь больше не к чему!

Они сложили пожитки, водрузили их на двух коней, которых тут же наняли, и тронулись в путь. Когда они подъехали к воротам имения, Чжан велел Счастливику подождать снаружи, а сам пошел в дом, чтобы сообщить радостную весть. Чжэн был вне себя от счастья. Еще бы! Получить целый ямынь!

— Это твоя заслуга! — сказал он управляющему.

— Нет, вовсе не моя! — возразил Чжан. — Такова ваша судьба, хозяин, а еще помог вам случай — можно сказать, благодатная звезда над вами засверкала. Вот из-за нее-то и наступил нынешний день! Если бы не эта счастливая случайность, не было бы ни вашей должности, ни меня самого! Одним словом, не свиделись бы больше никогда!

— Какой случай? Какая еще звезда? — удивился хозяин.

Управляющий от начала до конца и во всех подробностях рассказал ему о том, как оставил он серебро в уборной, как его нашел юный Чжэн Счастливик, который даже проспал ночь в смрадном месте, чтобы вернуть деньги владельцу.

— Неужели в Поднебесной есть такие благородные люди? — изумился военный. — Где же он?

— Я, ничтожный, позволил себе привести его сюда. Разве мог я забыть его доброту? Он остался возле ворот и ждет, когда сможет вам поклониться!

— Веди его сюда, да поживей!

Управляющий поспешил к выходу и, кликнув ожидавшегося юношу, вернулся вместе с ним к хозяину. Счастливик, не забывший того, что недавно он был в услужении, хлопнулся на пол при виде знатного вельможи. Военный Чжэн наклонился к нему и помог подняться.

— Ты мой спаситель, а посему тебе не должно исполнять подобные церемонии! — проговорил он и, внимательно взглянув на юношу, добавил:

— У тебя благородный лик, а твои поступки говорят о возвышенном характере! Тебя ждет счастливое будущее!

Военный предложил юноше присесть. Тот стал отказываться, но после долгих уговоров уступил.

— Из какой ты фамилии, юноша? — спросил военный, когда тот наконец уселся.

— Ничтожного кличут Чжэном!

— Вот как? Значит, мы однофамильцы! Превосходно! — воскликнул военный. — За добрый поступок, что ты совершил, я должен тебя наградить!.. Единственно, что я могу сделать, это усыновить тебя. Должен сказать, что мне уже за пятьдесят, а детей у меня нет. Вот я и сделаю тебя приемным сыном — добром отплачу за добро! Что скажешь на это?

— Я не достоин такой чести, ведь я же простой слуга! Мне положено нести плеть своего господина или поддерживать стремя его коня.

— Не то, не то ты говоришь! Ты обладаешь высокими достоинствами, которые не встретишь и у древних! Я мог бы, конечно, подарить тебе золото, но ведь ты презираешь богатства. Как я знаю, ты ценишь одну справедливость. Какой смысл делать жалкий подарок, коли ты отверг по своей же охоте большие деньги? Ну, а если я проявлю к тебе безразличие, ты будешь корить меня за неблагодарность... Так получилось, что мы с тобою оказались однофамильцами, что, конечно, не случайность, но воля небес! Правда, меня беспокоит, не обидел ли я тебя. Скажи, почему ты отвергаешь мое предложение?

Военный продолжал уговаривать юного Чжэна, и к нему присоединился управляющий. Счастливчик наконец уступил. Они четырежды поклонились друг другу, чем утвердили свое новое родство. С этих пор родственники и посторонние люди стали звать юношу Чжэн Синбаном и даже почтенным господином Чжэном, а управляющий Чжан называл его своим младшим хозяином.

Юноша, выросший в северных краях, с малолетства привык управлять конем и владеть луком. Когда его новый отец поехал на должность к Цзичжоу, он взял с собой и сына, который день и ночь занимался учением и весьма преуспел в разных науках, чем очень радовал отца. Характер он имел ровный, покладистый, ко всем относился со вниманием, поэтому расположил к себе всю родню. Отец доложил о юноше высшему началь-

ству, и имя Синбана внесли в списки наследственных военных.

Надо вам знать, что старый Чжэн, служивший под началом самого наместника, пользовался большой милостью начальства, а поэтому несколько раз получал повышение, и в конце концов дослужился до должности полководца Внезапных Нападений при столичном гарнизоне. Вся его семья и, конечно, юный сын переехали в столицу. Разъезжая теперь на гордом коне по улицам города, молодой Чжэн невольно вспоминал былые дни, и от этих воспоминаний его порой охватывала печаль. В связи с этим уместно прочитать такое стихотворение:

Когда-то давно случилось ему
найти драгоценный клад.
А мыкался нищим, на теле лохмотья,
бывал подаянию рад.

Нынче — на гордом коне верхом,
в роскошном платье всегда.
Но слезы тотчас текут из глаз,
как вспоминает былые года.

Старый Чжэн, пустив в ход связи и деньги, добился для сына наследственного чина военачальника с правом носить почетную одежду и пояс, и Чжэн Синбан уехал из столицы на новую должность, где пробыл почти три года. В это время молодой человек при случае устраивал пышные приемы и наносил визиты, чем вызвал к себе еще большее уважение. Однажды он узнал, что вельможа Ван по-прежнему живет в городе. «Хоть он меня и прогнал, но все же до этого относился ко мне совсем неплохо, а человеку не должно забывать доброе! — подумал юноша. — Все получилось из-за суесловия гадалателя, которому поверил мой хозяин, а вовсе не потому, что он действительно хотел меня выгнать. Хозяин не отвечает за лживые речи ворожее... А что, если мне его навестить — засвидетельствовать, так сказать, свое почтение? Вряд ли кого унизит теперь мой визит! У меня сейчас высокая должность, а о родителе и говорить не приходится!.. Вот только согласится на это мой отец? Скажет, нечего, мол, ворошить прошлое, люди узнают — получится неудобно!»

Своими сомнениями он поделился с отцом, рассказал ему, как говорится, все от начала до конца. Но старый полководец вопреки его сомнениям одобрил план.

— Что же тебе мешает? — сказал он и привел поговорку: «В новой жизни не забывай о старом; в знатности не забывай о сирости!» Если будешь всегда поступать подобным образом, непременно обретишь счастье! Вспомним, сколько в древности проживало знатных вельмож и сановников, министров и даже государей, которые, как говорится, вышли из пыли, — поднялись из самых низов: от прилавка мясника или простого виноторговца... Благородному мужу не должно быть мелким, будто горчичный росток!

Получив такое наставление, юноша надел белоснежный халат, стянутый поясом, отделанным рогом и золотыми пластинами, и отправился в поместье вельможи.

На визитной карточке, которую он передал у ворот, было написано: «Потомственный военный Чжэн Синбан, а в прошлом ваш дворовый слуга, бьет челом».

Ван, повертев карточку в руках, задумался.

«Что за человек? Почему он ко мне пришел?.. Почему написал эту странную фразу «дворовый слуга»?.. Может быть, действительно, мы где-то с ним встречались?»

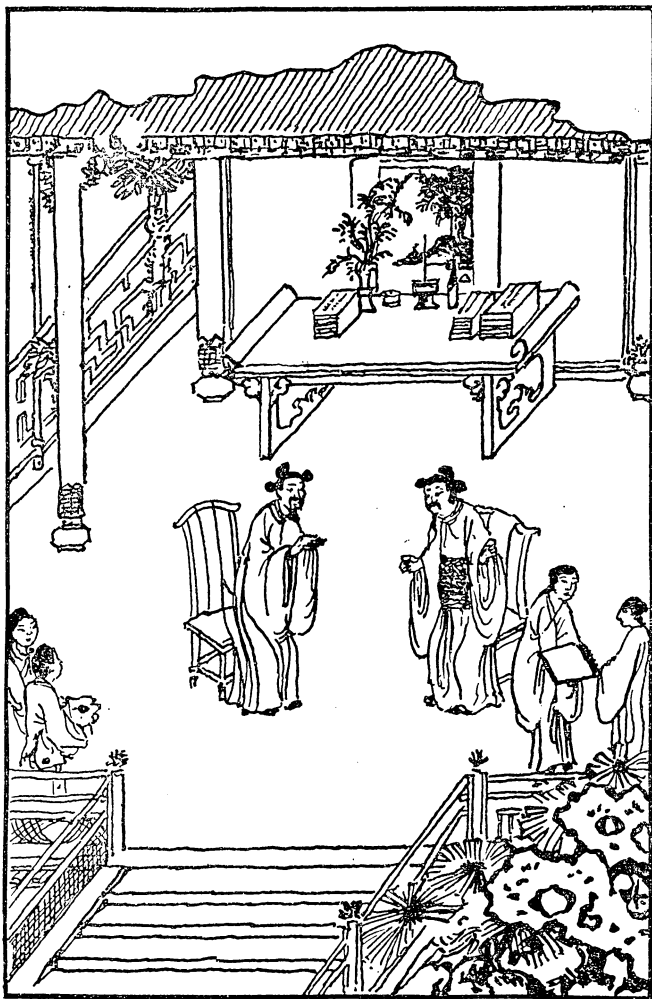
Словом, напали на вельможу сомнения. Однако столичный чиновник, привыкший к подобным визитам, обычно не придает им большого значения, потому как знает, что визитеры ищут себе выгоды или, как говорится, «масляной водицы». Впрочем, от такого визита нет большой беды, а значит, можно просителя принять.

Молодой человек при виде вельможи почтительно встал на колени. Сановник поспешил к нему.

— К чему такие церемонии? — воскликнул он, помогая гостю встать. — Вы же не служите под моим началом!

Ван не узнал в госте, который был одет в парадную одежду с чиновным поясом, своего бывшего челядинца.

— Хозяин, неужели вы забыли своего старого слугу — Счастливого?

Вельможа, внимательно взглянув на юношу, наконец узнал его. Молодой человек был будто таким же, как прежде, и все же он сильно изменился. Неожиданное открытие привело вельможу в великое изумление.

— Ваша светлость...— растерянно проговорил он.— Как произошло такое преобразование?

Молодой человек рассказал о том, как его усыновил Чжэн, который служит сейчас в столице, и как он сам получил наследственную должность военного командира.

— Сегодня я пришел к вам, чтобы засвидетельствовать свое почтение... Я не забыл вашей доброты, господин.

Хозяин предложил гостю сесть.

— Не смею! — стал отказываться юноша.— Мне положено стоять!

— Ах, сударь! Забудьте о прошлом! Вы же теперь чиновник государева двора.

Молодой человек присел на стул.

— Какова судьба!..— проговорил Ван.— Я рассчитал тогда вас вовсе не по своей воле, но из-за лживого гадания этого Юаня. Мне стыдно за свой недостойный поступок!

— Что делать, такова судьба!.. Если бы я тогда остался у вас, я не нашел бы названного отца, а значит, не случилось бы сегодняшней встречи.

— Это, конечно, так, но все же ворожей с его предсказаниями отвратителен и смешон. Как видно, его слава дутая!

Ван приказал накрыть в честь гостя пиршественный стол. В этот момент слуга принес хозяину визитную карточку.

«Юань — хранитель Высшей Драгоценности, бьет челом», — прочитал вельможа.

— А вот и сам незадачливый гадатель! — воскликнул вельможа.— Сейчас мы над ним посмеемся! — И он от удовольствия даже хлопнул в ладоши.— Прошу вас, сударь, пройдите в другую комнату, — предложил он гостю.— Переоденьтесь слугой, как было в тот раз, и ждите моего знака. Во время беседы вы по моему сигналу принесете сюда чаю. Любопытно, узнает он вас или нет?

Молодой человек удалился в другую комнату, снял

пояс и надел поверх парадной своей одежды простой синий халат, который носил, когда был в услужении. Тем временем гость вошел в залу и уселся на свое место.

Через некоторое время послышался условный сигнал, и молодой человек с большим подносом в руках появился в зале. Он почтительно поставил чай перед гостем и отошел в сторону.

— Кто это? — воскликнул ворожей, пристально взглянув на юношу. От удивления он даже привстал со своего места.

— Это Счастличик — мой бывший слуга, которого я в свое время выгнал из дома, — промолвил хозяин. — Ему некуда было деваться, и я его снова взял к себе на службу.

— Зачем вы обманываете меня? — вскричал гадалка. — Ведь он сейчас носит золотой пояс военачальника! К тому же у него блестящее будущее! Он никак не может быть вашим слугою!

Вельможа засмеялся.

— А вы, почтенный, как видно, забыли о прошлом гадании. В свое время вы предсказали, что он принесет беду своему господину. Экое дурное предсказание!

Гадатель вспомнил тот случай и улыбнулся.

— Просто поразительно! — Он внимательно посмотрел на молодого человека. — Действительно, я как будто что-то подобное говорил, но только сказанное тогда и сегодня одинаково верно!

— То есть как? — удивился вельможа.

— А так... Лик юноши изменился. Сейчас на нем видны следы его скрытых достоинств. Как видно, он или спас кого-то из беды, или возвратил потерянную вещь владельцу, то есть он совершил добрый поступок и поэтому был вознагражден. Словом, его нынешнее положение далеко не случайно! А посему в моем предсказании не было никакой лжи!

— Господин Юань, да вы просто мудрец! — рассмеялся молодой человек и стал во всех подробностях рассказывать гадалке историю о том, как нашел и вернул серебро, как, приехав в Хэцзянь, сделался приемным сыном военачальника, а вскоре получил даже наследственные регалии.

— А пришел я сюда потому, что вспомнил прежнего хозяина,— закончил он рассказ.

История о возвращенных деньгах явилась для вельможи Вана полной неожиданностью, так как он знал лишь об усыновлении.

— Достойное деяние господина Чжэна не уступит дивному искусству почтенного Юаня,— проговорил он.— Они поистине замечательны! — в его голосе слышалось большое уважение.

Он велел слугам принести шляпу и пояс молодого Чжэна, который, облачившись в полную парадную форму, совершил перед Юанем поклон, а потом они вместе сели за ширшественный стол.

На следующий день вельможа Ван нанес визит старому военачальнику и его сыну, после чего между двумя семьями установилось тесное знакомство и крепкая дружба. В свое время Чжэп Счастличик получил звание военачальника, а когда пришла старость, умер в почете. Его дети и внуки, впитавшие в себя частицу прекрасных деяний своего родителя и деда, впоследствии также удостоились высоких титулов и должностей. Вот почему я обращаюсь к ныне живущим с таким поучением: делайте достойные дела и Небо вас не забудет! А в доказательство я приведу стихотворение, сочиненное на манер древних. Послушайте его:

По лицу гадает Юань-ворожей,
удивляет искусством своим.
Знаменитый Тан Цзюй¹⁷ и старуха Сюй Фу¹⁸
вряд ли сравнятся с ним.

Слово молвит — духи и черти
не оспорят его правоту.
Глазом моргнет и предскажет вам
славу иль нищету.

Слугу хозяин прогнал со двора,
был скор в неправом суде.
Бедный юноша долго скитался,
прозябал в жестокой пужде.
Однажды он деньги нашел и вернул
тому, кто их обронил.
Тогда воздалось ему за добро,
что в сердце своем взрастил.

Юноша Чжэн в жизни ни разу
никому не содейл зла.
Всею помогал и добрых поступков
он сотворил без числа.

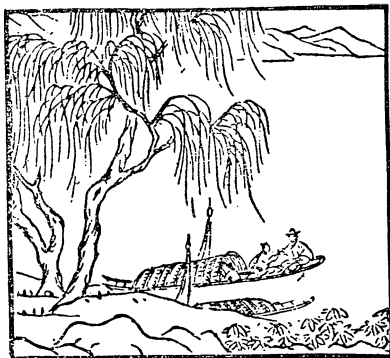
И вот награда — важный вельможа
юношу усыновил.
Он чиновничью шляпу и пояс надел
по воле небесных сил.

А когда в столице явился Чжэн
к тому, кто его прогнал,
Бывший хозяин в знатном чиновнике
слугу своего не признал.

Знайте, коль скрыта в душе добродетель,
счастье сулит она.
Потому и историю Чжэна Счастливого
вспоминают во все времена.

**СВАДЕБНЫЕ
ПЕРЕДРЯГИ
ХАНЬ ЦЗЫВЭНЯ**

В стихах говорится:

Если уж ты, наконец, решил
замуж дочь выдавать,
Следует умного человека
ей в мужья подыскать.

А будет он беден, богат или знатен,—
в сущности, все равно:
Всегда и все в судьбах людей
Небу подчинено.

В прошлой жизни, в иных рожденьях
связуется брачная нить,
Которая может людские души
вместе соединить.

Помни об этом и воли небесной
не нарушай никогда,
Иначе тебя непременно постигнет
в жизни большая беда!

Жизнь человека полна неожиданных изменений, и нет в ней ничего постоянного. Все равно что зеленое море, которое расстилается сейчас перед вашими глазами, вдруг сменяется лугом с тузовыми деревьями. Многие люди, однако, несколько не понимая, что сирость может обернуться знатностью, а бедность — внезапным богатством, всем нутром своим устремляются к славе и рвутся к наживе. Вот, к примеру, узнал корыстолюбец, что какой-то человек неожиданно стал цзюйжэнем или цзиньши, а в доме у него растет прелестная дочь, и хитрец уже строит план, как умыкнуть ее и сделать женой своего сына. Если же у того человека

имеется сын, мошенник всякими правдами и неправдами норовит заполучить его в зятя. Случается, однако, что тот цзюйжэнь или цзипьши вдруг потерял свою должность, а карьера его неожиданно померкла, наконец еще того хуже — умер он. Понятно, отпрыски несчастного — сын или дочь — слова стали бедняками. Хитрец, узнав об этом, сильно горюет и раскаивается, что поспешил со сговором, всеми силами он старается теперь оттянуть свадьбу.

Но бывает и другое. Скажем, какой-то бедняк-студент задумал жениться на дочери богача. Пришел он просить ее в жены, а его там подняли на смех! Эх ты, бедолага! Ты словно та жаба, сидящая в темной яме, что надумала полакомиться лебединым мясом! Но вдруг все перевернулось — неудачник прославился на экзаменационной стезе. Эта новость, понятно, повергает корыстолюбца в отчаяние, и он клянет себя за то, что оказался слепцом. Он оглашает воздух тяжелыми вздохами, ругая себя, что из-за него дочь прошла мимо своего счастья. Вот почему еще в древности некоторые мудрые люди хорошо понимали все это и выбирали зятя не из богатых или знатных семей, а отдавали свою дочь, прекрасную, как цветок или яшма, за простого сюдая, совсем невидного и такого же ничтожного, как рубленые овощи или прогорклый бобовый сыр. Само собой, многие поднимали чудака на смех и называли дурнем.

— Подумать надо! Нежный кусочек баранины оказался в пасти подворотного пса!

И надо же так случиться, что Сын Неба в один прекрасный момент задумал призвать ко двору мудрецов. Позвали и безвестного сюдая. Пришел он и сразу же вознесся к самым облакам. Монарх даровал ему пятицветную грамоту и карету о семи ароматах¹, которой стали пользоваться не только сам счастливец ученый, но и его супруга. Вот и сбылось предвидение того мудрого человека! Отсюда следует, что не должно смотреть лишь на обличье, ибо все равно не раскрыть, что прячется за ним, как нельзя исчерпать ковшом бездонное море. Итак, выбирая зятя, следует думать не о знатности его рода, а о том, умный сей человек или глупец. На этот счет есть убедительные истории о Вэй Гао² и Люй Мэнчжэне³.

А сейчас мы расскажем вам об одном человеке по фамилии Сюй, который жил в царстве Чжэн в период Весен и Осеней. Его родители умерли, а из близких людей осталась лишь младшая сестра, которой в ту пору исполнилось пестнадцать лет. У девушки была белоснежная кожа и личико прекрасное, как вишня или персик. Ее красоту подчеркивали черные, как воронье крыло, пышные волосы и брови, разлетающиеся словно крылья феникса. Она слагала стихи и торжественные оды, умела играть на цине, понимала толк в шахматах, рисовала картины и занималась каллиграфией. А кроме того, она владела мастерством рукоделия. И еще было у нее приметное достоинство — лукавые глазки, как осенняя волна, взор которых влек к себе любого мужчину. Когда к брату приходили гости, именитые чиновники, девушка из-за занавеса нередко наблюдала за ними, стараясь распознать качества человека: достоин он или ничтожен, богат или беден и какова его грядущая судьба. И представьте, она никогда не ошибалась.

За девушку сватался один благородный муж по имени Гунсунь Чу, но дело еще не было решено окончательно. У жениха был родственник, некий Гунсунь Хэй, имеющий высокое звание верхнего дафу⁴. Наслышавшись о красоте девушки, он однажды послал в дом Сюя сватов, но Сюй ответил, что сестра просватана за другого. Нахальный Гунсунь Хэй не обратил на отказ никакого внимания. Полагаясь на свое имущество, он отправил в дом Сюя богатые дары и вино, а также отрядил музыкантов, которые возле ворот принялись играть на флейтах и бить в барабаны. Сюй поначалу растерялся, а потом, немного подумав, устроил на следующий день пиршество, на которое пригласил обоих соперников. Пусть, мол, сестра сама выбирает жениха! Гунсунь Хэй, кичась своим богатством и знатностью, пришел на смотрины в роскошном платье, весь увешанный драгоценностями. В гостиной появились его дары: золото, серебро, многоцветный атлас. Гунсунь Чу явился в обычном платье и без особых даров. Присутствующие в зале, сразу же оценив великолепие первого, подумали: «Красавица, без сомнения, выберет этого богача!»

Пир кончился. Когда гости, выразив свою благо-

дарность хозяину дома, разошлись, сестра сказала брату так:

— Гунсунь Хэй имеет очень высокое звание, да и видом своим он прекрасен. Однако ж годы его жизни сочтены — на лице его — печать смерти. А поэтому лучше я выйду за Гунсунь Чу. Правда, сейчас чин его мелок и он испытывает большие затруднения, но впоследствии он несомненно выбьется в люди, станет богатым и знатным.

Брату понравилось решение сестры. Гунсунь Хэй он сразу же отказал, а Гунсунь Чу дал согласие, определил день, и сыграли свадьбу.

Обиженный соперник, затаив в душе злобу, решил отомстить. Как-то раз, облачившись в доспехи, поверх которых надел обычное платье, он отправился в дом соперника, намереваясь убить его и завладеть его женой. Но хозяйина успели вовремя предупредить. Вооруженный длинной пикой, он вышел навстречу гостю. Замысел Гунсунь Хэя не удался. Раненный, он покинул дом врага и тотчас обратился с жалобой к первому министру двора Гунсунь Цао. Министр вызвал к себе всех знатных вельмож, чтобы решить ссору. Пришел и Гунсунь Чу. Его приход накалил страсти.

— Гунсунь Хэй, по всей видимости, хотел убить своего родственника, но доподлинные причины ссоры нам неизвестны,— проговорил министр.— И все ж его можно простить, если принять во внимание его высокое чиновное звание и старшинство в возрасте. Что ж до Гунсунь Чу, то он осмелился поднять меч на старшего, а посему за свой недостойный проступок его следует из столицы изгнать в дальние края.

Сей же час министр определил вину несчастного Чу и повелел выслать его в удел У. Расстроенный Гунсунь Чу вернулся домой. Муж и жена всплакнули и стали готовиться в дальний путь. Ну, а злодей Гунсунь Хэй, конечно же, возликовал и стал вести себя еще более кичливо и дерзко. Люди, глядя на это, дивились, почему девица Сюй не выбрала себе в мужья знатного вельможу. Чудно! И даже сам Сюй невольно поддался таким рассуждениям. Только сестра не обращала на слухи внимания и, казалось, была всем довольна.

Рассказывают, что в Чжэн жил некий Юцзи, имевший звание верхнего дафу. Его даже прочили в первые

министры, когда уйдет с этого поста Гунсунь Цао. И вот злодей Гунсунь Хэй возмечтал захватить место Юцзи и строил коварные планы, намереваясь в удобный момент их осуществить. Первый министр, узнав о замыслах Гунсунь Хэя, решил его опередить. Он отправил к нему посланца, который, перечислив все его преступления, передал приказ удавиться. Словом, получилось так, как сказала когда-то девица Сюй: Гунсунь Хэй принял дурную смерть.

Гунсунь Чу прожил в ссылке три года. После государственной амнистии он вернулся ко двору и занял пост верхнего дафу. Он прожил вместе с госпожой Сюй до старости, наслаждаясь почетом и богатством.

Теперь представим себе, что девица Сюй, прельстившись высоким положением Гунсунь Хэя, вышла за него замуж. Если бы так случилось, она оказалась бы женой смутьяна, а потом в течение десятков лет имела бы тяжкую вдовью долю.

Из нашей истории следует, что знатность человека в настоящее время или, наоборот, его сирость ровным счетом ничего не значат.

Рассказчик! И все же ты ошибаешься! В Поднебесной живет немало хороших мужей, которым приходится влачить нищенское существование. Неужели все они непременно выбьются в люди? К тому же не следует забывать известной поговорки: «Лучше владеть вещью сейчас, чем потом ее выкупать». Так не лучше ли отдать девицу за богача, чтобы сразу, и не откладывая, можно было попользоваться благами жизни?

Нет, почтенные, вы, я вижу, не все понимаете! Судьба предрешена даже для тех, кто сам выбирает себе зятя. Ибо, как верпо говорится, каждый клевок, каждый глоток предопределен изначально. Вот почему я советую вам отдавать дочь не за всякого смертного, а за ученого человека, с ним будет меньше хлопот и беспокойств. Ну, а сейчас я расскажу об одном богаче и его дочери. Этот человек, пользуясь своим могуществом, однажды решил обмануть бедняка и нарушить прежнюю договоренность. Но, по счастью, благодаря прозорливости и бескорыстию пачальника области брачный союз молодых людей все же уладился, и чета вкусила почет и славу. Об этом и говорит наш рассказ. Но сначала послушайте стихи:

В дальнем покое томилась когда-то
с опахалом красным девица ⁵,
А потом сбежала к вэйскому князю,
ухитрилась в него влюбиться.

Теперь скажите, кому суждено
добиться почета и славы?
Пристально надо в героя взглядеться,
всерьез, а не ради забавы!

В годы Истинной Добродетели ⁶ нашей династии в Тяньтайском уезде Тайчжоуской области, что в провинции Чжэцзян, жил некий сюдай Хань Шиюй со вторым именем Цзывэнь. Его родители рано умерли, братьев и сестер у него не было, так что остался он один-одинешенек. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, ему удалось, как говорится, пройти по школьному двору — словом, получил он степень сюдая, а вместе с тем обширные знания. Можно сказать так:

Талантом выше Цзыцзяня ⁷,
Ликом краше Пань Аня ⁸.
Как говорится, на пять повозок
в нем накопилось знаний ⁹,
Сумел постичь он древнюю мудрость
тысячелетних преданий.
Скоро надломит он кассии ¹⁰ ветку —
добьется высоких званий,
А откуда он листья кресса срывает ¹¹,
не раскрыв своих дарований.

Хотя талантливый юноша обладал обширными знаниями, однако жил до крайности бедно и едва сводил концы с концами, занимаясь учительством в богатых домах. Наверное, поэтому ему никак не удавалось жениться, хотя ему уже исполнилось восемнадцать лет.

Приближался Праздник Начала Лета ¹². Хань Цзывэнь, простившись с хозяевами, собрался домой отдохнуть несколько дней в родных местах. И тут ему в голову пришла мысль: «Почему бы мне не потолковать с опытным человеком о женитьбе? Я образован, а потому вполне достоин и наследницы богача. Вопрос только в том, кто согласится?» После некоторого раздумья он решил: «И вправду! Неужели я не подхожу для дочери какого-нибудь ученого мужа, такого же, скажем, как я?» Он достал визитную карточку и пять цяней серебра, тщательно завернул деньги в бумагу да еще запечатал, а потом положил все это в шкатулку для посеще-

ний¹³. Позвав мальчика-слугу, помогавшего ему в кабинете, он передал ему шкатулку с дарами и вместе с ним отправился к сводне по фамилии Ван. Сводня от подарков не отказалась, но особой радости не проявила, потому как просителем был бедолага-ученый. Потчуй гостя чаем, она, будто ненароком, спросила:

— Когда изволили вернуться домой, господин сюцай? Каким ветром вас ко мне занесло?

— Я уже пять дней как дома, а к вам я пришел по одному делу...— С этими словами он взял у мальчика шкатулку, вынул запечатанный сверток удлиненной формы и протянул обеими руками сводне.

— Не побрезгуйте моим скромным подарком!.. Если дело, о котором я попрошу, исполнится, я отблагодарю вас более щедро!

Ван для приличия поломалась, но деньги все же взяла.

— Господин сюцай собирается жениться?

— Совершенно верно!.. Не скрою, я беден, поэтому не рискую даже мечтать о богатой невесте. Единственное мое желание — это подыскать жену из семьи скромного ученого, примерно такого же, как и я, чтобы она заботилась о домашнем очаге и подарила бы мне наследников. За несколько лет я скопил немного денег — сорок или пятьдесят золотых, которые готов потратить на свадебные дары. Словом, прошу вас, почтенная, подыщите мне невесту из подходящей семьи!

Сводня сразу смекнула, что угодить бедняку-ученому будет пелегко. На богатую семью он не потянет, а спуститься вниз — не захочет. Но и отказать ему тоже было неудобно. Сводня ответила так:

— Господин сюцай, спасибо за щедрый дар! Возвращайтесь домой и ждите, пока я не выведаю все что нужно. Как узнаю, тотчас дам вам знать!

Хань Цзывэнь отправился домой.

Сводня появилась через несколько дней.

— Господин сюцай, вы дома?

Хозяин вышел навстречу.

— Ну, как дела с моей женитьбой? — стал расспрашивать он.

— Уж и не говорите, почтенный! Из-за вас все тупи свои истоптала... Но невесту вам все же нашла. Это — семнадцатилетняя дочка сюцая Сюя, что живет

перед уездной управой. Сам он в позапрошлом году скончался, и осталась одна вдова с дочерью. Живут они не слишком богато, но вполне прилично. Когда я заговорила о вас, они как будто согласились, но вдова при этом сказала: «Я не против выдать за него свою дочь, но только пускай он хорошо сдаст годовые испытания¹⁴. Я тут слышала, что в Тайчжоу на днях приезжает экзаменатор... Мы простые люди, неученые, так пусть хоть зять будет образованным. Словом, как выдержит, пусть присылает свадебную карточку!» — вот так и сказала.

Цзывэнь, уверенный в своих талантах, прикинул, что экзамены он непременно сдаст и опасаться ему нечего.

— Ну, что ж, пусть будет по-ихнему! — сказал молодой человек. — Продолжим разговор после испытаний.

Он угостил сводню несколькими чарами белого вина, и та ушла.

Хань Цзывэнь вернулся в дом, где он учительствовал, и прожил там более месяца, пока не услышал, что вывесили щит, возвещающий о скором приезде главного экзаменатора — некоего Лян Юйфаня, уроженца провинции Цзянси. В день приезда вельможи Цзывэнь вместе с другими сюцаями вышел ему навстречу. На юноше была ветхая лиловая шляпа, напоминавшая источенный червем лист овоща, халат дырявый, как поздраватая корка бобового сыра, подвязанный чем-то вроде картофельной ботвы, а на ногах — стоптанные туфли, формой похожие на гриб муэр¹⁵. Совершив в храме церемонию воскурения, экзаменатор возвестил о начале испытаний. Первыми экзаменовались юноши из уездов Тяньтай и Линьхай. В назначенное время Хань Цзывэнь написал сочинение, коим остался очень доволен. Покинув экзаменационную палату, он переписал сочинение заново, чтобы показать друзьям, которые уже проэкзаменовались, и те высказали свое восхищение. Потом он снова перечитал свое творение и в радостном возбуждении воскликнул:

— Прекрасное сочинение! Весьма и весьма превосходное! Ему можно определить не просто высокую оценку, оно заслуживает первого места!

Он повертел сочинение в руках и поднес к своему носу.

— Ах, как пахнет! Ну, прямо свадебный аромат!

Надо вам сказать, что экзаменатор Лян был человеком алчным и к тому же не слишком-то грамотным. Всячески заискивая перед местными властями и пытаясь угодить начальству, он после экзаменов в Цзясине и Хучжоу списал себе еще более дурную славу. Сюдаи ругали его последними словами и даже договорились при случае устроить ему хорошую взбучку. О нем сложили стишки и шутливое парное изречение. Стихи были таковы:

У дороги ¹⁶ в лавке Лян живет,
Фу-Сребролюбец ¹⁷ прозвал его народ.
Если потрафишь ему заранее,
Продаст он тебе ученое звание.

А парное изречение гласило:

Знатные юноши веселятся —
счастливы и богаты:
Все в семье учеными станут —
брат следом за братом.

А бедные туншэны ¹⁸ удручены,
глубокой печалью объаты,
Экзамены сдать не сумели они —
предки, знать, виноваты.

А кроме того, на одно речение из «Четверокнижия» было кем-то придумано несколько частей восьмичленного сочинения ¹⁹: «Когда благородный муж постигает Дао, он радуется от понимания всеобщей его полезности. Когда вещает о Дао человек ничтожный, он лишь слепо пересказывает книги. Некоторые не читают стихов, не изучают обряды, а лишь полагаются на родителей или братьев. Но есть ли от этого польза? Нет! Поэтому следует этот обычай отвергнуть! Другие, наоборот, читают стихи, читают книги, и при этом ведут себя в высшей степени достойно. Однако никто их не уважает. Есть ли прок от таких людей? Конечно, есть. Поэтому сие жизненное правило следует принять!»

Как известно, Хань Цзывэнь был беден и не имел денег, чтобы задобрить какое-нибудь влиятельное лицо и попросить замолвить за него словечко. Когда по прошествии десяти дней объявили о результатах экзаменов, то на первых местах в списке оказались имена от-

прысков богачей. Вы спросите: где стояла фамилия Ханя? На третьем месте — как в поговорке: «В иероглифе — „князь“ нет вертикальной черты, а иероглиф „поток“ улегся на покой»²⁰. По этому случаю уместно напомнить стихотворение цы²¹ под названием «Желтая иволга». В нем рассказывается о терзаниях тех, кто занял лишь третье место.

Вместе сдавали экзамены,
стали единой семьей,
Но одни со славой, другие с позором
теперь возвратятся домой.

Грохочут-гремят барабаны,
точно в весеннем сне.
Судьбой обделен талантливый,
посредственный — счастлив вполне.

Лишьшэны-стипендиаты²²
выступают гордо вперед,
Высокий титул гуншэна²³
карьеру сулит и почет.

А неудачники робко
по сторонам стоят,
С тоскою глядят на счастливых,
на их цветы и наряд²⁴.

Узнав, что его сочинение удостоилось лишь третьего места, Хань пришел в ярость. Поначалу он будто бы онемел, а потом, вытаращив глаза, разразился бранью.

— Поганая черепаха! Ублюдок!

Несчастный юноша не отважился напомнить сводне о свадьбе, а она сама не приходила. Словом, Хань смирился со своим поражением, и ему оставалось лишь горестно вздыхать. В связи с этим вспомним такое стихотворение:

Если хочешь удачно жениться,
не надейся на мудрость свах,
Учись и помни: семейное счастье
обретешь ты в древних словах.

Итак, экзамены прошли и сюцай-неудачник вновь занялся учительством. К своему неудовольствию, он заметил, что хозяин, где он жил, и ученики при виде его заливались краской, а уши их начинали пылать.

Прошел год с небольшим. В это время умер старый

государь, и по оставленному им завещанию трон унаследовал князь Радостный — Сиван, который провозгласил эру Счастливого Успокоения²⁵. Когда пятнадцатилетний владыка вступил на престол, двор объявил об отборе для государева гарема молодых и прекрасных дев из хороших семей. В провинции Чжэцзян повсюду поползли лживые слухи, что дворцовые посланцы будут-де принудительно забирать самых красивых девушек. Невежественные люди поверили этим сказкам. Среди тех, у кого была дочь на выданье или кто сам собирался жениться, поднялось большое волнение. Люди просто потеряли голову, зато счастливые дни наступили для разного рода торговцев и музыкантов, «веселых теток», прислуживающих на застольях распорядителей церемоний и даже носильщиков паланкинов. Самое смешное то, что разнесся слух, будто на каждые девять дев должна приходиться одна сопровождающая вдова. Словом, дело дошло до того, что все вдовы (даже восьмидесятилетние старухи — смех да и только!) принялись искать себе мужа. Вот и получилось:

Отрок, едва достигший
    четырнадцати лет,
С двадцатипятилетней девицей
    произносит брачный обет.

Двенадцатилетняя девочка —
    совсем ребенок она —
К мужу сорокалетнему
    в семью войти должна.

Уродицы грязные, грубые
    за красавиц сходят вполне,
Развратницы престарелые
    расцвели, как цветы по весне.

Вдовы клялись в целомудрии,
    словно иней были суровы,
Говорили, что лучше погибнут,
    но замуж не выйдут снова,

Тела их вдовы усохли,
    не о чем больше мечтать...
Но повеял весенний ветер,
    и желанья вернулись опять.

Именно в это время какой-то безымянный поэт сложил такое забавное стихотворение:

Прибыл красный указ государев,
но указ этот — чистый вздор.
После третьей чаши вина заключили
свадебный договор.

Ночь наступила, всхожу на башню —
в небе луна висит:
Кажется, только богиня Чанъэ
замуж еще не спешит.

В это самое время Хань Цзывэнь наведалься в родные места и, конечно, сразу же заметил волнение, которое охватило его земляков. Как-то он решил прогуляться по городу. Едва вышел за ворота, как его сзади кто-то схватил за рукав. Хань обернулся и увидел перед собой некоего Цзиня из Хуэйчжоу — владельца закладной лавки. Богач церемонно поклонился.

— Господин сюцай, у меня растет шестнадцатилетняя дочь, которая могла бы стать вашей женой, понятно, если вы не против.

Богач тут же достал стоворную карточку, которую он мгновенно сунул молодому ученому в рукав халата, даже не спросив его согласия.

— Будет вам насмешничать! — воскликнул Хань. — Я нищий книжник, гол как сокол. Не чета я вашей дочери!

— Не отказывайтесь, господин Хань! — богач нахмурился. — Это дело не терпит! Невесту могут забрать ко двору... А она у нас, стариков, одна. Коли увезут ее в далекую Северную столицу, неизвестно, когда мы еще ее увидим. Не переживем мы разлуки с ней! Соглашайтесь, господин сюцай! Спасите нас, явите свою милость!

Богач собрался было пасть на колени, но юноша остановил его.

Как мы знаем, Хань Цзывэнь и сам искал себе жену, однако об этом ничего не сказал. Он отлично понимал замысел богача.

— В моей тощей суме сорок-пятьдесят лянов, — проговорил он неуверенно. — Этой жалкой суммы не хватит даже на свадьбу. Если вы не гнушаетесь мной, мы можем договориться, но ограничимся пока что сватовством!

— О, пусть деньги вас не тревожат! — воскликнул Цзинь. — Хорошо! Давайте пока поговорим лишь о стоворных подарках, а когда все успокоится, тогда потихоньку да полегоньку решим остальные дела со свадь-

бой. Главное, чтобы вы просватали мою дочку, тогда двор ее уже не заберет!

— Ну, что ж, я не против! Только потом не отказывайтесь!

У богача Цзиня сейчас на уме было лишь одно — как побыстрее просватать дочь.

— Клянусь Небом! — воскликнул он. — Если я отступлюсь от своих слов, пускай я приму пытку в Тайчжоуской управе!

— Клятву давать совсем не обязательно, — заметил сюдаи, — но одних слов недостаточно. Возвращайтесь домой, а потом я приду к вам в ломбард с двумя моими приятелями. Сначала вы покажете дочь, а потом составите договорную бумагу, на которой мои друзья поставят подписи. Бумага будет служить доказательством. После стовора я попрошу вас дать мне какую-нибудь вещь вашей дочери, скажем, что-то из одежды, а еще лучше — прядь волос, или, на худой конец, — ее поготок. Я спрячу их у себя, а когда надо, предъявлю, если вы вздумаете переменить свое решение.

Богач, желая поскорее кончить дело, на все согласился.

— Хорошо, хорошо! Я принимаю все ваши условия! Только, прошу вас, давайте поскорей!.. Не понимаю, к чему такие подозрения?.. Так я надеюсь! — воскликнул меняла и пошел в свою лавку.

Хань Цзывэнь направился в уездное училище, чтобы найти двух помощников в свадьбе. Ими стали Чжан Сывэй и Ли Цзюньцин, давние его друзья. Хань объяснил им, в чем дело, и, написав визитную карточку, отправился в ломбард Цзиня. Хозяин встретил гостей, как положено, чаем, а после церемонных разговоров кликнул в залу свою дочь Чжаося, что значит Утренняя Зорька. Вы, конечно, спросите, как выглядела девушка. А вот как:

Брови — словно ива весной.

Глаза ее схожи с осенней волной.

Как пара небесных переликов,
две нежных ее щеки.

Ножки напоминают
молодого бамбука ростки.

От взгляда ее города не рухнут,
никогда не падет страна²⁶,

Но ни с одним из смертных людей
красотой не сравнится она!

Красота девушки привела молодого человека в восхищение. Они поклонились друг другу, после чего девушка удалилась во внутренние покои. Хань Цзывэнь тут же пригласил гадателя, чтобы тот дал совет, и ворожей изрек:

— Грядет вам большое счастье. Однако ж до свадьбы будут у вас суетные беспокойства!

— Главное — счастливый брак! — воскликнул Цзинь, которому не терпелось покончить с делом. — Что до суетных волнений — все это пустяки!

Он достал красную свадебную карточку полного размера и в ней записал: «Свадебный договор, составленный Цзинь Шэном из Хуэйчжоу и его дочь Юэ Чжаою шестнадцати лет. С младенческого возраста моя дочь не была ни с кем обручена. Ныне ученый человек Хань Цзывэнь из Тяньтайского уезда Тайчжоуской области прислал свадебные дары, согласившись взять мою дочь в жены. Сговор состоялся по обоюдному согласию, и его дары были приняты, при этом никаких оговорок не сделано. Господа Чжан и Ли свидетельствуют сей документ. Первый год эры Счастливого Успокоения. Вторая луна, такой-то день».

Все трое поставили свои подписи, и бумага была вручена Хань Цзывэню, который опасался, что из-за крайней бедности в его свадебном деле может произойти любая непредвиденная случайность. И все же он не мог предполагать, что богач в один прекрасный день откажется от подписанного им договора. Однако речь об этом пойдет дальше.

А пока они выбрали благоприятный день и договорились о свершении положенных церемоний. К назначенному сроку юноша собрал свыше пятидесяти лянов, на которые с грехом пополам купил украшения и сшил платье, а также оставил себе немного наличных денег на расходы. Затем он достал особую карточку и в ней написал: «Почтительно передаю свой денежный дар. Вам низко кланяется зять Хань Цзывэнь». Дав своим друзьям по одному ляну серебра, он попросил их быть сватами. Жених и два друга с дарами отправились в закладную лавку Цзиня. Богач и его жена (а она была из фамилии Чэн), люди весьма состоятельные, не сильно обрадовались подаркам жениха, посчитав их нищенскими, но все же их приняли, потому как боялись за свою дочь.

Дав согласие на брак, они сделали ответные дары, к слову сказать, весьма пребогатые, и отец передал сюцаю прядь волос, перевязанную синей нитью.

«Если бы не волнение из-за слухов, неизвестно, когда бы я приобрел себе жену! А сейчас есть у меня доказательство!» — с радостью думал сюцай, но об этом мы пока умолчим.

Время летит стрелой, солнце с луной снуют как челнок, жара уходит, и наступает хлад. Словом, прошел почти год, и наступил второй год эры Счастливого Успокоения. Лживые разговоры об отборе государевых дев понемногу утихли, и супруги Цзинь стали раскаиваться, что просватали дочь за бедняка. Что до Ханя, то он, потратившись на стговорные подарки, вконец опустошил свой кошелек, а потому не решался заводить разговор о свадьбе.

Однажды в закладную лавку Цзиня вошел пожилой человек в сопровождении юноши семнадцати-восемнадцати лет. Цзинь в это время занимался проверкой счетов.

— Зять, ты, оказывается, дома? А где же сестра?

То был брат жены — владелец ломбарда Чэн из Хуэйчжоу, который вместе с сыном Ашоу приехал, чтобы предложить родственнику открыть на паях еще одну закладную лавку. Цзинь поспешил навстречу гостям, а потом кликнул жену и дочь. После обычных разговоров о том, о сем, хозяин велел домашним принести подогретого вина.

— Я вижу, Чжаося стала совсем взрослой девушкой! Просватана или нет? — поинтересовался Чэн как бы между прочим. — Может быть, не стоило об этом спрашивать, но мой паценок до сего времени не обручен, а потому, если ты не против, мы можем наших детей поженить!

— Хорошо бы! — вздохнул Цзинь. — Весьма был бы рад, если бы дочка вышла замуж за твоего сына... Да вот только мы поторопились, уже дали согласие одному сюцаю по фамилии Хань. Побоялись, что дочку отправят в столицу... А этот Хань бедняк бедняком и, по всей видимости, никогда уже не выбьется в люди, потому как на уме у него одни пустые сочинения, от которых лишь ноги протянешь... В свое время, когда сюда приезжал инспектор Лян, этот Хань занял только третье место, да и

то с грехом пополам, думали совсем провалиться! Не хочется мне выдавать за него свою дочку, хлебнет она с ним горя! Словом, лучше обо всем этом деле и не вспоминать!

Гость вздохнул и, помолчав, проговорил:

— Сестра! Зять! А вы вправду не хотите отдавать дочку за этого сюаца?

— Неужто обманываем? — воскликнул Цзинь.

— Если бы вы отдавали по своей охоте, тогда другое дело, а если желания нет, то надо что-то придумать... В общем, порушить надо ваш договор, а сделать это проще простого!

— Как так? — спросил Цзинь.

— Завтра я подам в Тайчжоуский ямынь прошение, в котором скажу, что меж нами была когда-то договоренность о свадьбе наших детей — еще когда они были в малом возрасте. Потом я остался в Хуэйчжоу и застрял там надолго, а ты тем временем переменил свои планы со свадьбой. Вот это я и скажу местным властям и потребую, чтобы они отдали Чжаося моему сыну... Конечно, мой пащенок не скажи как умен, однако ж он лучше этого голодранца-книжника!

— Отличная мысль! — обрадовался Цзинь. — Да только есть одна трудность. В свое время я сам составил свадебный договор и отдал ему прядь дочкиных волос в доказательство. Вряд ли в ямыне разрешат переменить обручение! Нет, правда на его стороне!

— Эх, зять! Сразу видно, что ты мало сталкивался с казенными порядками... Ведь мы же оба с тобой из Хуэйчжоу, к тому же родственники. Скажем властям, что наши дети обручены с малолетства, и дело с концом. Не могут они нам не поверить!.. Или поговорку забыл? «За деньги сам бес крутит мельничный жернов». А денег у нас хватает. Подкупим одного, второго, попросим местных шэньши²⁷ замолвить словечко в ямыне правителя области, и от прежнего твоего договора останется пустой звук! Что касается волос, кому известно, чьи они? Нет, сюацау нас с тобой не перебороть! Даже если сильно ты потратишься, все равно в накладе не останешься!

— Прекрасно придумано! — обрадовался Цзинь и даже захолопал в ладоши. — Завтра же попробуем!

Они кончили винопитие и пошли на покой.

На следующее утро лавочник Чэн, умывшись и должным образом причесавшись, отправился к стряпчему, чтобы потолковать с ним о деле, после чего составил прошение и нашел свидетеля по фамилии Чжао. Закончив дела, он вместе с Цзинем направился в Тайчжоуский ямынь. По этому поводу вспоминаются такие стихи:

Время пришло, и двое влюбленных
встретиться вновь сумели.
Те, что плели коварные планы,
сами же пытки терпели.

Когда они подошли к ямыню, правитель уже занял свое место в зале и открыл присутствие. Через некоторое время вывесили щит о дозволении подавать прошения, и меняла Чэн, когда наступил его черед, вошел в присутственную залу. Правитель велел чиновнику по мирским делам принять прошение, в котором было написано следующее:

«По делу об отказе от брака. Податель сего прошения Чэн Юань сообщает, что злокозненный Цзинь Шэн в свое время согласился отдать свою дочь моему отпрыску Чэн Шоу и по этому поводу было устроено шесть видов обрядов²⁸. Однако злодей Цзинь, уехав в дальние края — в округ Тайчжоу, забыл о данном им обещании. В прошлом году он переменял свои планы, просватав дочь за сююя Хань Цзывэня из уезда Тяньтай. Свидетелем сего прошения является Чжао Сяо — человек просвещенный и добропорядочный. Почтительно прошу со всей мудростью разрешить мое дело, с тем чтобы восстановить брачную нить.

К сему настоящее прошение.

Податель прошения: Чэн Юань, житель Сисяньского уезда области Хуэйчжоу.

В прошении упомянут Хань Цзывэнь, житель Тяньтайского уезда области Тайчжоу.

Свидетель: Чжао Сяо, житель Тяньтайского уезда области Тайчжоу.

Подается на решение господину правителю области».

Правитель, прочитав бумагу, вызвал просителя в залу.

— Кем тебе доводится этот Цзинь Шэн? — спросил он.

— Господин правитель, чистый как Небо! — Чэн склонился в низком поклоне. — Он муж моей старшей сестры! Значит, доводится мне зятем. Поскольку мы с ним родственники, а дети примерно одинакового возраста, мы их обручили...

— Как же он смеет отказываться от своего слова? — воскликнул правитель.

— Все дело в том, что я, ничтожный, остался в Хуэйчжоу, а этот Цзинь переехал в Тайчжоу, в общем, удалились мы друг от друга. Но есть и другая причина. В прошлом году, как известно, прошел слух, что будут отбирать красивых дев для двора. Цзинь, прослышав об этом, сильно перепугался и просватал дочь за книжника Ханя. Узнал же я об этом только на днях, когда приехал сюда проведать родню, а заодно покончить дело со свадьбой. Словом, нарушив наш уговор, он сделал препоганое дело! Однако я не собираюсь просто так ему уступать, не хочу, чтобы он отдал невесту другому. Вот я и решил передать дело в суд, потому как уверен, что сюдаи иначе как через ямынь от своего не отступится. Нижайше прошу, ваше сиятельство, господин правитель, выскажите свое мудрое суждение!

Проситель говорил столь убедительно, что правитель области принял его жалобу.

— Дело будет слушаться в течение десяти дней! — приказал он.

Чэн Юань, отвесив низкий поклон, удалился и, найдя Цзиня, рассказал ему о том, что прошение принято.

Богач Цзинь на следующий же день разыскал двух приятелей сюдая Хань Цзывэня — Чжана и Ли. Напустив на себя вид крайне растерянный и тревожный, он им сказал:

— Что мне делать? Ума не приложу!.. В свое время, когда жил я еще в Хуэйчжоу, я просватал дочку за сына одного своего родственника — младшего брата жены. Потом я покинул родные места и переехал в вашу провинцию. Вскоре, как вы знаете, стали отбирать дев для двора. Приказ был строгий, и я всполошился. И тогда я подумал: «Дальней водой не погасить ближнего пожара». Надо, думаю, просватать за кого-то дочку, и я договорился с вашим приятелем сюдаем. Вы были еще свидетелями... Вдруг тот родственник неожиданно-негаданно

приехал в Тайчжоу и подал на меня жалобу в управу. Что теперь делать?

— Ах ты, негодяй! Старый злодей и осел! — накинулись на него сюдаи. Как говорится в подобных случаях, гнев у них поднялся изнутри сердца, злость вспыхнула в самой печени.

— Уже тогда — во время свадебного стовора ты накрутил невесть чего, хотя и клялся вовсю. Для чего же ты составлял договор, злодей? Для того чтобы сегодня выложить нам свою смердящую ложь?

— Ясно, почему ты все это придумал! Тебе не подходит Хань Цзывэнь, слишком он беден для тебя! Не так ли? Только не соображаешь, старый осел, что господин Хань настоящий талант, он не будет весь свой век мыкаться в бедности!

— Внемли, злодей! Мы поднимем всех ученых друзей из Трех Училищ²⁹ и пойдем к самому правителю. И тогда тебе несдобровать — переломают твои ослиные ноги! Это уж точно!.. А дочь твоя так и останется в девках!

Цзишъ стал было оправдываться, но молодые люди не стали его слушать. Кипя от возмущения, они отправились к Ханю и все ему рассказали. Новость потрясла сюдая. От гнева он не мог вымолвить слова. Возбужденные друзья требовали от него собрать всех ученых мужей и немедленно идти всем вместе в ямынь, но сюдаи сумел взять себя в руки.

— Нет, братья, этого делать нельзя! — остановил он их. — Я думаю так: если старый осел решил отказаться от брачного договора, то тут сила не поможет, подольем еще масла в огонь. К тому же если мы и добьемся успеха, то после этого порядочной семье не к лицу будет с ними связываться — как говорится, вить с ними заячью нить³⁰... Понятно, что этот богач — птица не велика, однако ж у него есть деньги! Поэтому его всегда поддерживают в ямыне. А я всего-навсего нищий книжник, у меня нет денег, чтобы вести с ним судебную тяжбу. Сейчас ему, конечно, повезло, но расплата непременно грянет!.. Хочу потревожить вас, почтенные братья! Сходите к нему и скажите так: в свое время мы истратили пятьдесят лянов на стоворные дары; если он согласен вернуть эти деньги, но только в двойном размере, тогда от договора, мол, мы отказываемся.

С этими словами Хань достал из шкатулки бумагу, сговорную карточку, прядь волос и дал все это приятелям, и вместе они отправились в ломбард Цзиня. Молодые сюэи объяснили богачу все, как наказал им Хань. Торговец оживился.

— Если господин Хань отказывается от договора, я не поспею на расходы! — воскликнул он, обрадованный. — Для меня выложить несколько лянов — сущие пустяки!

Он тут же достал безмен и отвесил два брусочка серебра — ровно сто лянов.

Передавая деньги, богач Цзинь потребовал, чтобы Хань написал бумагу об отказе от сговора и вернул прядь дочерних волос.

— Таковую бумагу вместе с прежним договором я дам тогда, когда кончится судебная тяжба. Сейчас я не верну ни договора, ни доказательств, — возразил Хань, — поскольку делу уже дали ход. Что до денег, то я их приму!

Чан Юань попросил Чжана и Ли составить от его имени бумагу о том, что он отказывается от своей жалобы и согласен заплатить им два ляна серебра. Ученые мужи потребовали кисть и тушь, а также письменный прибор и тут же сочинили прошение о мировой. Жалобщик и обвиняемый, а также свидетели отправились в ямынь, где как раз началось вечернее присутствие. Они передали правителю челобитную, в которой он прочитал:

«Чжан Сывэй и Ли Цзюньцин, ученые мужи из Тяньтайского уезда, советчики по тяжбе, дабы спор успокоить, докладывают: житель Хуэйчжоу Цзинь по имени Шэн имеет дочь, которая была просватана за некоего Чэна. Переехав в Тяньтай, Цзинь за дальностью расстояния потерял вести от Чэна и порвал с ним связи. Между тем девица была на выданье, поэтому родитель решил отдать ее замуж за ученого Ханя, что привело к нынешней тяжбе с Чэном, написавшим жалобу в суд. Настоящим свидетельствуем, что, поскольку Цзинь желает восстановить прежний договор, ученый Хань согласен отказаться от своего слова и делает это ради того, чтобы сохранить изначальную договоренность Цзиня с Чэном, а также во имя укрепления их родственных уз.

Посему мы просим прекратить настоящую тяжбу. К сему наша бумага».

Надо вам знать, что правитель У (к слову сказать, был он человеком весьма известным в своей родной провинции Фуцзянь) отличался редкостной справедливостью и порядочностью. Как говорится, из двух «цай» он уважал не то, что смыслом имеет «богатство», а то, что означает «талант». Еще тогда, когда он принял первую жалобу, он получил немало писем от местных шэньши и понял, что это неспроста. Видно, в деле Ханя есть своя подоплека.

И вот сейчас он увидел сюаца. Перед ним стоял статный юноша благородного вида, на которого посмотреть было одно удовольствие.

— Подойдите ко мне, господин сюацай! — приказал он.

Хань Цзывэнь опустил перед ним на колени.

— По вашему облику видно, что вы не долго будете томиться в забвении. Мне кажется, что меняла Цзинь несомненно прогадал, отвергнув такого славного зятя!.. Но все же ответьте мне, почему вы с такой легкостью отказались от брака с девицей?

Надо сказать, что Хань шел сюда, не питая особых надежд на благоприятный исход разговора, и еще меньше предполагал, что правитель будет ему симпатизировать. Но, как человек сообразительный и понимающий намек с полуслова, он сразу заметил расположение чиновника, и настроение его изменилось.

— Ах, ваша светлость! Знали бы вы, как мне жалко отказываться от этого брака! — воскликнул он. — В свое время, когда состоялся наш сговор, Цзинь Шэн дал мне клятвенное обещание, однако я, не особенно ему веря, потребовал договора, и свидетелями при его составлении стали два моих друга Чжан и Ли. В договоре указывалось — и это подтверждают слова той бумаги, — что его дочь раньше не была ни с кем обручена. Когда наступил день сговора, я потребовал прядь ее волос, которые до сих пор хранятся у меня. День и ночь я люблюсь ими и будто воочию вижу свою будущую супругу... И вот сейчас от меня, жениха Сяолана³¹, отказываются, как от какого-то бродяги! До спокойствия ли мне! Что касается договоренности с Чэном, то о ней никто ничего не знал и слыхом не слыхивал. Настоящая же причина, ду-

маю, в том, что я бедняк, а они богатые люди, вот отчего и вспыхнула вся эта распря!

На глазах юноши появились слезы. Он достал из рукава халата прежний договор вместе со сговорной карточкой и прядью волос.

Правитель области, внимательно ознакомившись с вещественными доказательствами, отдал подчиненным распоряжение:

— Отведите Чэн Юаня и свидетеля Чжао Сяо куда-нибудь в сторону, да подальше! — и обратился с вопросом к Цзиню: — Итак, верно ли, что твоя дочь обручена с Чэном?

— Истинная правда, ваша светлость! Она была с ним обручена!

— Если так, тебе не следовало отдавать свою дочь Ханю!

— Находился я в крайнем замешательстве, так как пришел тогда строгий приказ об отборе государевых дев... Напрочь забыл о прежнем своем обещании и не подумал, что выйдет из нынешнего сговора. Вот отчего так и получилось. По случайности вышло!

— Договор об обручении сам писал?

— Собственноручно!

— Есть ли в нем такие слова: «С младенческого возраста моя дочь не была ни с кем обручена?» Есть или нет?

— Торопился я, хотел поскорее кончить дело, потому и написал все, как он хотел... Но только в действительности не желал я этого.

Правитель ясно видел, что богач юлит. На его лице выразилось неудовольствие.

— Когда же был составлен договор с Чэн Юанем? Ответствуй! Скажи точно: в какой год, месяц и день?

Цзинь растерялся. После долгого раздумья он назвал какую-то дату: тогда-то и тогда-то.

Правитель велел ему удалиться и вызвал Чэна.

— Где доказательства того, что дочь Цзиня обручена с твоим сыном?

— Мы проделали все шесть церемоний... Какие еще доказательства?

— А кто сваты?

— Они остались в Хуэйчжоу!

— Покажи карточку твоей будущей невестки!

— Забыл я про нее, не захватил с собой...

Правитель усмехнулся.

— В каком году, месяце и в какой день вы составили договор о браке?

Чэн, подумав, назвал какой-то срок, который, как оказалось, совсем не совпадал с тем, что упомянул Цзинь. Правитель все понял, но, дабы удостовериться, вызвал свидетеля Чжао.

— Значит, ты свидетель... Откуда родом?

— Я местный житель.

— Если ты из Тайчжоу, откуда тебе известно, что было когда-то в Хуэйчжоу?

— Они же мои родственники!

— Коли так, скажи мне, когда был заключен брачный договор?

Чжао Сюэ назвал дату, которая никак не согласовывалась с первыми двумя.

Три хитреца, надеясь, что их дело пройдет в ямыне без сучка и задоринки, даже не удосужились договориться меж собой и сейчас путались в ответах. Они никак не предполагали, что правитель станет так придирчиво их расспрашивать, к тому же порознь. Что до чиновников ямыня, получивших взятки, то они, на смерть перепуганные, жались по углам, не решаясь вымолвить лишнего слова.

Так правда всплыла наружу или, как говорится, «вылезли лошадиные копыта».

— Ну и проходимцы! — вскричал правитель в гневе. — Вы посмели нарушить государевы законы, обманщики... Даже в то время, когда темные люди прятали своих дочерей, ты, Цзинь Шэн, не имел никакого права отдавать свою дочь сюэаю Ханю, если раньше договорился с Чэном. Между тем ты это сделал, и сейчас существуют неопровержимые доказательства: сговорная карточка и сам договор. Что до Чэн Юаня, то его история — сплошная ложь. А понадобилось тебе все это для того, чтобы задним числом устроить новый брак. Никакой прежней договоренности у вас, понятно, не было и в помине!.. Теперь о дате договора. Все вы назвали ее поразному. Что до свидетеля, то ведь он — житель Тайчжоу. Ясно, что вы спешно нашли его и подкупили, потому что не могли никого отыскать в Хуэйчжоу. Не так

ли? Возникает вопрос: зачем вы все это сделали? А потому, что Хань — бедный ученый. Вот почему возникла у тебя, Цзинь, гнусная мыслишка выдать свою дочь за племянника. Потому и сговорились вы вместе и задумали весь этот мерзкий обман!

Правитель вытащил три бирки с указанием наказания — каждому по тридцать ударов батогами. Обманщики взмолились о пощаде.

— Господин правитель! — воскликнул Хань, упав перед начальником на колени. — Явите свою милость! Ведь по нашему прежнему договору Цзинь Шэн как-никак доводится мне тестем. Нехорошо, если меж нами возникнет какая злая обида или того хуже — вражда! Прошу вас, простите его!

— Просьбу сюдая удовлетворяю и сокращаю наказание Цзиню наполовину! — сказал правитель У. — Однако же истца и свидетеля прощать не собираюсь!

Надо вам знать, что мошенники, заранее меж собой не договорившись, забыли сунуть взятку в суде, а потому их избили жестоко: кожа у них была иссечена до живого мяса. Они выли и стонали от боли, а Хань Цзывэнь с приятелями в это время стояли в сторонке и втайне радовались.

Правитель области перечеркнул прошение о прекращении дела и в согласии с прежним договором богача Цзиня написал свое заключение:

«Хань Цзывэнь искал себе жену, однако по причине своей бедности (в его доме лишь голые стены) так ее и не получил. Цзинь Шэн, у коего тысячи ящиков всякого добра, мог бы иметь мудрого мужа для своей дочери, но отверг его. Получилось так, что при выборе зятя он забыл о зеркале, помогающем разобраться в человеке, а потому вместо честного брака возник грязный извет. Прежний сговор с Чэном не подтвержден ни единым фактом, между тем как соглашение с Ханем весьма обоснованно. Посему юная дева должна принадлежать ученому Ханю, а сотня серебряных лянов поможет скрепить их брачный союз. Цзинь Шэну, Чэн Юаню и Чжао Сяо за учиненный обман и мошенничество определить наказание батогами».

Вынеся такой приговор, правитель области передал Хань Цзывэню сговорную карточку вместе с прядью волос и договор. Сюдай и его друзья, откланявшись,

удалились. По дороге домой приятели нещадно бранили Чэна, который шел рядом с ними, расстроенный неудачей.

— Старый осел! — ругал его Хань и друзья. — Наделал дел, нечего сказать!.. Ну, как после батогов? Не саднит?

Богач кипел от злости и обиды, но молчал, боясь обронить неосторожное слово. А тут еще одна незадача: пришлось вместе с Цзинем раскошелиться и задобрить Чжао Сяо деньгами, чтобы, как говорится, стыд прикрыть, — ведь пострадал он через них. Словом, Чэн Юань стонал от боли и ворчал от обиды, как в пословице: «Жену потерял и солдат не собрал»³². Но хватит о нем! Вернемся лучше к Хань Цзывэню.

Сюдай после всех этих передряг, опасаясь новых обманов, поскорее купил на все те же сто ляпов свадебных даров и в благоприятный день отослал их к Цзиню со своими друзьями Чжаном и Ли, которым поручил договориться о дне свадьбы. Богач Цзинь не посмел идти против начальства, которое благоволило к сюдаю, и отправился с будущим зятем в управу, чтобы выполнить нужные в таких случаях обязанности. Он не раскрывал рта и являл полное послушание, хотя и клокотал от злости.

Закончилась церемония с цветными свечами. Молодая жена Чжаося теперь воочию убедилась в редком уме и талантливости своего мужа, а также в возвышенности его духа и прелести облика. Что до его бедности, то это ли главное? Словом, молодые супруги крепко полюбили друг друга. Они наслаждались радостями, ну прямо как феникс со своею подружкой, и сетовали на родителя, который причинил им столько хлопот и беспокойств.

В общем, можно сказать поговоркой: заранее было известно, где лампа, где огонь, а рис все равно разварился. А посему не стоит об этом и говорить.

На следующий год экзаменатор Тянь Хун устраивал отборочные испытания³³. Хань Цзывэнь, заручившись поддержкой правителя У, был рекомендован на них как один из первых. На последующих осенних и весенних испытаниях³⁴ Хань Цзывэнь занял лучшие места, а его супруга тем самым стала знатной дамой. Что до богача Цзиня, то он со стыдом вспоминал о прошлом и

горько раскаивался в содеянном. Если бы он заранее знал, что все так получится, он охотно согласился бы отдать свою дочь сюэю даже в наложницы. Заключает нашу историю стихотворение:

Когда-то пришлось даже Люй Мэнчжэну
нищую жизнь влечь.
Под обличем бедности и героя
можно не различить.

Похвалы достойны честные люди,
их еще встретишь порой.
Мудр и честен был усский правитель —
поистине древний герой.

ОПРОМЕТЧИВАЯ ШУТКА

Вся жизнь человека предрешена,
случайностям не бывать.
Попутишь однажды, а шутка твоя
обернется правдой, как знать!

Толкуют, что все деяния человека будто бы предрешены заранее. Скажем, кто-то однажды пошутил ненароком или что-то смехом сказал, глядишь, а через некоторое время так оно и вышло. Или, например, гадания, которые устраиваются в канун Нового года. Все они часто сбываются. А что это значит? То, что во время разговора и шутиливой беседы где-то рядом затаились духи или бесы, невидимые глазом. Они-то и творили тот разговор. А значит, происходил он не случайно.

Вот, к примеру, в годы Высокого Успокоения¹ династии Сун проживал один состоятельный молодой человек по фамилии Ван, уроженец Чжэси — западного Чжэцзяна. Сдав очередные экзамены, он отправился как-то на весенние испытания в столицу и однажды под вечер оказался в квартале Яньлифап, где у него была назначена пирушка с друзьями. Проходя случайно мимо какой-то жалкой хижины, он заметил юную и весьма привлекательную девицу, которая жалась к воротам, бросая по сторонам беспокойные взгляды. По всей видимости, она кого-то ждала. Ван воззрился на красотку, но тут на улице послышались громкие крики и показалась группа всадников. Девушка тотчас спряталась за ворота. Ван потоптался на месте в нерешительности. Ему очень хотелось узнать, кто эта девица,

как зовут ее: Ли или Чжан, но, как на грех, поблизости никого не оказалось, и он последовал дальше. Было уже начало первой стражи, когда Ван, изрядно захмелевший, возвращался домой. По случайности ему вновь пришлось идти мимо того же самого дома, ворота которого на сей раз были закрыты, а внутри царила тишина. Не то что голоса человеческого не было слышно, не доносилось даже ни единого звука. «Интересно, есть здесь другой ход или нет?» — подумал Ван и рассмеялся. Приблизившись к левой стене, он пошел вдоль нее. Прошел всего несколько шагов и вдруг заметил дверцу, а перед ней площадку в чжан с небольшим. Дверь оказалась на запоре. «Красотка, которую я нынче увидел, непременно живет в этом доме... Эх, взглянуть бы на нее еще разок!» Он с тоской посмотрел на калитку. Уходить ему не хотелось. Вдруг возле него что-то шлепнулось, едва его не задев, — видно, со стены что-то упало. Он наклонился и поднял: кусок черепицы. Как раз в это время появилась луна и стало светло, как днем. На поверхности черепка молодой человек разобрал несколько слов: «Увидимся в этом месте поздней ночью». Хмельному Вану показалось это весьма забавным.

— Интересно, кто же с кем договаривается?.. Подшучу-ка я над ними!

Он отломил от стены кусок известки и, нацарапав на обратной стороне слова «Выходи после третьей стражи», закинул за стену. Затем отошел на несколько шагов в сторону и стал наблюдать, что будет дальше. Через какое-то время он заметил молодого человека, который приблизился к стене и принялся шарить по земле. Его поиски, по всей видимости, оказались напрасными. Ничего не найдя, он посмотрел на стену и, тяжело вздохнув, медленно удалился. Ван, стоявший в тени, хорошо это видел.

«С ним, наверное, и была у нее договоренность! Любопытно, кто там за стеной? Подожду немного, может, она и появится!» — решил он.

Высоко в небе сияла луна. Однако в третью стражу со всех сторон надвинулся густой туман. Вану, который уже успел протрезветь, очень хотелось спать. Он потянулся и зевнул: «Вместо того, чтобы идти отдыхать, я глупостями здесь занимаюсь. Вздумал неизвестно кого караулить!» — подумал он и улыбнулся. Он собрался

было уходить, как вдруг послышался скрип. Калитка отворилась, и показалась женская фигура. Луч луны осветил прелестное лицо. Позади девушки стояла старая женщина, наверное, мамка, с бамбуковой корзиной на спине. Женщины куда-то торопились. Ван вышел из своего убежища. Приглядевшись внимательнее, он узнал ту самую красавицу, которую днем видел возле ворот. Девушка, казалось, не проявила никакого испуга. Однако, когда Ван подошел к ней вплотную, она закрычала:

— Это не он, не он! — И в полной растерянности посмотрела на служанку. Мамка, приблизившись к юноше, протерла старые подслеповатые глаза.

— Никак чужой?.. Обратпо в дом! Живей!

Но Ван, загородив калитку, отрезал им путь к отступлению.

— Попробуйте теперь убежать!.. Подобаает ли девице из порядочной семьи вочью устраивать свидание? Стоит мне сейчас подать голос, и вас тотчас потащат в суд. Вас ославят, и позор падет на всю вашу семью!.. Словом, бежать вам нет никакого смысла!.. Должен сказать, хотя оказался я здесь случайно, однако эта встреча, как видно, была предрешена заранее. Так что следуйте за мной и не робейте. Знакомство со мной вас никак не унижит, ибо сам я цзюйжэнь, а приехал сюда на экзамены.

Девушка дрожала всем телом, из глаз ее ручьем лились слезы. Она не знала, что делать.

— И верно! — проговорила мамка. — Если поднимется шум, греха не оберешься! Следуй за господином цзюйжэнем, голубушка! Делать нечего! К тому же рассвет не за горами. Не ровен час увидит кто тебя, и тогда быть беде!

Девушка продолжала плакать, но, когда Ван взял ее за руку, она послушно пошла за ним. Они пришли в гостиницу, где молодой ученый остановился на постой, и он проводил девушку в комнату на верхнем этаже. Мамка осталась при ней. Когда девушка немного пришла в себя, Ван обратился к ней с вопросами.

— Я из семьи Цао, — рассказала красавица. — Отец мой давно скончался, и жила я с матушкой, у которой была единственной дочерью. Понятно, она очень любила меня и хотела выдать выгодно замуж... К нам в дом

захаживал сын тетки, с этим приятным и умным молодым человеком я не прочь была обручиться. Как-то попросила я свою кормилицу (ту старушку, что вы знаете) рассказать о моем желании матушке, но мать воспротивилась, потому-де что семья юноши слишком простая — ведь нет у них ни одного чиновника. Тогда я велела мамке снести с молодым человеком и нынешней ночью при помощи черепка дала ему знать, что открою калитку и с ним убегу. На куске известки, что он мне кинул, он писал, чтобы я вышла к нему в третью стражу. Ну, я и вышла, а там вовсе не он, а вы. Как это все приключилось — ума не приложу!

Ван, улыбувшись, поведал ей о том, что произошло. Кусок известки шутки ради бросил он сам. Потом появился тот юноша, поискал черепицу, но, не найдя, повздыхал и удалился.

— Это был он! — проговорила девица.

— А мне повезло! — рассмеялся молодой цзюйжэнь. — Наша встреча была предрешена лет пятьсот назад, и вот нынче она произошла!

Что оставалось делать бедной девице? Она уступила молодому ученому, которого к тому же нашла весьма не похожим на других. И так случилось, что молодые люди, нежданно встретившись, крепко полюбили друг друга. Но вот подошла пора экзаменов, на которых цзюйжэнь Ван, увы, провалился. Однако он несколько не огорчился, потому что его целиком захватила любовь к девушке. Радуясь, что они с утра и до вечера вместе, он позабыл о возвращении домой. Само собой, он иногда испытывал затруднения в деньгах, но его всякий раз выручала девушка, которая доставала их из бамбуковой шкатулки, где у нее хранилось золото, серебро и прочие драгоценности. Прошло несколько месяцев.

Отец Вана с нетерпением ждал возвращения сына. Но время летело, а сын все не приезжал. Отец спросил тех, кто вернулся из столицы, и ему рассказали:

— Ваш сын живет сейчас с одной девицей и души в ней не чает. До возвращения ли ему?

Разгневанный родитель послал в столицу двух слуг со строгим письмом, где требовал от сына возвращения. Вместе с этим он отправил своим столичным знакомым записку, в которой просил их поторопить Вана с отъез-

дом, а чтобы он не задерживался, дать ему денег на дорогу.

Что было делать юноше? Пришлось ему проститься с возлюбленной.

— Я должен ехать! — сказал он ей. — Но при удобном случае я непременно вернусь! Быть может, мне удастся уломать отца, чтобы он разрешил взять тебя в дом. Тогда я приеду за тобой быстрее. А ты пока живи здесь с мамкой и терпеливо жди моего возвращения.

Они простились в слезах. Приехав домой, Ван узнал, что отец получил повышение и должен вот-вот уехать в Фуцзянь. Сыну он наказал следовать с ним. Молодой цзюйжэнь побоялся говорить о девушке и отправился за отцом, терзаясь душой и поминутно вспоминая свою возлюбленную. Но об этом мы пока помолчим, а расскажем о красавице Цао.

Девушка по-прежнему жила с мамкой на постоялом дворе, ожидая возвращения молодого Вана. Деньги быстро таяли. Почти половину того серебра, что она взяла с собой, истратил Ван, а то, что осталось, шло сейчас на пропитание, и денег становилось все меньше. От Вана по-прежнему не было вестей. Встревоженная красавица велела кормилице узнать, что происходит в ее родном доме. Не возвратится ли ей обратно? И вдруг печальная новость — матушка, оказывается, скончалась. После исчезновения дочери она целыми днями плакала, а потом ее свалил недуг, и она умерла. Что до ее бывшего возлюбленного, сына тетки, то он, испугавшись, куда-то скрылся, и о нем не было ни слуху, ни духу. Узнав печальные новости, молодая женщина разрыдалась, а потом, посоветовавшись с мамкой, решила:

— Здесь у нас нет ни родных, ни знакомых. Значит, надо ехать к Вану на родину. К тому же от Бяньцзина до Чжэси путь не слишком велик... У нас осталось немного денег, как раз хватит на дорожные расходы. Другого выхода нет!

И она велела мамке нанять лодку.

Выехав из столицы, они добрались до Гуанлина, и здесь неожиданно оказалось, что деньги у них на исходе. А тут на беду заболела старая мамка, видно, схватила она в пути простуду. Проболела самую малость и умерла. Молодая женщина растерялась. Что делать, куда податься?

Надо вам знать, что Гуанлинь, или нынешний Янчжоу,— город богатый и достославный. Еще в древних стихах встречались такие строки: «Приехав в Янчжоу во вторую луну, увидишь множество дымных цветов»². А есть еще и такие слова: «Двадцать четыре моста, над ними луна в вышине. Красавицы будто из яшмы. И слышатся звуки флейты».

Издавна так повелось, что, если высокие чиновники или служивые люди, не говоря уже об отпрысках знатных фамилий, хотели найти себе прелестную наложницу, они непременно ехали в Янчжоу. Не случайно поэтому здешние улицы прямо кишели своднями, они так и падали взад и вперед. Одна из них сразу заметила красивую девицу, которая сидела в лодке и проливая горючие слезы. Сводня ловко сумела к ней подъехать, и красавица ей рассказала:

— Я еду из Бяньцзипа в Чжэси, мужа своего ищу. Со мной вместе ехала кормилица, но она вдруг умерла. Деньги у меня кончились, и теперь я не знаю, что делать. Вот я и плачу.

В этот момент подошла еще одна сводня.

— В таком деле надо непременно посоветоваться с Су Да,— проговорила она.

— А кто он, этот Су Да? — поинтересовалась девица.

— Весьма знаменитый в наших местах человек! Всякому может помочь в разных щекотливых делах.

Красавица пребывала в полной растерянности.

— Прошу вас, почтенные, сведите меня к этому человеку, не считите за труд! — попросила она.

Одна из женщин ушла, а через короткое время возвратилась с мужчиной. Подробно расспросив девушку, он позвал нескольких человек, которые подняли тело умершей старухи и зарыли тут же на берегу.

— А теперь собирайте ваши вещи и следуйте за мной! — сказал мужчина и, расплатившись с лодочником, добавил: — Поживете несколько дней у меня, а там решим, что делать дальше!

Он подозвал носильщиков паланкина и помог молодой женщине взобраться. Своей серьезностью и степенным видом он произвел на нее благоприятное впечатление, и она решила, что человек он, видно, хороший, а потому отправилась за ним без страха. Да и что ей оставалось делать, когда не было рядом советчика? Разве

могла она догадаться, что идет за известным янчжоуским мошенником и хитрецом, главарем местных угуев³ и начальником над «дымными цветами»? Одним словом, Су Да содержал певичек, которые завлекали в его заведение молодых богачей.

Когда паланкин приблизился к одному из домов, на встречу вышли несколько «напомаженных головок». Молодая женщина сразу поняла, что попала в ловушку. Но что делать? Куда деваться, кому жаловаться? Так она стала певичкой и получила имя Су Юань.

Тем временем цзюйжэнь Ван жил с отцом в Фуцзяни, домой он вернулся только через два года. Снова подошел срок столичных экзаменов, и он, сложив свои вещи, отправился на север. Случилось так, что путь его лежал через Янчжоу, где в одной судебной управе служил его родственник. Хозяин устроил в честь гостя угощение. Когда Ван сел за пиршественный стол, появились казенные певички, которые с низким поклоном поднесли гулявшим чару с вином. Ван заметил, что одна из певичек бросает на него украдкой взгляды, будто приглядывается к нему.

«Как она похожа на мою Цао из столицы!» — подумал он, внимательно посмотрев на женщину. Охваченный тревожными думами, он спросил у хозяина, как зовут певичку. Имя Су Юань ему ничего не говорило, и все же он не мог отвести от женщины взор. И чем больше он на нее смотрел, тем больше убеждался, что это — его возлюбленная. Захмелевший, он приподнялся со своего сиденья, словно собираясь уйти. Су Юань тут же подошла к нему с чаркой вина. Она взглянула на него как-то по-особенному, но ничего не сказала и только несколько слезинок, покотившись по щекам, упали в чару с вином. Ее лицо исказило страдание.

— Значит, это ты... — промолвил Ван, все сразу поняв. В его глазах стояли слезы. — Как ты здесь очутилась?

Молодая женщина во всех подробностях рассказала ему, что с ней произошло после того, как они расстались в Бяньцзине. Как покинула она столицу и отправилась на его поиски, как кончились у нее деньги и тогда ей пришлось стать певичкой. Смущенный и опечаленный юноша едва сдерживал слезы. Он отказался от вина и, сославшись на внезапный недуг, простился с

хозяином. Молодая женщина пошла за ним. Они пришли в гостиницу, где он остановился, и возлегли на ложе. И каждый рассказал о своих обидах и поведал о своих чувствах.

На следующий день Ван попросил своего родственника — янчжоуского судью пригнать угуя судом за то, что он взял в певички женщину из порядочной семьи. Так Су Юань вырвалась из низкого заведения. Потом они вместе отправились в столицу, а вскоре она родила ему сына, который со временем стал начальником крупного ведомства. Впоследствии они часто вспоминали свою историю. Да, подумать только, пьяная шутка с куском известки окончилась браком! Правда, красавица Цао чуть было не поплатилась жизнью, но, по счастью, все обошлось благополучно.

Ну, а сегодня я поведаю вам другую историю, где опрометчивое слово обернулось большой путаницей, которая, однако, закончилась для героя счастливо, и он в результате даже приобрел себе жену. Если рассказывать ее от начала до конца, она может показаться вам еще забавнее, чем первая. Но прежде послушайте стихи:

Пошутил и думать о шутке забыл,
а чем обернулась она!
Никто б не поверил, что будет красавица
вправду его жена.

Назвался зятем просто, для вида,
глядь — он и вправду зять!
Так может случайная оговорка
удачей нежданно стать.

В нашем рассказе пойдет речь о некоем Цзян Тине, или Цзян Чжэньцине, уроженце Юйхана Ханчжоуской области провинции Чжэцзян, который жил в эпоху Завершенного Преобразования⁴ нашей династии. Принадлежа к сословию ученых-конфуцианцев, этот человек обладал, однако, правом свободным и даже немного легкомысленным, был лишен какой бы то ни было мелочности и весьма горазд до всякого рода затейливых шуток. Дома он сидеть не любил, а больше путешествовал по водам и горам, проводя на лоне природы не только многие дни, но даже и месяцы. Однажды ему в голову пришла мысль побывать в Шаньине, о котором он был понаслышан. «Толкуют, что это превосходное ме-

сто, — думал юноша. — Там, говорят, необыкновенной красоты высокие кручи, а в расселинах скал журчат горные ручьи. Почему бы мне туда не съездить? Да и от Шаосина ⁵ это совсем недалеко!»

В это время два купца, его земляки, как раз собирались по торговым делам в Южпоречье, и он присоединился к ним. Переправившись через Цяньтанцзян, они взяли в Сисине почную лодку ⁶, которая быстро доставила их до Шаосина. Купцы занялись своими делами, а молодой человек отправился по окрестностям. Юноша посетил беседку Ланьтин ⁷, Пещеру Юя ⁸, горы Цзишань ⁹, Зеркальное озеро ¹⁰ и много других дивных мест, которые доставили ему безмерное удовольствие. Но вот его знакомцы закончили торговые дела, и они вместе двинулись в обратный путь.

Случилось так, что однажды под вечер им пришлось проходить мимо места под названием Чжуцзи. Вокруг путников расстилались зеленые поля, но людей нигде не было видно. Внезапно с неба упало несколько капель, а через мгновение разразился ливень. Путники как на грех не захватили с собой ничего от дождя. Они бросились со всех ног к лесу и, когда добежали, запыхавшись, до его опушки, заметили дом.

— Какая удача! Укроемся здесь!

Они подбежали к воротам, крытым двускатной крышей с желобами для стока воды. Одна створка ворот была заперта, вторая — полуоткрыта. Цзян, шагнув вперед, толкнул ее рукой.

— Экий ты бесцеремонный, брат Цзян, — сказал ему один из торговцев. — Лезешь в чужой дом, не узнав даже, кто в нем живет! Давай лучше постоим под воротами!

— Еще чего! — рассмеялся молодой человек. — Здесь живет мой тесть!

— Что ты городишь? Беду накличешь! — вмешался второй купец. А дождь все усиливался.

Вдруг обе половинки ворот широко распахнулись, и к путникам вышел нетвердой походкой старец. Вы спросите, каков был его вид. А вот послушайте:

Пальцы — имбирные корни —
посох сжимают резной,
Рукоять его странно схожа
с бородатю головой.

На шапку из веток бамбука
косо наброшен плат,
Седые длинные пряди
из-под шапки торчат.

С широчеными рукавами
длинный на нем халат.
Туфли с высокими каблуками
довершают его паряд.

Ногп то вскидывает, как журавль,
выступая гордо вперед,
То, волоча их, как черепаха,
еле-еле бредет.

Похож на старца, что отдал Чжан Ляну
книгу некогда встарь ¹¹,
Или на старцев, которых звал
ко двору Гаоцзу-государь ¹².

Как потом оказалось, старца звали Тао и слыл он в здешних местах богачом. Человек прямой и честный, он был к тому же гостеприимным, доброжелательным хозяином. Вот и сегодня, услышав голоса на дороге, он решил посмотреть, кто схоронился под воротами и пытается их открыть. Тут-то он и услышал шутку, которую опрометчиво бросил молодой человек. Рассерженный старик, так и не дойдя до ворот, вернулся в дом и рассказал об этом жене.

— Каков наглец, невежа!.. Нет, не стану приглашать в дом таких грубиянов!

Заметив, однако, что дождь усиливается, он пожалел путников и скрепя сердце решил впустить их, но только не того острослова, на которого сильно осерчал. Увидев, что путников трое, старик, потоптавшись на месте, спросил:

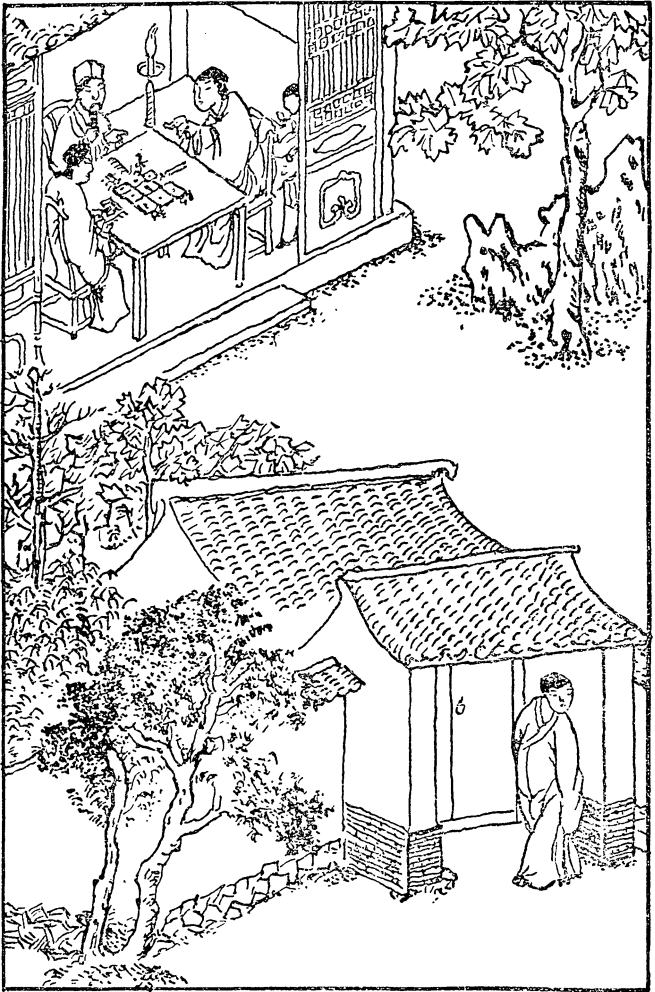
— Кто из вас сказал, что я его тесть?

Цзян, поняв, что сел в лужу, вспыхнул, даже мочки ушей заалели.

— Простите! Извините! — вскричали купцы, видя, что старик сильно рассержен.

Хозяин по их поведению сразу понял, кто допустил глупую шутку.

— На вас, почтенные, я не обижаюсь, потому прошу в свою скромную хижину. Отдохните! Что касается этого господина, который годится мне в сыновья, то, су-

дя по его поведению, он вам не чета, а посему в дом ему идти не обязательно. Пускай обождет снаружи!

Он потянул за рукав растерявшихся и смущенных торговцев и, едва они переступили порог, с шумом захлопнул ворота. Оба купца вошли в гостевую комнату и сели, а потом, как водится, завязали с хозяином разговор и назвали себя. Гости рассказали о том, как все трое попали под дождь и решили укрыться под навесом.

— Ваш попутчик,— заметил старик с возмущением,— вел себя до крайности невежливо. Сразу видно, что от него можно ожидать любой пакости. Я так считаю, что вам не стоит с ним записаться.

Купцы извинились за юношу.

— Его зовут Цзяном,— сказал один.— Он еще молод годами и несколько опрометчив в поступках. Но поверьте, он не хотел вас обидеть и пошутил без всякого злого умысла. Не стоит принимать его слова близко к сердцу.

Но хозяин стоял на своем. Он поставил перед гостями вино и закуски, однако ж того, кто стоял у ворот, так и не позвал. Гости не стали перечить хозяину, который, как видно, был сильно рассержен, и сидели не раскрывая рта. К чему заступаться за этого невежу и упрямить старика? Пускай пеняет на себя! Как будет, так и будет!

А Цзян один-одинешенек стоял под навесом закрытых ворот, раскаиваясь в глупой шутке, которая так обидела старика. Тем временем стемнело. Юноша решил покинуть пустынное место, но побоялся идти один в такой поздний час, да еще под дождем, и, смирившись с судьбой, стал ждать попутчиков. Между тем дождь перестал, и в просветах меж тучами появилась луна. Через некоторое время голоса в доме стихли.

«По всей видимости, пошли спать! — подумал Цзян.— Чего же я здесь торчу? Надо уходить, покамест светит луна! Вон какая дорога светлая!» Однако в голову пришла и другая мысль: «То, что на меня осерчал старик,— это понятно. Но как могли мои спутники бросить меня одного? О себе только думают!.. А, может быть, они все-таки и обо мне позаботились, может, стоит их подождать?» Молодой человек находился в нерешительности. Вдруг по другую сторону стены послышался голос.

— Не уходи!

«Так и есть, не забыли меня!» — сказал себе Цзян, а вслух промолвил:

— Понял!.. Не уйду!

— Прими-ка вещи! Ну-ка держи! — сказал тот же голос.

«Вот мошенники! Сначала поели за счет старика, а потом решили его ограбить!» — подумал молодой ученый.

— Понятно! — сказал он.

Цзян ждал, что последует дальше.

Со стены что-то шлепнулось наземь. Юноша подошел и увидел два узла из одеял. Он поднял один и прикинул в руке — узел оказался довольно тяжелым, в нем что-то было завернуто, очевидно, золотые или серебряные украшения. Цзян вскинул узлы на спину и пошел прочь, боясь, как бы не появился хозяин. Пройдя больше сотни шагов, он остановился и обернулся. Ворота были уже далеко. И тут он заметил на стене две человеческие фигуры. Люди спрыгнули со стены вниз.

«Вот и они! Пойду-ка я вперед, не буду дожидаться! Не ровен час за ними еще погонятся!» — решил он и вновь зашагал по дороге. Через некоторое время он вновь оглянулся. Оба человека не спеша шли следом. Цзян прошел еще какое-то время. «Если меня нагонят, содержимое этих узлов придется делить поровну! — с огорчением подумал он. — А что, если заглянуть в тюки и, пока они плетутся позади, взять самое ценное? Все равно ведь ворованное!»

Остановившись, он развязал узел, достал какие-то золотые украшения и сунул в свою поклажу, а деньги и разные ткани положил обратно. Подхватив узел, он снова двинулся в путь. Оба человека шли по-прежнему сзади. Он приметил, что, когда он возился с узлом, они остановились, но стоило ему пойти, они тут же двинулись следом. Их темные фигуры все время находились в некотором отдалении и хорошо различались на прямой, будто стрела, дороге. Так они прошагали почти полночи. Запаялся рассвет. Цзян увидел, что оба человека ускорили шаг, будто собирались его нагнать.

«Теперь можно их обождать. Вместе пойдем!» — решил Цзян. Когда они подошли ближе, он, к своему изумлению, увидел, что перед ним не купцы, а две незнако-

мые женщины. Одна из них, одетая в темную шелковую кофту и повязанная льняным платком, была настоящей красавицей. Вторая, с двумя торчащими пучочками на голове, в синем бумажном халате, похоже была служанка. Обе женщины разглядывали юношу с удивлением и страхом, а потом, повернувшись, бросились прочь.

— Куда? — Цзян преградил путь красавице. — Следуйте немедленно за мной, надо поговорить! Если станете сопротивляться, отправлю в суд!

Красавица низко опустила голову и, не проронив ни звука, пошла за ним следом. Скоро на их пути показалась харчевня, в которой Цзяну удалось снять для женщин тихую светлую комнату на верхнем этаже.

— Это моя жена, а идем мы на богомолье, — объяснил он хозяину, скрыв от него правду. — Приготовь-ка нам, любезный, завтрак!

У хозяина, понятно, не возникло никаких подозрений. Да и какие могли быть сомнения? Мужчина и женщина вполне приличные, да еще со служанкой! Он принес путникам завтрак.

Цзян тихо спросил молодую женщину, кто она.

— Я из семьи Тао, а зовут меня Юфан — Юный Аромат, — промолвила девушка. — Я — дочь того человека, которого вы видели возле ворот, а матушка моя из фамилии Ван... Еще в детстве меня обручили с неким Чу из нашей волости, а он вдруг возьми да ослепни. Я не захотела выходить замуж за слепца и сговорилась убежать со своим дальним родственником Ваном. Есть один такой красавец-юноша, которого я избрала своим суженым. Мы назначили срок — бежать пынешней ночью. Но так получилось, что за вчерашний день от него не было вестей, а, когда наступил вечер, отец вдруг сказал, что возле ворот стоит какой-то человек.

— Кличет меня своим тестем! — сказал он. — Всякий вздор городит, даже противно!

— Ну, я и смекнула, что это, конечно, мой Ван, с которым мы назначили свидание. Собрала поживее вещи, и мы со служанкой Шицуй перелезли через стену. Вижу, вдали по дороге идет человек с узлами. Думаю, значит, это он, однако приближаться не стала, потому как боялась, что кто-нибудь увидит. И только когда подошла ближе, поняла, что совершила ошибку... Вот и

получилось, что и дом и любимого своего потеряла. Нельзя мне туда возвращаться!.. Потому и пошла за вами. Что мне оставалось делать?

— Видно, само Небо предназначило нам эту встречу! — воскликнул обрадованный Цзян. — Слова мои оказались пророческими! Беспокоиться вам, однако, не следует, так как я живу один, без семьи. Спокойно идите за мной!

Цзян расплатился с хозяином за завтрак и напаял лодку. Купцов-попутчиков он дожидаться, понятно, не стал. Они тропулись в путь и с несколькими пересадками добрались до Юйхапа. Его домашние, конечно, спросили о молодой женщине, и Цзян объяснил, что ее просватали за него друзья с соблюдением всех положенных церемоний.

Надо вам знать, что Тао Юфан, войдя в новую семью, во всех делах проявляла большой ум и радение, а с Цзяном они жили душа в душу. Через год она родила ему сына. Но всякий раз, когда она вспоминала свой дом и престарелых родителей, ее охватывала печаль и она не могла сдержать слез. Как-то она сказала мужу:

— В свое время я думала, что совершила недостойный поступок, отвергнув слепца, но сейчас не раскаиваюсь в содеянном, потому что нашла вас. Единственно, что меня огорчает, — это мои старые родители, которые остались одни, без всякой опоры. После моего бегства они, наверное, очень тоскуют... Прошло больше года, а я о них ничего не знаю. То и дело я их вспоминаю и не нахожу покоя, если так будет продолжаться и дальше, я, наверное, заболею... Я думаю, что они не станут меня особенно корить, если узнают, что я стала чьей-то женой, они ведь очень любили и лелеяли меня, будто жемчужину. Прошу вас, придумайте что-нибудь, чтобы получить от них весточку!

— Есть у меня приятель Юань Тайши, который занимается учительством. Он часто бывает в Чжуцзи. Я с ним посоветуюсь! — ответил муж после некоторого раздумья.

Он тут же отправился к другу и во всех подробностях рассказал ему историю своей жены.

— Я знаю этого Тао. Мы несколько раз с ним встречались. Очень достойный старик! — проговорил

Юань.— При случае я непременно замолвлю за тебя слово и постараюсь уладить дело. Думаю, что все обойдется!

Цзян, поблагодарив хозяина, отправился домой, чтобы поскорей успокоить жену. Но об этом мы пока умолчим.

А сейчас мы вернемся к тому злополучному дню, когда старый Тао принимал заезжих купцов. Итак, все отправилось на покой. На следующий день старик принес гостям завтрак, который они с благодарностью съели. Потом поднялись из-за стола и отклащались. Старик вышел их проводить за ворота.

— Интересно, где ночевал тот вчерашний шалопай? — засмеялся он.— Поделом ему, может, впредь не станет безобразничать!

— Нас не дождался и, видно, ушел,— заметил один торговец. Когда его разыщем, непременно дадим ему нагоняй! А вы, почтенный, не слишком близко принимайте его слова к сердцу!

— Я немного остыл!.. А вот вчера действительно взорвался. Очень крепко на него озлился!

Они распрощались, и гости ушли, а старик отправился в дом. Только он вошел во двор, как видит, бежит навстречу перепуганная служанка.

— Хозяин! Хозяин! — кричит, а сама едва не задыхается.— Беда! Дочка твоя пропала!

— Чего ты мелешь? — Обеспокоенный старик поспешил в дом, где его встретила плачущая жена.

— О Небо!.. Дочка моя! Где ты, моя ненаглядная! — закричала она в голос и грохнулась оземь.

Из дальнейших расспросов старик Тао узнал:

— Ночь она как будто проспала в своей комнате. А вот когда встала, сказать не могу, так как готовила завтрак для гостей. Когда они ушли, я велела служанке позвать дочку завтракать, а ее там нет, и все сундуки настезь. И служанка Шицуй исчезла вместе с ней. Куда они делись, ума не приложу!

— Как же так случилось? — встревожился старик.

Одна из служанок сказала:

— А, может, ее утащили нынешние постояльцы? Что, если они какие злодеи?

— Не городи! — обрезал хозяин.— Они впервые в наших краях и расстались мы по-хорошему. Не могли

они этого сделать! Да и тот, третий, которого я обидел, — тоже вряд ли причастен. Он ведь остался за воротами! Скорее всего, она с кем-то сговорилась, а нынче, пока сидели гости, под шумок и убежала... За это время ничего за ней не замечали?

— Хозяин! Догадка ваша верная! — проговорила одна из служанок. — Дочка твоя сильно страдала из-за того, что ее выдают за незрячего, и плакала часто. А мила ей был один парень из семьи Ван. Она часто через Шицуй передавала ему всякие весточки. Может быть, с ним она и ушла?

Старик нашел, что в словах служанки что-то есть, и послал к Ванам человека тайно все разузнать. Оказалось, молодой Ван как ни в чем не бывало сидел в это время дома, и посланец ничего подозрительного не заметил. Старик растерялся.

«Видно, лучше помалкивать и сор из избы не выносить! — сказал он себе. — А что до слепого Сюя, то договор с ним надо расторгнуть, а если он не согласится, придется отдать ему в жены служанку. Одно только плохо — дочку мы потеряли и будет теперь в доме пусто!»

Он рассказал о своем решении жене, и они, расстроившиеся, всплакнули.

Через какое-то время слепец Сюй умер, и эта смерть добавила старикам печальных дум и волнений.

— Видно, оттого рано умер, что потерял нашу дочку, — сокрушались старики.

Прошло более года. Однажды у дома Тао появился гость. «Юань Тайши из Юйхана», — прочитал старик в визитной карточке и вышел гостю навстречу.

— Каким ветром вас занесло в наши края, почтенный Юань?

— Давно не видел здешних друзей. Дай, думаю, их проведаю. А тут как раз подвернулась оказия... Вот и переправился через реку.

Старик проводил гостя в дом и угостил вином. Они поделились последними новостями, и взаимно правдивыми и сомнительными.

— С год назад случилась у нас одна странная история... причем толкуют, что произошло это как будто на самом деле!

Старик заинтересовался.

— Один юноша, решив развеяться, надумал странствовать в чужих краях. На обратном пути в одном доме он допустил опрометчивую шутку, которая, как ни странно, принесла ему жену, и живет он с ней душа в душу. Говорят, что женщина будто бы из ваших краев. Вы об этом не слышали, почтенный?

— А как фамилия девицы? — полюбопытствовал старик.

— Вроде Тао... как и ваша.

— Неужели моя дочь? — воскликнул хозяин в изумлении.

— А имя у нее как будто было Юфан. Лет ей около осьмнадцати. При ней еще была служанка, молоденькая Шицуй!

— Точно, моя дочка! — промолвил старик Тао и даже вытаращил глаза. — Как же она там оказалась?

— А разве вы забыли тот вечер, когда в непогоду к вам постучали в ворота? Один из путников сказал тогда, что здесь, мол, дом его тестя, и вы оставили его за воротами.

— Верно, было такое!.. Только я раньше с ним никогда не встречался, да и после того ничего о нем не слышал... Как могло случиться, что дочка ушла с этим человеком? Ума не приложу!

Юань рассказал старику все, что велел ему Цзян.

— Удивительная история! — добавил он. — Один пошутил, другой осерчал, третий обозначился... а в результате — свадьба. Сейчас у них уже растет младенец. Не хотите ли их проведать?

— Понятно, хочу!

Весь этот разговор слышала старая Ван, которая в это время стояла за ширмой. Не выдержав, она выбежала из своего убежища и, рыдая, упала перед гостем на колени.

— Она у нас одна-единственная дочка! Как ее потеряли, все время по ней плачем, не переставая... Жизнь нам, старикам, совсем опостылела! Ваша милость, сделайте так, чтобы мы свиделись с дочкой! Век вас не забудем и щедро отблагодарим!

— Понимаю, что вам не терпится с ней увидеться! — проговорил Юань. — Но только мне кажется, что вы еще сердитесь на Цзяпа. Из-за этого он не решается с вами встречаться!

— Какие могут быть обиды? — воскликнул Тао. — Поскорее бы увидеть дочку... Счастье-то какое!..

— Между прочим, ваш зять происходит из славной и досточтимой семьи и брак с этим человеком совсем не позор... Словом, если вы не таите против него зла, я возьму вас с собой!

Обрадованный старик быстро сложил пожитки, и они отправились в Юйхан. У ворот дома Цзяна они остановились, и Юань вошел один. Он рассказал приятелю обо всем, а затем они вместе вышли к гостю. Хозяин проводил старика в гостевую залу, куда пришла и Юфан. Когда Юань удалился, отец с дочерью, плача, бросились друг к другу в объятия. Старик пригласил дочь с мужем к себе, и дочь, сильно соскучившаяся по матери, с радостью согласилась. Все вместе они отправились в Чжуцзи. Наконец мать и дочь встретились после долгой разлуки.

— Я уж решила, что больше тебя не увижу! — проговорила старуха, заливаясь слезами. — Думала, не доживу до этого дня!

Несколько служанок, стоявших рядом, вытирали слезы. Но вот прошла первая радость встречи, и Цзян Чжэньцин, склонившись перед тестем и тещей в низком поклоне, попросил у них прощения.

— В тот раз, во время своего путешествия с купцами, я допустил глупую шутку, чем вызвал ваш гнев. Простите меня!.. Ваша дочь приняла меня за другого, наша неожиданная встреча привела к счастливому браку, и так оказалось, что вы и на самом деле мой тесть. Трудно было предположить, что шутка повлечет за собой такие события...

— Как видно, те слова вложило в твои уста само Небо! — рассмеялся старик. — Потому все так складно и получилось! Ваш союз, по всей видимости, был предначертан заранее! А коли так, за что мне тебя винить!

В это время у ворот появился Юань с подарками по случаю радостного события. Старый Тао достал парчовую ткань и несколько лянов серебра и попросил его быть сватом. Тут же устроили пир, на который пригласили всю родню. Цзян Чжэньцин и его жена, как положено, совершили поклоны Небу и Земле и были наречены супругами, после чего получили богатые дары.

Они уехали к себе домой, где дожили до глубокой старости.

Таким образом, если бы в тот раз молодой Цзян не обронил своей шутки и не остался бы из-за нее за воротами, а, наоборот, вместе с обоими приятелями вошел в дом и стал распивать вино, вряд ли бы ему удалось приобрести себе жену. И неизвестно, с кем бы ему пришлось жить теперь. Отсюда следует, что все предопределяется заранее, как хочет Небо, так все и получится.

Наш рассказ восходит к истории, помещенной в книге Чжу Чжишаня «Вольные истории с Западной горы Дровосека»¹³, содержание которой весьма презабавно. Беда только в том, что какой-то неуч придумал еще одно повествование под названием «Записи о супружеском покрывале», в котором соединил три-четыре сюжета из юаньских драм¹⁴, например, о том, как в ските Нефритовой Чистоты происходит ошибка с супружеским одеялом, или о цирюльнике Сюй Да из Цзядина, который пытался украсть невесту¹⁵. Словом, надергал оттуда и отсюда, из-за чего все у него перепуталось, так что трудно связать концы с концами. Вот почему я сегодня вновь поведал миру эту историю, взяв за основу старое и истинное повествование. А доказательством этому служит стихотворение:

Думал, что шутит, но вдруг — жепат!

Судьба решает за нас.

Жизнь человека расчислена впрок —

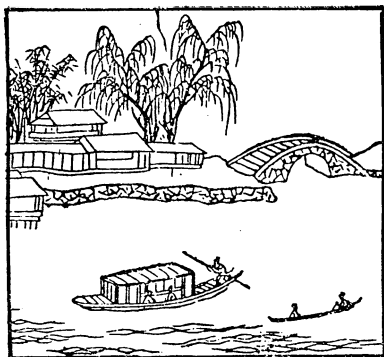
об этом и наш рассказ.

Некий писака, не ведая истины,

лживую повесть наплел,

Поэтому нам и пришлось ее вновь

правдиво поведать сейчас.

ЛЮБОВНЫЕ ИГРИЩА ВЭНЬЖЭНЯ

В стихах говорится:

Разве может вино опьянить того,
кто давно уже пьян?
Разве женские чары прельстят того,
кто страстью давно обуян?

Но суд над ним в трех поколениях —
слишком суровый урок.
Нужно только, чтоб мудрости меч
мысли дурные отсек.

Рассказывают, что прочные любовные союзы обычно складываются в течение трех поколений, только тогда меж супругами царит мир и спокойствие, как в поговорке: «Власами они соединились, а пищу подносили на уровне бровей»¹. Однако многие, забыв эту истину, тратят без меры золото или нефрит драгоценный в надежде добиться желаемого, но, увы, ловят они свое счастье впустую. Правда, бывает иначе. Живет какой-нибудь бедняк вроде Сыма Сянжу, и в доме у него одни голые стены. Однако Небо определило ему совсем иную судьбу. И вот неожиданно-негаданно встречается он под стать себе девицу, на других совсем не похожую, и получает ее в жены, хотя раньше не обручался, не засылал сватов и даже вовсе не был с нею знаком. Но как еще в древности говорили:

В прошлом смелись пити их судеб,
и был предрешен их брак.
Где-то растут волшебные персики²,
сулящие множество благ.

Из стихов видно, что брачный союз — дело нешуточное. В связи с этим припоминаются нам разные истории, которые случались не только в древности, но и в наши дни. Вспомним, к примеру, таких удалцов, как Кунь-лушский раб³, или Гость в Желтом Халате⁴, или, наконец, писмоводитель Сюй⁵. Их деяния в свое время потрясли Небо и Землю, о них на протяжении нескольких поколений рассказывают легенды. А почему? Потому, что эти смельчаки, дабы способствовать соединению влюбленных, преодолели всевозможные преграды и прошли великие испытания. Что же до обычных людей, то они при виде какой-нибудь прелестницы готовы, как говорится, только стащить курицу или пса. Словом, свершают они самые недостойные поступки, ибо, страстями кипя, алчно желают лишь плотской связи с красоткой. Они строят премудрые планы, один другого диковиннее, в надежде добиться хоть капельки удовольствия, а в результате только поганят семью и марают имя свое. Нередко получается, что из десяти подобных ловцов удачи девять вконец пропадают и никто даже не знает, где они похоронены.

Рассказчик! А ведь в нашей жизни бывает и не так! Сколько сластолюбцев добивается своего, скольким мошенникам обман сходит с рук! И разве погибают они все до единого?

Эх, почтенные! Как вижу, невдомек вам, что каждый клевок, каждый глоток имеет тайную причину. Вот, скажем, былинка в поле или дикий цветок. Разве они появились случайно? Конечно, нет! Вы толкуете о сластолюбцах да мошенниках, которые-де в конце концов добиваются своего. А отчего все так получается? Оттого, что было определено им судьбою соединиться с той женщиной. Или, скажем, какому-то проходимцу удалось смошенничать. И оно не случайно! Значит, Небо в тот момент благоволило этому человеку за что-то, определив ему такое удовольствие. Только мелких проказников вряд ли можно сравнить с теми безумцами, которые, осатапев от страстей своих, устремляются очертя голову к гибели.

Нынче мне как раз хочется вам поведать об одном человеке, который, скрывшись под женским обликом, творил обман и блуд, чем в конце концов и сгубил себя.

Жил в свое время в Сучжоу один состоятельный че-

ловец, владевший большим поместьем, которое одной своей стороной примыкало к монашескому скиту под названием Обитель Заслуг и Добродетели, построенным, к слову сказать, на деньги этого богача. В обители проживали пять молодых монахинь — страпниц, «в облаках парящих», среди коих одна (по фамилии Ван) выделялась редкой красотой и необъятным сластолюбием. Хотя она и была самой молодой — всего двадцати с небольшим лет, — однако по замыслу хозяина поместья именно ее назначили настоятельница. Надо вам знать, что монахиня Ван была личностью выдающейся. Первоначально любила она порассуждать о всякой всячине и, к слову сказать, умела плести словеса такие цветистые, что прихожанки из знатных семей, с которыми обычно зналась настоятельница, внимали этому суесловию с превеликим удовольствием. Другим ее качеством было то, что мягко и вкрадчиво могла она поведать о чувствах человеческих, а потом, улучив подходящий момент, оказывала кому надо поддержку. И, наконец, была она большой искусницей: красиво вышивала и складно составляла письма. Не удивительно, что многие жены из знатных домов призывали ее к себе или сами шли в скит за советом. Игуменья часто покидала обитель, посещая богатые дома и простых селян, когда кто-то из них хотел испросить себе чадо или свершить молебен от разных бед и несчастий. Обычно после таких посещений монахиня приглашала прихожанок в скит для душевного разговора. Женщины часто оставались в обители на ночь и располагались с удобством, так как в храме было семнадцать тихих келий с постелями. В обители постоянно толклись богомолки, которые порой оставались здесь даже на несколько дней. Правда, надо заметить, не все они, однажды посетив храм, снова шли туда с такой же охотой. Некоторые наотрез отказывались. Что до мужчин, то им доступ в обитель был строго-настрого воспрещен, и они, боясь сделать какую промашку, монахинь не беспокоили, ибо знали, что от богача-покровителя на сей счет дано указание: праздных людей в храм не пускать. Понятно, никаких подозрений в отношении скита никто не имел. Вот отчего богомолки в храме, среди которых было немало женщин из знатных семей, день ото дня становилось все больше и больше.

Однако оставим досужие разговоры. Как-то в Сучжоу

появился судья по уголовным делам — некий Юань из Чанчжоу. Он приехал в эти места вместе со столичным следователем по особым поручениям. Помещение близ следственного ямыня, где Юань изучал судебные кляузы, было на редкость неудобным и душным, особенно в такую жаркую погоду, какая стояла в ту пору. Поэтому судья решил сменить его на более просторное. Уездные власти помогли ему найти дом в поместье того богача, о котором шла речь. Однажды под вечер, когда гость прогуливался по двору, его внимание привлекла высокая башенка, стоявшая в отдалении, из которой, как подумал судья, можно было бы удобно обозревать окрестности. Он поднялся по лестнице наверх. По всей видимости, сюда давно уже никто не заходил, потому как повсюду лежал густой слой пыли, а окна затянула паутина. Башенку насквозь пронизывал ветерок, и в ней царил прохлад. Наслаждаясь блаженным покоем, судья долго стоял, устремив взор вдаль, пока случайно не заметил в ските, что стоял напротив, небольшое строение, а в нем группу молодых женщин, оживленно беседующих с красивой монахиней. Из домика, наподобие башни, доносился веселый смех. Судья припик к стене, так чтобы его не заметили, и стал наблюдать. Женщины, тесно прижавшись друг к другу, обнимались и целовались. Так продолжалось довольно долго.

— Странно! — судья покачал головой. — Какое странное поведение! Очень подозрительно!

На следующий день он спросил у слуги:

— Скажи-ка, любезный, что за храм стоит слева? Он принадлежит вашему поместью или нет?

— Это — Обитель Заслуг и Добродетели, а построил ее наш хозяин.

— Кто же в ней обитает, монахи или монахини?

— В ней живут пять монашек.

— А богомольцы или монахи сюда, часом, не заходят?

— Ну что вы! В ските живут одни лишь монашки! Наш хозяин запретил появляться мужчинам, а о монахах и говорить не приходится! Поэтому ходят сюда только женщины — и все из знатных домов... Идут нескончаемым потоком чуть ли не каждый день...

Сомнения судьи после разговора со слугой не рассеялись, а, когда зашел местный начальник уезда, он пове-

дал ему о своих подозрениях. Уездный правитель выделил для столичного чиновника команду солдат, которые во главе с судьей направились в скит. Паланкин чиновника остановился подле глухой степы, окружавшей обитель со всех сторон.

Неожиданное появление начальника вызвало в храме замешательство. Судья сразу заметил, что его встречают лишь четыре монахини. Пятой, которую он видел вчера, среди них не оказалось.

— Мне сообщили, что у вас проживает пять инокинь.. Куда же девалась пятая?

— Наша игуменья?.. Отлучилась куда-то...

— У вас, кажется, есть дом наподобие башенки? Может, настоятельница там?..

Монахини чувствовали себя не в своей тарелке.

— Нет-нет, здесь только наши кельи.. никакой башенки нет! — промолвила одна.

— Браки! — чиновник приказал солдатам обшарить скит. Они обошли все кельи, но домика, что искали, не обнаружили.

— Чудеса! — проговорил судья в крайнем удивлении.

Тогда он решил пойти на хитрость. Подозвав к себе одну из монахинь, он спросил ее о каком-то пустяке, а потом велел солдатам увести ее в сторону, а сам подозвал других.

— И вы еще смеете лгать? — прикрикнул он на них.— Ваша подружка во всем созналась! Она, кстати, признала, что есть такая постройка наподобие башенки. Обмануть меня хотели! Какая мерзость!

— Колодки сюда! — крикнул он стражникам.

Монахинь обуял смертельный ужас.

— Есть, есть такая постройка!.. — вскричала какая-то монахиня.— В одной нашей келье за ложем имеется дверца, заклеенная бумагой. Там есть туда ход...

— Что ж вы скрываете от меня?

— Мы бы не посмели, ваша светлость, но там сейчас находятся молодые богомолки из знатных семей. Вот отчего мы побоялись сказать!

Судья приказал открыть тайную дверцу. Вместе с пятью стражниками он проник в извилистый лаз, который заканчивался лесенкой. Судья остановился. Наверху слышались разговор и смех.

— Вперед! — приказал чиновник стражникам. — Если увидите среди них монахиню, влеките ее сюда!

Служивые бросились наверх. В башенке они обнаружили трех женщин и двух юных дев, которые вместе с монахиней сидели за столом и распивали вино. Увидев солдат, перепуганные женщины вскочили со своих мест и бросились кто куда. Однако стражники их не тронули. Они схватили лишь молодую монахиню, которую тут же потащили к судье.

Когда инокия, к слову сказать, весьма миловидная и изящная, предстала перед чиновником, он спросил, где находится ее келья, и послал солдат произвести в ней обыск. Солдаты обнаружили в комнате девятнадцать белых шелковых платочков, замаранных первой девичьей кровью, а еще нашли книжицу с фамилиями женщин, которые оставались здесь на ночь. В книжице подробно было записано, кто и когда посетил скит, с кем происходило соитие, какая из богомолок оказалась невинной девой, а какая зрелой женщиной. Судья пришел в страшную ярость. Как говорят в подобных случаях: волосы от гнева у него поднялись на макушке и даже приподняли шапку. Он приказал всех монашек вместе с настоятельницей тащить в ямынь. Что до тех богомолок, которые находились в ските, то они, так ничего и не уразумев, спешно покинули обитель и разъехались в паланкинах по домам.

Судья, приехав в ямынь, тотчас приказал принести пыточный инструмент.

— Ваша светлость, в чем мы провинились? Мы не нарушали законов! — взмолились монахини.

Судья велел подчиненным привести в зал бабку-повитуху, чтобы она устроила инокиням проверку. Все они, однако, оказались женской принадлежности. Судья недоумевал: «Откуда же тогда платки... книжица?» Он терялся в догадках.

— Неужели ты не усмотрела ничего подозрительного? — спросил он старуху, оставшись с ней наедине.

— Вот разве что та, которая помоложе... Она вроде бы отличается от других, но сказать точно, что это мужчина, я не могу... — ответила повитуха.

«Рассказывал мне кто-то, что существует секрет сжимания детородного уда, — подумал судья. — Ведь старуха заметила, что монахиня чем-то отличается... Мо-

жет, это мужчина? Если так, я выведу на чистую воду мошенника! Есть один способ, как его распознать!»

Судья велел повитухе смазать между ногами монахини салом, а подчиненным привести собаку, которая, едва почуяв приятный запах, принялась жадно слизывать сало горячим и шершавым своим языком. Лизнула раз, другой... И вдруг по телу монахини прошла дрожь, словно ей стало холодно при нестерпимой жаре. И тут все заметили, что откуда-то изнутри выползает предмет, прямой, как палка, торчит и не падает. Молодые монахини и повитуха стыдливо прикрыли лицо.

— Ах, ты злодей! — разъярился судья. — И смертью своей ты не смоешь пакостных этих деяний!

Он приказал экзекуторам отвесить самозванцу сорок тяжелых батогов, а потом надеть колодку, после чего приступил к допросу. И вот что выяснилось...

— Сам я монах-странник из здешних мест, — рассказал мошенник. — С малых лет был я хорош собой, а лицом походил на деву. У меня был наставник, и он научил меня многим секретам, к примеру, такому искусству, как сжимание и распрямление членов, что помогает в любовных битвах и дает силу, которой хватает на десяток и более дев в течение ночи. Как-то я прослышал, что последователи учения Белого Лотоса⁶ собираются в одном храме вместе с женщинами и творят по почам блуд. И тогда я решил пробраться в скит... Так я пришел сюда. Здешним инокиням я сразу пришелся по душе, а когда они узнали про мои искусства, оставили меня насовсем и даже определили игуменьей. В нашу обитель приходит немало женщин и совсем юных дев, коих я завлекаю в башню и провожу с ними ночь. Обычно они ни о чем не догадываются и в большинстве своем мне не отказывают, даже тогда, когда вдруг обнаруживают мое мужское естество. Правда, иногда попадаются строптивицы, которые ни за что не хотят уступить. Тогда приходится прибегать к ворожке, уж против таких чар ни одна женщина не может устоять. Само собой, они потом узнают о том, что с ними случилось, да только поздно — дело уже сделано! После одной ночи такие женщины в скит не приходят. Однако большинство идут на утеху без принуждения и по своему желанию и даже говорят, что готовы вкушать со мной удовольствие чуть ли не вечно... И никто об этом не догадывался, только

вы один раскрыли секрет... Понятно, что за свои преступления я достоин тяжелой кары.

Надо вам знать, что в это же самое время жены из богатых семей успели сообщить мужьям об аресте монахинь и те состригали в ямынь бумагу, в которой просили о помиловании. Разгневанный судья не стал отвечать на прошение, а просто послал в конверте платки, и мужи не знали, куда деваться от стыда. А судья тем временем составил такой приговор.

«Настоящим выяснилось, что некий Вап из трех У⁷, сластолюбец и блудодей, намазавшись румянами и скрывши имя свое, проповедовал тайны Белого Лотоса, вводя в искус простой люд и дурача прекраснопольных дев. Войдя в круг наставников, вещающих секреты своего учения, он поднялся на брег монашества. Но в действительности, он искусно скрывал позлащенные комнаты, превратив их в обиталище Гуаньинь, входящей за полог⁸. Соединяя длани на молитвенном ложе, он мог извлекать нефритовый стебель, и никто не подозревал, кто перед ним, монахиня или монах. И, когда, освободив золотой лотос, он располагал тело свое на ложе расшитом, кто мог знать, мужчина то или дева. Так аист, проникнув в гнездо самки феникса, занимается игрою любовной. Так змея, проскользнув в пещеру дракона, в тучу играет и дождь!

Ясная луна ненароком осветила жепские покон, а жена, увы, оказалась не в одиночестве. Чистый ветер пробрался за красную дверь, и дева не одна!

Лишь разрушив обиталище блуда и предав огню лживые книги, возможно стереть следы разврата. Лишь вырвав сердце и ослепив очи, можно искоренить зло!»

После того как был зачитан приговор, судья приказал предать монаха жестокой пытке и казни. Привыкший к изнеженной жизни, лицедей не выдержал мучений и быстро испустил дух. Монахини, получив по тридцать батогов, были проданы в казенные певчки, а скит разрушен до основания. Что до молодого монаха, то его тело бросили в пруд бодисатвы Гуаньинь. Прохожие, из тех, кто знал эту историю, идя мимо, старались скрыть улыбку, которая невольно появлялась у них на устах.

— Чудеса! — дивились они. — Что нашли женщины в этом монахе? За что они любили его?

Ну, а сами женщины? Многие из них, узнав о копчине монаха, вдруг ни с того ни с сего удавились.

Монах, как известно, чинил обман да разврат долгие годы, а как умер, не нашлось места для погребения его тела. А ведь мог он прожить спокойно полную жизнь, если бы, конечно, вовремя задумался и остановился. «А ведь удовольствия мои, увы, не долговечны!» — предостерег бы он себя. И если бы так он подумал, то сразу переменил свои планы, порвал бы с монашеством, нашел себе жену и прожил бы жизнь как надо.

Так что же, любезные, верны ли ваши слова о том, что обман какого-нибудь пакостника всегда сходит ему с рук? Конечно, встречаются люди, которые, войдя во вкус греха, поганят душу свою, а утихают лишь тогда, когда подойдут к порогу жизни своей. Советуем им, кто вступил на сей путь: одумайтесь! И внемлите стихам:

За каждый злой или добрый поступок
вас воздаяние ждет.
Пусть неизвестен еще его срок,
но знайте — оно грядет!

Мы только что рассказали вам историю о мужчине, который переоделся женщиной, а сейчас мы поведаем вам историю о женщине, которая, приняв вид мужщины, тайно занималась любовью и, надо заметить, весьма в этом деле преуспела.

В год Обширного Благоденствия⁹ за восточными воротами областного града Хучжоу жила семья, принадлежавшая к кругу ученых. Глава семьи к тому времени, о котором идет речь, уже умер, и в доме оставалась вдова с двумя детьми: мальчиком и юной девушкой. Двенадцатилетняя дочка вдовы была умна и хороша собой — ну прямо чудесный цветок. Одна лишь беда: оттого что в малолетстве она часто недоедала, напала на нее хворь, которая доставляла матери большие беспокойства. Понятно, что вдовица делала все возможное, чтобы оградить дочку от злых напастей. Как-то раз в их доме появилась монахиня — настоятельница ханчжоуского храма Цуйфуань, что значит Обитель Плывущей Бирюзы. Мать и дочь в это время занимались рукоделом. Вдова обрадовалась гостье, с которой водила знакомство вот уже несколько лет. Надо сказать, что

монахиня была редкой умелицей плести лживые речи, то есть, как говорится, имела цветистые уста и лукавый язык. К тому же гораздо она была поблудить. Не случайно, что вместе с нею в обители проживали две молоденькие ученицы, которые, как и настоятельница, занимались непотребными делишками. Игуменья пришла к вдове с подарками: принесла кулек южных фиников, жбан чаю осеннего, два блюда с каштанами и спелыми фруктами. Женщины обменялись фразами, которые обычно говорятся при встрече. Внимание гостьи привлекла девочка, сидевшая рядом.

Красавица станом
тонка и стройна.
Мила и во всем
грациозна она.

Бела, словно грушевый цвет,
омытый дождем поутру.
Нежна, как персика лепесток,
трепещущий на ветру.

Поступь воздушна,
шаги так легки.
Вдруг из-под платья мелькнут
Изящные ножки —
молодого бамбука ростки.

Смущенья полна,
только речь поведет.
Губы — спелые вишни.
Влажно алест
прелестный маленский рот.

Дрогнет даже сердце Фэн Шэ¹⁰ —
так она хороша!
Луский молодец¹¹ не устоит —
вмиг встрепечется душа!

— Сколько годков вашей дочке? — поинтересовалась игуменья.

— Двенадцать! — ответила вдова. — Во многих делах она у меня искусница. Одна беда — очень уж слабенькая, из болезней не вылезает. Тревожусь я за нее и душою болею. Ради нее жизнь свою готова отдать!

— А молились ли вы за нее, почтенная? Выказывали ли свое сокровенное желание?

— Чего только не делала! Молила и духов и Будду,

даже звездам тайну свою поверяла. Ничего не помогло! Сидит в ней проклятая хворь, и все тут! Видно, судьба ее столкнулась с какой-то злою планетой, которая так и крутится вокруг нее!

— Да, все от судьбы зависит! — согласилась игуменья. — Хочу я взглянуть на знаки жизни девицы. Поразмыслить над ними.

— Оказывается, ты и гадать умеешь, матушка! Вот не думала! — воскликнула женщина и показала монахини знаки жизни дочери. Монахиня, напустив на себя важный вид, принялась что-то подсчитывать.

— Значит, так получается!.. Не следует ей более находиться при вас, почтенная! — проговорила монахиня.

— Старая я! Жалко мне ее от себя отпускать!.. Но я на все согласна, лишь бы она поправилась!.. Только вот куда ее определить? Разве в какой чужой дом, в приемные дочери? Больше некуда!

— Девица ваша просватана?

— Не сподобилась еще!

— Вот в чем дело... Ее судьба столкнулась со звездой одиночества, а потому от замужества ее болезнь только усилится! Ну, а так в ее знаках как будто нет ничего дурного. Лета жизни у нее будут долгими, а здоровье — отменное... Понимаю вас, почтенная, трудно вам с нею расстаться, потому даже боюсь что-либо предлагать...

— Главное, чтобы она была здорова... Пусть тогда идет куда хочет!

— Если вы готовы расстаться с дочкой, лучше всего отправьте ее к Вратам Будды. Стоит ей покинуть сей суетный мир, как все ее беды исчезнут, радости преумножатся! Это лучший для нее выход.

— Верные слова говоришь, мать-игуменья! Потому как добрые поступки непременно отражаются на небесном лице нашего Будды... Конечно, жалко мне расстаться с дочкой, но что поделаешь? Глядишь, еще сильнее заболит, а то, не дай бог, умрет! Тогда все прахом пойдет!.. Да, видно, судьба у нее такая!.. Матушка-настоятельница, прошу тебя как старую знакомую: возьми дочку к себе в учение. Если ты, конечно, не против.

— Ваша девочка отмечена звездой счастья... А если

она станет жить у нас в ските, частица счастья коснется и нашей обители, отчего лик Будды засверкает яркими красками. Только вот что, почтенная, ничтожная ипокиня вряд ли достойна быть ее наставницей!

— Ну, к чему ты так, матушка! — воскликнула вдова. — Окажи ей хоть пемного своей милости, я и тем буду довольна!

— Разве могу я проявить небрежение к вашей дочери?.. Скит паш, конечно, не из богатых, но все же, благодаря заботам прихожан-дарителей мы не испытываем скудости ни в пище, ни в одёже. Так что об этом не беспокойтесь!

— Коли так, выберем подходящий день и забирай дочку с собой! — проговорила вдовица и, взглянув на численник, вытерла набежавшие слезы. Монахиня принялась ее утешать.

Гостья прожила в доме два дня. В назначенный день мать и дочь, горько плача, простились друг с другом, и девушка с игуменьей сели в папютую лодку, которая должна была отвезти их в Обитель Плывающей Бирюзы. Познакомившись с монахинями, девушка совершила перед настоятельницей положенные поклоны и, приняв постриг, получила монашеское имя Цзингуань, что значит Воплощенное Безмолвие. Так девица из семьи Яп стала инокиней в Обители Плывающей Бирюзы. А произошло все из-за оплошности ее матери, о чем лучше всего можно сказать стихами:

Девицу терзает жестокий недуг —
телом стала слаба.
Но неужели бесовский плен
уготовила ей судьба?!

Неразумная мать послала ее
к порогу Пустотных врат.
Сама нашла ей такую обитель,
где свил гнездовье разврат.

Вы, конечно, спросите: почему игуменья посоветовала вдовице отдать дочь в монахию? А дело все в том что нужна ей была приманка, чтоб заполучить для своих непотребных дел молоденьких смазливых учениц, а красивая девушка могла всколыхнуть любое мужское сердце. Вот почему настоятельница с помощью лживого своего гаданья коварно уговорила вдову отдать дочь в

монахини. Хитрая игуменья знала, что вдова согласится. Какая мать не пожелает видеть дочь здоровой и счастливой?

Как мы знаем, девушке в ту пору исполнилось всего двенадцать лет, и она, понятно, многого еще не понимала. Будь она повзрослее, ни за что бы не согласилась идти за монахиней. Но дело сделано!

После пострижения девушка несколько раз в год посещала мать, иногда одна, а порой вместе с игуменьей. Надо вам сказать, что, когда девушка жила с матерью, вдова, души не чаявшая в дочери, всякую ничтожную хворь приписывала за тяжкий недуг, отчего постоянно за нее тревожилась. После того как дочь ушла в монастырь, печали матери намного прибавилось, так как болезнь дочки уже не была у нее перед глазами. К тому же, дочка, навещая ее, казалась вполне здоровой и всякий раз успокаивала мать, говоря, что старый недуг как будто ее покинул. Словом, женщина уверила себя в том, что она сделала правильно, отдав дочь в монастырь, и мало-помалу успокоилась.

Здесь наша история разделяется на две части, и мы сейчас расскажем вам об одном сюае по фамилии Вэньжэнь, а по имени Цзя, который проживал в Желтопесочном переулке города Хучжоу. Вообще говоря, молодой человек был уроженцем Шаосина, а попал сюда потому, что в свое время его дед, получив в Учэне место учителя, перебрался туда вместе со своей семьей. Семнадцатилетний сюай был красив, как Пань Ань, а умен, как Цзыцзянь, однако из-за крайней бедности своей до сих пор не обзавелся семьей и жил с матерью, которой было в ту пору лет сорок. Приятели любили и уважали юношу за утонченные и в то же время свободные манеры, а также за его живость и непосредственность, чем он, действительно, выделялся среди других. Не удивительно, что многие старались помочь ему деньгами или, что бывало чаще, приглашали его на пирушки. Ни одно застолье, пожалуй, не обходилось без него, а если он по какой-то причине отсутствовал, все чувствовали, что пиршеству чего-то не хватает.

Как-то в середине января, в ту пору, когда начинают пышно цвести мэйхуа, друг Вэньжэня предложил ему проехаться по местам Хапчжоуских увеселений, а потом посетить Сиси — Западный Ручей и полюбовать-

ся там цветением мэйхуа. Вэньжэнь, как водится, доложил об этом своей матушке, и друзья тронулись в путь. Прошел один день и одна ночь, когда они, наконец, добрались до Ханчжоу.

— Давай поначалу съездим к Западному Ручью, посмотрим на мэйхуа, а потом уж отправимся в город! — предложил друг.

Он велел лодочнику повернуть к Сиси. Часа через два с небольшим лодка остановилась, и юноши вышли на берег. За ними последовали слуги со жбанами вина и с коробами, в которых находилась еда. Пройдя не более половины ли, они очутились у соснового бора. Среди огромных, в обхват толщиной, сосен белели стены одинокого скита. Кругом царило безмолвие, которое нарушало лишь журчание ручья. Юноши подошли к воротам, напоминавшим по форме иероглиф «восемь»¹². Ворота оказались на запоре. Однако спутники почувствовали, что за ними кто-то наблюдает.

— Какое тихое и приятное место! — проговорил друг. — Давай постучим и попросим у монахов чашку чая! Согласен?

— Нет, сначала полюбуемся цветами, ведь мы же за этим приехали! А сюда мы успеем зайти и потом! — возразил сюцай.

— Пусть будет по-твоему!

И они, удалившись от скита, направились к тому месту, где цвели мэйхуа. Вот что можно сказать по этому поводу:

Словно кипящее серебро,
цветочная пена бела.
Словно волшебный нефрит
разбросан вокруг без числа.

Чудные запахи
мягкий принес ветерок.
Слаще они того аромата,
что ученого Хапя увлек¹³.

Сиянье цветов
и солнце затмит.
Блеск украшений самой Спши¹⁴
яркостью посрамит!

Похоже, дракон из пены возник,
споря с инеем белизной.
Первые тени на землю легли,
призывая ветер с луной.

Праздним гулякам раздолье здесь —
пей вино без забот.
Хорошо и поэтам стихи читать
ночи и дни папролет.

Друзья взирали на эту картину с восхищением, а потом, велев слугам раскрыть короба, припились за яства и напитки. Между тем стало темнеть. Захмелевшие от вина приятели поднялись и поспешили к лодке. Скит они обошли стороной, не решившись заходить туда в такое позднее время. Прошла ночь, а утром друзья вновь направились к сосновому бору.

А теперь мы расскажем о том, что происходило в Обители Пльвущей Бирюзы, где, как мы знаем, жила дочка вдовы, которая постриглась в монахини. К этому времени Цзингуань (как нарекли ее в постриге) исполнилось шестнадцать лет. Это была на редкость прелестная девица, правом застенчивая и замкнутая. В храме часто появлялись богомольцы, а среди них разные грубияны, которые таращили на красавицу глаза или отпускали по ее адресу рискованные шутки, а порой пытались заигрывать с ней. Другие монахини, ее подруги, обычно увивались вокруг таких богомольцев, принимали ухаживания с большой охотой. Но девушка была с ними холодна, оставляя их заигрывания без внимания. Она также старалась не замечать мерзких делишек, которыми занимались инокини. Запрет, бывало, дверь своей кельи и сидит, погрузившись в молчание, а то читает древние книги иль сочиняет стихи. Без причины она старалась не выходить наружу. И надо же так случиться, что в тот самый раз, когда сюцай с приятелем оказались возле ворот, монахиня Цзингуань вышла из кельи прогуляться на воздухе. Ненароком она заглянула в щелку и увидела Вэньжэня, обликом прекрасного, манерами изящного, словом, совершенно не похожего на простых смертных из нашего бренного мира. Девушка не могла оторвать глаз и жадно его разглядывала, пока он не удалился. Ах, броситься бы за ним следом, чтобы еще раз взглянуть на прекрасного незнакомца!.. Растерянная, с растревоженной душой она вернулась в свою келью.

«Есть же на свете такие красавцы! — думала она. — Ну, прямо небожитель, спустившийся на землю! Какое было бы счастье вверить себя этому юноше и прожить

с ним всю жизнь вместе! Только мне этого не дано!» Она вздохнула, и на ее глазах выступили слезы. Как говорят:

Однажды немой задумал вкусить
плод незрелый совсем.
Другой бы от горечи завопил,
а он-то бедняга нем.

Любезные слушатели, надо вам знать, что ушедший из мира инок, если он вправду хочет стать учеником Будды, должен отринуть прочь все суетные мысли и ступать по земле, словно пребывая в пустоте, имея в груди застывшее сердце, в котором не трепещет ни одна жилка. Только совершенствуя себя денно и нощно, можно достичь успеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок зависит от неразумной прихоти родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печалью. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и познал он вкус жизни. И тут неожиданно он понимает, что все произошло вопреки его желанию, но грубому настоянию других. Вот так и рождаются люди, которые своим непотребным действием оскверняют обитель Будды! Можно ли тогда толковать о достижении святой радости? Не лучше ли подумать о том, как вовремя избежать преступления! Я обращаюсь к вам, ныне живущим: не направляйте своих сынов и дочерей по такому пути! Однако бросим праздные разговоры и вернемся к нашему рассказу.

Прошло более четырех месяцев с тех пор, как сюдац Вэньжэнь вернулся из Ханчжоу домой, но, поскольку в этом году проходили Большие испытания, он должен был снова ехать туда, так как ему удалось в родной округе занять первое место. Стояла шестая луна, погода была нежаркой. Юноша принялся складывать свой незамысловатый скарб и готов был тронуться в путь. В Ханчжоу он решил временно остановиться у своей тетки — вдовы, которая после смерти мужа Хуана жила одна в большом доме, но потом при случае он собирался снять удобную и прохладную комнатку, где можно было пожить в полном уединении. Приятели дали ему денег на дорожные расходы, и в один из дней, сказав

своей матушке слова утешения, он со слугою Асы, который нес его книги, сел в лодку и отправился по назначению. Судеышко, оставив позади Восточные Ворота, продолжало свой путь, когда вдруг на берегу возникла фигура молоденького монашка.

— Куда плывете? Не в Ханчжоу? — крикнул монашек.

Судя по выговору, он был уроженцем Хучжоу.

— Туда едем, — ответил лодочник. — Везу господина сюца на экзамены!

— А меня не захватите? Я не поскуплюсь на расходы!

— А зачем тебе туда, наставник? — поинтересовался лодочник.

— Монашествоую я там — в Линъиньсы — Обители Сокровенного Духа¹⁵. А сейчас возвращаюсь после побывки у родных...

— Сам я не волен решать, — сказал хозяин судеышка. — Надобно спросить у господина сюца.

Челядник Асы, который в это время пробрался на нос лодки, закричал:

— Эй ты, безволосый! Осел пепутевый!.. Катись подобра-поздорову! Мой хозяин едет на экзамены, удачу свою ищет, а ты, плешивый, только беду накличешь! Проваливай прочь, не то окачу вот из этой бадьи! Умою тебя, башка твоя смутьянская!

Вы, конечно, полюбопытствуете, отчего Асы обругал монашка такими словами? А все оттого, что в былые времена гуляла этакая едкая шутка, которая монашеский люд высмеивала: «У монаха на плечах не спокойная глава, а смутьянская башка!» Заметим, между делом, что слово «смутьянский» по звучанию сходно с другим словом, не слишком пристойным¹⁶. Вот отчего слуга обругал монаха, видя к тому же, что его шутка повеселила присутствующих.

— Чего срамишь? Что я, обидел кого?.. Посадите — хорошо, не посадите — не надо!

Сюцай, высунувшись из оконца каюты, с удовольствием рассматривал монашка, такого складного и милотвидного. На него было просто приятно смотреть! Услышав название храма, молодой сюцай подумал: «Вокруг обители, как говорят, прекрасные места! Погуляю я там, а монашек будет мне провожатым!»

Он быстро вышел из каюты.

— Эй, Асы! Хватит безобразничать! Молодой наставник, как видно, из наших мест. Если ему нужно в Хапчжоу, пускай садится в лодку! Вместе поедем. Что здесь такого?

Лодочник, приняв слова сюэя за приказание, пристал к берегу, и молодой монах забрался на суденышко. Увидев сюэя, он будто остолбенел, со вниманием на него посмотрел, а потом, поклонившись, вошел в каюту.

«Никогда не видел такого красивого инок! — подумал сюэяй.— Ликом своим он похож на девицу. Одень его в женское платье, будет писаная красавица! Какая жалость, однако, что он монах!»

Ветер надул паруса, и суденышко стрелой полетело вперед. Сюэяй и монашек сидели в каюте. Они спросили друг у друга фамилии и место, откуда родом, но уже по выговору было ясно, что они земляки, и это сразу же их сблизило. Сюэю понравилась речь молодого монаха, исполненная благородства и изящества.

«Не обычный инок!» — подумал он.

Между тем монашек продолжал внимательно рассматривать сидевшего перед ним молодого сюэяй.

Надо сказать, что в тот день погода была изрядно жаркая, и ученый предложил спутнику скинуть верхнее платье.

— Ничтожный инок жары не боится! — ответил монашек.— Доставьте сами себе такое удобство, сударь!

Стемнело. Они поужинали, и Вэньжэнь решил совершить вечернее омовение, от чего монашек решительно отказался. Сюэяй, умывшись, лег в постель и, утомившись за день, сразу уснул. Асы, как ему было положено, отправился спать на корму. Дождавшись, пока все уснули, монашек загасил лампу и, раздевшись, лег на ложе рядом с сюэаем. Однако ему не спалось. Он ворочался с боку на бок и вздыхал. Видя, что сюэяй продолжает сладко спать, монашек тихонько придвинулся к нему и, протянув руку, стал его гладить. И вдруг рука коснулась чего-то твердого и даже будто бы остроконечного. Монах сжал ладонь. В этот момент Вэньжэнь распрямил тело и проснулся. Монашек быстро отдернул руку и, стараясь не делать лишнего шума, отодвинулся в сторону. Но сюэяй сразу смекнул, в чем дело.

«Монашек, как видно, не промах! — подумал он.—

Наверное, его наставник не обошел красавчика своим вниманием, приучил к подобным проделкам!.. А почему бы мне с ним не порезвиться — шуткой мужской не потешиться? Как говорится: „Коли мясо возле уст, кусай — не зевай!“»

Распалившись от подобных мыслей, сюцай повернулся к монашку, так что их головы оказались рядом. Монах, сжавшись в комочек, безмолвствовал и, казалось, спал. Рука сюцай устремилась к нему и вдруг нащупала два мягких полушария. «Вот тебе на! — изумился юноша. — Инок вроде телом совсем не мясист, однако ж, гляди-ка, какие округлости!» Рука продолжала скользить вниз, пока не коснулась выпуклостей дальней залы. Монашек вздрогнул всем телом, будто испугался чего-то, а потом, перевернувшись, лег лицом вверх. Рука Вэньжэня продолжала гладить его тело, и вдруг, к своему изумлению, сюцай почувствовал, что гладит мясистую припухлость, формой своей напоминающую пресную пампушку маньтоу.

— Что за чудеса! — воскликнул сюцай в крайнем изумлении. — Отвечай, кто ты!

— Прошу вас, сударь, не кричите так громко!.. Откроюсь вам, я монахиня. Просто я переделалась мужчиной, так в дороге поваднее!

— Видно, нас свела сама судьба!.. Теперь я тебя не отпущу! — И он, не долго думая, взгромоздился на юную монахиню.

— Пожалейте бедную инокиню, сударь! — взмолилась монашка. — Я еще девушка, телом не оскверненная.

Но сюцай, пылавший от любовного огня, не стал ее слушать.

Но вот, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись.

— Встретился я с тобою нежданно-негаданно, — промолвил сюцай, — как во сне с небожительницей. Думаю, что с тобою будем видеться и впредь!.. Расскажи о себе поподробнее!

— Я из семьи Ян, что живет, за Восточными Воротами в Хучжоу. Моя матушка как-то сгоряча решила сделать из меня монахиню. Вот так я и оказалась у Врат Пустоты — в Обители Плывающей Бирюзы, что возле Западного Ручья. Нарекли меня именем Цзингуань... В храм наш ходит много людей, но все больше

люди деревенские, неотесанные и грубые. Смотреть на них тошно! Как-то в первую луну нынешнего года я гуляла за оградой обители и случайно увидела вас — вы как раз стояли возле наших ворот. Ваш благородный облик всколыхнул всю мою душу, и после той встречи я долго думала о вас. И вот сегодня неожиданно встретились вновь и соединились вместе, будто рыба с водою. Только не подумайте, что я какая-то развратница. Просто союз наш, видно, определила судьба! Не смотрите на нашу сегодняшнюю встречу как на случайную или пустячную забаву! Ах, сударь, как мне хочется быть всегда с вами!

— А твои родители, живы ли они?

— Мой отец умер давно, и осталась у меня только мать да меньшой братец. Я вчера как раз была у них в гостях! А вы, сударь, женаты?

— Нет, еще не женился! — ответил сющай. — Какое счастье, что я тебя встретил! Мы схожи и возрастом и ликом своим... к тому же ты тоже из ученой семьи, а в довершение всего — моя землячка. По всем статьям ты подходишь мне в жены! Нечего тебе больше прозябать в монашеской обители!.. Сейчас мы с тобой подумаем, что делать дальше!

— Я уже все для себя решила... отдала вам и тело и душу! Но торопиться не следует, надо подождать подходящего случая! Вот что я думаю! Наш скит недалеко от города, а место у нас тихое, прохладное. Устраивайтесь вы у нас, выбирайте келью по вкусу и читайте себе книги с утра и до вечера. А о расходах не беспокойтесь. Я всегда смогу собрать денег монашеским подающим... В ските мы сможем часто встречаться, а при удобном случае уедем в другое место. Что скажете, сударь?

— Скажу, что прекрасно!.. Но как посмотрят на это другие монахини? Они могут воспротивиться!..

— Что вы?.. Настоятельница сама горазда до любовных утех, хотя ей уже под сорок. Под стать ей две другие распутницы-монашки — этим лет по двадцать с небольшим. Все их блудливые проделки у меня перед глазами. Я уверена, что мимо такого красавца, как вы, они просто так не пройдут и будут вас всячески обхаживать. Постарайтесь с ними сойтись, чтобы из этого знакомства извлечь для нас пользу. Боюсь только, вы не согласитесь!

— Отчего же? Превосходный план! — обрадовался сюцай. — Я без промедления поеду к сосновому бору, а слугу отошлю домой. Какая прелесть, что мы будем вместе!

Они разговаривали, тесно прижавшись друг к другу, а потом снова сыграли в любовную игру. Как говорится:

Проникнуть в сказочный сад цветов
ни один из них не мечтал.
А когда очутились вдруг в этом саду,
от страха их холод объял.

Никак понять они не могли,
что это — явь или сон?
Казалось, путь, по которому шли,
в волшебную мглу погружен.

Наступил рассвет. Со всех сторон заголосили звонкие петухи. Цзингуань, боясь, что ее могут увидеть, поспешно оделась. Лодочник снова поднял паруса, и лодка устремилась вперед.

В каюту вошел Асы. Он помог хозяину умыться и привести себя в порядок, после чего приступили к завтраку.

— Хозяин, где приставать лодке? — спросил Асы. — Ведь надобно заехать к Хуанам, узнать о жилье.

— С этим не торопись, — ответил Вэньжэнь. — Мы пока остановимся возле соснового бора. Наш молодой наставник рассказал, что у них в ските пустуют кельи.

Когда лодка причалила к берегу у соснового бора, сюцай нанял носильщиков, которые снесли его вещи к монастырю Линьиньсы.

— Асы, — наказал он слуге, — ты возвращайся на этой же лодке обратно. Передай поклон родным и скажи, чтобы они обо мне не беспокоились. Я буду это время жить в обители у нашего монаха и готовиться к испытаниям. А когда сдам экзамены, тотчас приеду домой. И не присылайте ко мне никого и не торопите письмами.

Отдав такое распоряжение, сюцай подождал, пока лодка не отплыла от берега, после чего сел с Цзингуань в паланкины и они направились в Обитель Плывающей Бирюзы. За паланкинами шествовали носильщики с вещами. До назначенного места они добрались довольно быстро. Расплатившись с носильщиками и паланкин-

щиками, сюдай вслед за Цзингуань вошел в скит. Им навстречу вышли монахини.

— Этот господин хочет снять у нас келью,— объяснила Цзингуань.— Он приехал на экзамены.

Монахини, широко улыбаясь, стали пристально разглядывать гостя и, как видно, остались им очень довольны. Соблюдая почтительность и радушие, они напоили молодого сюдая чаем, а потом проводили в чисто прибранную комнатку, где уже стояли его вещи. После ужина, свершив вечернее омовение, сюдай собирался отойти ко сну, но неожиданно пришла игуменья, с которой ему пришлось провести вместе всю ночь. На следующий вечер появилась еще одна монахиня, а за ней вторая, и так каждый день. Цзингуань не мешала им в этих любовных играх, за что они были ей очень признательны. Так прошло больше месяца. От могучего натиска любвеобильных монахинь молодой человек скоро почувствовал некоторую усталость и был вынужден прибегнуть к помощи укрепляющих настоев из жэньшэня и ароматного гриба сянджу, а также из лотового семени и экстракта корицы.

Так, в утехах текло его время, пока незаметно не подошел седьмой день седьмой луны или, как его еще называют Праздник Продевания Нити в Иглу¹⁷. В середине седьмой луны ожидался торжественный Праздник Чаши Юйлань¹⁸. По старым обычаям жителя Хапчжоу во время празднества возносят моления и зажигают огни на реке.

В двенадцатый день седьмой луны в ските появился слуга из богатого дома. Его хозяин приглашал инокинь к себе отслужить молебен и прочитать священные сутры. Игуменья дала согласие, а монахиням показала:

— Мы отправимся служить молебен все вместе и пробудем там три дня: с тринадцатого по пятнадцатое. А наш гость, господин Вэпъжэнь, поживет здесь. При чем, конечно, кто-то должен будет остаться для его удобства...

Обе молодые монахини стали предлагать свои услуги. Цзингуань молчала.

— От молебна отказываться никак нельзя, ехать все равно придется,— сказала игуменья.— Что до вас двоих, то вы предостаточно пользовались расположением нашего гостя, потому поедете вместе со мной. С ним же

останется Цзингуань, которая привела его в наш скит. Так будет справедливо!

— Верно решила, матушка! — согласились монахини и отправились складывать свои пожитки, молитвенные принадлежности и сутры. Цзингуань, проводив их за ворота, пошла к сюаю.

— Вам не следует дольше здесь оставаться и тешить себя одними удовольствиями, — сказала она. — Надо подумать о деле! Близится срок ваших экзаменов. Если вы по-прежнему будете лишь развлекаться, вы их не сдадите. Да и здоровье свое подорвете в этом любовном дурмане!

— Я и сам это чувствую. Только милуюсь я с ними без особой охоты. Мне жалко расставаться с тобою!

— Помните, в день нашей встречи я сказала, что хочу вместе с вами отсюда убежать... Но тогда это было опасно. Исчезни я тогда посреди дороги, игуменья непременно отправилась бы ко мне домой. А вот сейчас — другое дело. Поскольку их здесь нет, мы вполне можем вместе бежать. Уверена, что меня искать не будут, так как знают, что у них рыльце в пушку. Они сами греховодили с вами и, думаю, шум поднимать побоятся!

— Это верно, но... Я все же сюаю, и дома у меня осталась мать. Если мы вместе приедем в наш дом, матушка сильно огорчится, и получится неприятность. К тому ж игуменья начнет свои поиски, поднимет на ноги местные власти, а это повредит моей карьере! Что тогда делать? Куда тебя денут?.. Нет, это не выход! Думаю я, что прежде мне надобно сдать экзамен. Если я займу первое место, все вопросы разрешатся.

— Вы все равно не сможете жениться на монахине, даже когда станете цзюйжэнем, — промолвила девушка. — Ну, а если не сдадите, что тогда? Нет, это тоже не лучший выход... Вот что я думаю... С тех пор как я постриглась в монахини, я собрала перепиской сутр и заклиний кое-какие деньги. Сейчас у меня набралось свыше сотни лянов. На эти деньги я вполне могу снять приличное жилье, после того как отсюда убегу. Я буду ждать вас, а когда вы получите ученую степень, мы сможем наладить нашу жизнь. Ну, как?

— Вот это другое дело!.. У меня есть тетя — она живет за городской заставой. В свое время ее выдали сюда замуж за некоего Хуана, но он умер, и она оста-

лась одна. Старуха очень чтит буддийскую веру и у себя дома даже устроила молельню, в которой с утра до позднего вечера курятся благовония и горят лампы. Следит за ними старая монашка — моя бывшая кормилица. И вот мне пришла в голову мысль: что, если рассказать о тебе тете и попросить ее оставить тебя в ее доме при молельне, а кормилица могла бы тебе прислуживать. Семья тетки чиновная, так что вряд ли кто станет тебя там тревожить, а когда я добьюсь удачи на экзаменах, ты уже отрастишь волосы, и я смогу взять тебя в жены по всем правилам. И все будет в порядке!.. Если даже мне не повезет, то все равно беды никакой не случится, потому как волосы к тому времени уже отрастут, а значит, не будет для нашей женитьбы помех.

— Прекраснейший план! Не будем откладывать! Надо сейчас же идти к твоей тете и все обговорить. Может оказаться, что через три дня будет уже поздно!

Вэньжэнь, не медля, отправился в дом тетки.

— Почему только сегодня у меня появился? — спросила тетка, после того как они обменялись приветствиями. — Я слышала, ты уже давно должен был приехать на экзамены! Иль жилье другое нашел?

— Верно, тетушка! Я действительно подыскал другое пристанище. И случилась у меня там одна история... Очень прошу тебя помочь мне!

— Что же с тобой приключилось?

Вэньжэнь решил схитрить.

— Был у меня учитель по фамилии Ян. Сам он давно уже помер, но у него осталась дочка, с которой я был знаком с малолетства. И вот однажды ее обманом увела монахиня, и с тех пор не было о девочке ни слуху ни духу. Вдруг недавно я случайно попал в скит под названием Обитель Плывающей Бирюзы, что у Западного Ручья. Келью решил там снять для занятий. Там неожиданно я увидел мою старую знакомую, которая стала совсем взрослой девушкой. Она мне призналась, что монашество ей опротивело и она готова уйти со мной хоть на край света. Понятно, не мог я ей отказать, ведь мы с нею старые друзья и как бы связаны судьбами. Но сейчас у меня скоро экзамен, и я боюсь, не вышла бы из-за этого неприятность. Конечно, я мог бы отвезти ее к себе домой, да только неудобно. Словом,

пустая эта затея. К тому же инокиня может подать жалобу, а у меня, как на грех, для суда нет ни времени, ни денег. И вот тогда я подумал, а что, если ты, тетушка, оставишь на время девицу у себя. Помнится, есть у тебя в доме молельня, где моя старая кормилица следит за лампадами и благовонными свечами. Девушка могла бы пока пожить в молельне. Коли хватятся ее и узнают, где она, то беды из этого не будет, потому что живет она в доме, где одни только женщины, к тому же следит в домашней молельне за лампадами... А после моих экзаменов, если ее не потребуют обратно в скит, я женюсь на ней. Что ты на это скажешь, тетушка?

— Ты пришел просить старую тетку, как тот герой из истории о красотке Чэнь Мяочан¹⁹, — рассмеялась старая женщина. — Но раз она дочка твоего учителя, винить тебя трудно, к тому же ты собираешься на ней жениться. Конечно, в монастыре ей делать больше нечего, однако ж и в моей молельне оставаться неудобно. Люди вы молодые, горячие, будете то и дело встречаться, а это может осквернить святое место... Есть у меня в доме одна чистая комнатка, куда я и определю твою красавицу, пока у нее волосы не отрастут. А прислуживать ей станет моя служанка. Вот там вы и сможете видеться. Только приходите тебе следует поздно вечером, так чтобы никто тебя не заметил, а при встрече рядом будет кормилица. Так-то!

— Ах, тетушка! Как я благодарен за твою доброту! Я тотчас приведу ее сюда и велю поклониться тебе в ноги!

Простившись с теткой, он вышел из дома и возле ворот нанял паланкин, который доставил его в скит. Молодой человек рассказал Цзингуань о беседе с теткой, чем очень обрадовал девушку. Она быстро вытщила все свои ценности и принялась складывать пожитки.

— Мои вещи пускай пока будут здесь! — сказал ей сюцай. — Я оставлю тебя у тетки, а сам вернусь в скит. Поживу здесь с монашками какое-то время, чтобы у них не было подозрений.

— Видно, запали они вам в душу! — промолвила девушка.

— Вовсе нет! В моем сердце одна только ты, к ним у меня ничего нет. Остаюсь я только для отвода глаз, чтобы не было никаких следов, как в поговорке: «Золо-

тая цикада одёжу свою сменила». Словом, меня никто не сможет заподозрить, даже если монахины пожалуются... Ты же знаешь, скоро экзамены. Если же меня потянут в суд, то до экзаменов уже не допустят, а это не шутка!

— Если станут они расспрашивать обо мне, говорите, что вы не знаете, куда я делась, потому как, мол, в это время отлучались по своим делам. Словом, наплетите им что-нибудь. Они, конечно, подумают, что я ушла к своей матушке (ведь я часто уходила туда одна), и, по всей вероятности, сразу за мной не погонятся. Потом они, наверное, узнают, что меня нет дома, но к этому времени вы уже сдадите экзамены, и мы придумаем еще что-нибудь! Когда же вы уедете из этих мест и будете жить в другой области, они не посмеют ехать к вам, а если и заявятся, из этого ничего не получится!

Договорившись, они вышли из скита. Сюдай прикрыл ворота, оба сели в паланкины и направились в дом тетки. Старой женщине очень понравилась ладная девушка со светлым ликом, щечки ее напоминали персиковый цвет, а нежная кожа, казалось, могла порваться от самого легкого прикосновения.

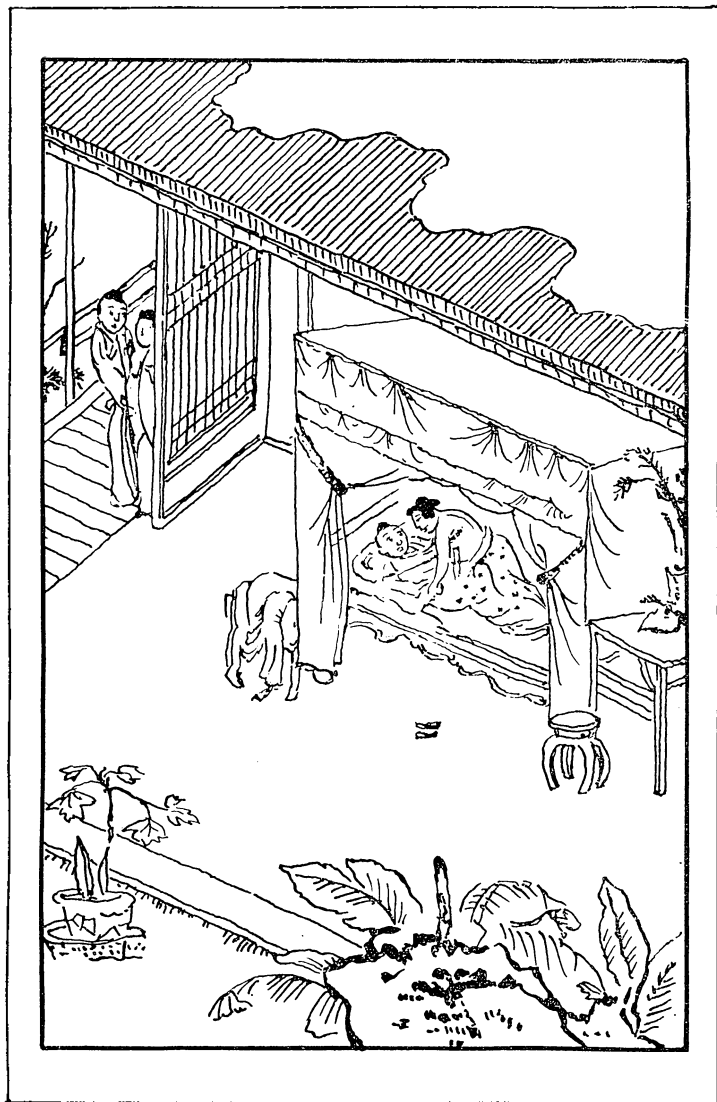
— Теперь мне понятно, почему племянник присмотрел тебя, голубушка! — засмеялась она. — Будешь жить у меня, и вряд ли кто из посторонних посмеет тебя потревожить! Ничего не бойся! Тетка обратилась к племяннику:— Само собой, ты тоже мог бы жить в моем доме. Да только, если ты здесь останешься, кто-нибудь непременно появится вслед за тобой, и тогда случится неприятность. Так что, милый племянник, лучше тебе найти другое жилье, где ты будешь спокойно готовиться к экзаменам!

— Верно, тетюшка! Если я и буду приходить, то только на короткое время!

Итак, Цзингуань осталась в доме тетки Вэньжэня. Сюдай, пробыв с нею ночь, наутро простился и ушел, чтобы найти себе другое жилище. Но об этом пока говорить не будем.

А теперь мы вернемся к трем монахиням из скита Пльвущей Бирюзы. Отслужив трехдневный молебен, они вернулись в обитель. Видят, ворота не заперты, а в храме ни единой души. Все кругом пусто и тихо.

— Куда они запропастились? — воскликнула игу-

меня. Впрочем, ее мысли, как и других монахиц, вертелись вокруг молодого сюаца, а Цзингуань их особенно не заботила. Они бросились в келью Вэньжэня. Вещи и сундучок с книгами стояли на месте. Монахицы сразу успокоились. А где же Цзингуань? В келье нет ни ее, ни вещей. Что за чудеса? Пока они гадали да рыдали, появился Вэньжэнь.

— Пришел! Пришел! — обрадовались монахицы. Их лица озарила счастливая улыбка.

— Целых три дня не виделись! Душа истосковалась! Ну, прямо невоготу! — воскликнула игуменья, вцепившись в сюаца. О Цзингуань она тут же забыла. — Скорее, скорее в келью!

Настоятельница потащила сюаца за собой, не обращая внимания на молодых инокинь, которые взирали на нее с завистью, глотая слюнки. Сюаца уступил бурному натиску монахицы...

— Куда же запропастилась паша Цзингуань? — наконец вспомнила настоятельница. — Вы же с ней оставались вдвоем.

— Откуда мне знать, куда она девалась! Я вчера ушел в город и задержался там допоздна. Пришлось започевать у приятеля, только сейчас иду оттуда...

— Наверно, после вашего ухода ей стало скучно одной, и она отправилась к своим в Хучжоу... — заметила молодая монахица. — Или она решила, что наступил наш черед после ее двухдневного счастья... Пусть ее, ушла — отыщется!

Монахицы думали сейчас о тех счастливых мгновениях, которые их ожидают с молодым сюацем, а Цзингуань их несколько не интересовала. Они не догадывались, что мысли молодого человека заняты совсем другим.

Прошло два-три дня в бесовских забавах, и сюаца сказал, что ему пора на экзамены и поэтому необходимо сменить жилье. Он нанял слугу, и тот унес его вещи. Монахицы, понятно, больше не могли его задерживать, но взяли с него клятвенное обещание возвратиться.

— Будет свободное время, непременно к нам приходите!

Сюаца ответил, что обязательно вернется и, поклонившись, ушел.

Прошло несколько дней. От Цзингуань по-прежнему

не было вестей. Встревоженная игуменья послала человека в Хучжоу, к матушке Ян, но тот, вернувшись, сказал, что девушка домой не приходила. Настоятельница не на шутку перепугалась, однако, хорошенько все обдумав, не стала поднимать лишнего шума, чтобы не всполошить мать, которая, глядишь, сама заявится в скит. Игуменья решила все разузнать обходными путями. Поскольку сюдай больше не появлялся, у нее возникли подозрения, поэтому надо было срочно его найти и хорошенько расспросить. Но, как на грех, он не оставил адреса. Делать нечего, пришлось ждать, когда он появится сам. Но вот кончились все три тура экзаменов, за ними прошло еще несколько дней, но сюдай не давал о себе знать.

Между тем Вэньжэнь, добившись на экзаменах большого успеха, вновь появился в доме своей тетки. Встретившись с Цзингуань, он сразу же забыл о ските и о монахинях. А те, так его и не дождавшись, кипели от злости.

— Есть же в Поднебесной такие неблагодарные люди! — возмущались они. — Наверное, этот злодей и украл нашу Цзингуань. Его рук дело! Вот отчего он не появляется!

Игуменья решила подать на сюдая жалобу в суд, но в последний момент передумала — испугалась, что может навлечь на себя беду. Недаром в поговорке сказано: однажды замарался, очиститься трудно!

И тогда меж монашками вспыхнула ссора. Одна кричала, что надо непременно найти сюдая, а для этого идти в экзаменационную палату; другая твердила, что следует ехать в Хучжоу на розыски Цзингуань. Словом, поспорили они, но так ни до чего и не договорились.

В самый разгар спора раздался настойчивый стук в ворота.

«Уж не наш ли сюдай?» — обрадовались инокини и со всех ног бросились к выходу. Открыли ворота, а там стоит большой паланкин и рядом четыре малых. Слуга, стучавший в ворота, объяснил, что в скит пожаловала госпожа такая-то. Игуменья, услыша знакомое имя, поспешила к гостье, которая, находясь здесь проездом, почтила скит своим присутствием. Дама вышла из паланкина, четыре ее служанки, уже успевшие выбраться из малых паланкинов, окружили хозяйку, и толпа женщин

двинулась в храм. Гостья села, обменялась с настоятельницей церемонными фразами, испила чаю. Дама сказала, что желает провести в обители полуденное время, и послала своего челядинца предупредить лодочника, что задержится. Игуменья повела ее в свою комнату.

— Я у вас не была года три, — сказала дама. — С тех пор, почитай, как скончался мой супруг...

— Однако сейчас ваш траур, как видно, уже кончился... Наверное, вы захотели возжечь благовония, а потому направили свои благородные стопы в наше ничтожное место! Не так ли?

— Именно так! — согласилась гостья.

— Осенью у нас прекрасно! Вольготно!

— Не до развлечения мне! Нет у меня сейчас настроения! — вздохнула дама.

Игуменья прочла в словах гостьи намек.

— Вам сейчас одиноко после кончины супруга?

Дама, поднявшись, подошла к двери и прикрыла ее.

— Мать-игуменья, я была всегда с тобой откровенна. Не забудь этого... И сегодня я хочу говорить напрямую. Вот ты сказала, что я одинока. Какое там одинока! Я места себе не нахожу! А ведь прошло после смерти мужа всего только три года. Как же вы, голубушки, всю жизнь одни маетесь?

— Почему же одни?.. Не буду таиться, почтенная. Не забывают нас прихожане-благодетели. Иначе хоть помирай! Разве можно вытерпеть?

— А есть ли кто сейчас у вас, матушка?

— Был один прелестник-сюцай... на экзамены к нам приехал. Да только недавно ушел и все не возвращается. Мы как раз о нем сейчас говорили.

— Забудь пока о нем, матушка!.. Есть у меня к тебе дело. Если ради меня постарайшься, то и сама в пакладе не останешься!

— Что за дело, почтенная? — заинтересовалась игуменья.

— Заехала я как-то возжечь благовония в храм Осиянного Счастья. Остановилась, как водится, у них на постой. И тут я увидела одного монашка, видом прелестного, но еще не бритоголового. Не скрою от тебя, вспыхнул в моем сердце огонь, потому как истосковалась я за долгое время по ласке! Поднес этот отрок мне чаю, мы разговорились. Он мне рассказал о себе, сколько лет со-

общил. И держится, надо сказать, свободно — без всякой боязни, а говорит так складно, красиво! Одно слово — прелестник! И пошла у меня голова кругом! Отослала я своих служанок, а его повлекла в постель. Думаю, испытаю его в делах любовных. И что же ты думаешь? Этот негодник не только сведущ в любовных утехах, но не уступит никакому силачу. В общем, привязалась я к нему всей душою и чувствую, что расстаться с ним мне невмочь! Всю ночь строила разные планы и решила взять его с собой. Но как? Ведь я вдова и должна остерегаться постороннего взгляда, чтобы ненароком не опозориться. Если же прятать в своем доме — значит чувствовать во всем связанность. Какое тогда удовольствие? Вот я и подумала, а что, если посоветоваться с игуменьей! Возьми его, матушка, в свой скит и обрежь ему голову. Будет он у тебя словно монахиня, пежный облик его вполне для этого подходит. А когда я вернусь домой, вы оба приедете ко мне как настоятельница и послушница. Он будет жить в молельне, а для всех моих родственников останется твоей ученицей. Понятно, я буду с ним милиться, но делать так, что никто не узнает: ни люди, ни бесы!.. Вот отчего я пришла к тебе нынче. Очень прошу — помоги! Обещаю, что если ты согласишься, то и тебе перепадет от него удовольствие. И не будешь ты больше вспоминать своего ненаглядного!

— Превосходно придумала, благодетельница! — воскликнула игуменья. — А ревновать-то ко мне не станешь? Ведь и я свою руку к сладкому куску приложу!..

— Какая тут ревность! Я же сама пришла за помощью! А тебе я отведу специальное место, и никто ничего не заподозрит. Ну, не славно ли?

— Коли так, я непременно пойду за ним. К тому же сейчас это будет особенно удобно, так как у нас на днях пропала одна ученица — самая меньшая. Ее-то мы и подменим, и никакой любопытный не догадается!.. Вот только как его сюда заполучить?

— Об этом мы уже договорились! Он обещал бросить своего наставника и прийти ко мне. Я уверена, что он это сделает!

В этот момент раздался стук в дверь, и на пороге появились молодые монахини.

— У ворот стоит какой-то юноша, спрашивает нашу благодетельницу, — сказала одна монахиня.

— Ну, вот, кажется, и он! — воскликнула дама. — Живей зовите его сюда!

В комнату вошел красивый юноша. Молодые монашки стрельнули глазами и заулыбались. Дама, кивнув ему головой, велела подойти ближе. Юноша поклонился игуменье, которая с первого же взгляда оценила его достоинства.

— Что я говорила? — проговорила дама, взяв гостя за рукав и подводя к настоятельнице.

— Ни дать ни взять — отрок Шаньцай! ²⁰ — воскликнула игуменья. — У меня даже перед глазами все поплыло, и будто я обмякла сразу!

Дама, довольная, рассмеялась. Игуменья вышла на кухню приготовить закуски и рассказала о разговоре монашкам.

— Ах, как это прекрасно! — воскликнули они и даже прищелкнули пальчиками от удовольствия.

— Только мне придется вместе с ним уехать! — добавила настоятельница.

— Вы нас покидаете? — огорчились молодые монахини. — Одна собираетесь вкушать удовольствия!

— Сие дар небес! — возразила игуменья. — Однако ж, думаю я, что и вы в одиночестве не останетесь!

Они рассмеялись. Монахиня, вернувшись в комнату, застала даму в объятиях юноши. При виде настоятельницы она вытащила из дорожной шкатулки брусочек серебра — десять лянов.

— Вот мой залог! Сейчас я возвращаюсь в лодку, а оп, — показала она на молодого человека, — пока останется здесь. Через некоторое время вы вместе приедете ко мне. Ничего не перепутайте!

Отдав распоряжение возлюбленному, дама вышла в гостевую залу, где ее уже ждала трапеза. Отведав кушанья, она сразу же направилась к паланкину. Игуменья, проводив гостью, закрыла ворота и вернулась к молодому послушнику. Она внимательно оглядела его со всех сторон. Да, действительно, ей сильно повезло! Ну, прямо яркий алмаз середь темной ночи! Монахиня притянула юношу к себе, и их уста слились в жарком поцелуе.

— На несколько дней твоя благодетельница уступи-

ла тебя мне, а потом мы будем с тобой попеременно,— сказала игуменья, приступая к любовной битве. А когда кончилось удовольствие, она встала и бритвой сняла с головы юноши волосы.

— Теперь тебя не отличишь от Цзингуань! — засмеялась она, оглядев молодого человека.— Под этим именем ты и пойдешь к благотельнице!

Само собой разумеется, в эту ночь настоятельница не отпустила юношу со своего ложа, и молодым монашкам оставалось лишь жадно глотать слюнки. На следующий день игуменья стала собираться в дорогу и послала человека нанять лодку.

— Вы пока оставайтесь в ските,— сказала она монашкам,— я же поеду туда разузнаю! Если там все в порядке, я обратно уже не приеду, а pošлю вам свое послание. Как получите его, отправляйтесь к себе домой. А если кто появится от Янов, скажите, что Цзингуань уехала с матерью-игуменьей, а куда — вам неизвестно.

Что еще оставалось молодым монахиням? Они лишь кивнули головой: все, мол, поняли. Настоятельница и переодетый юпоша сели в лодку. Для других пассажиров они считались паставницей с ученицей, а как наступала ночь, превращались в супругов-любowników. Через несколько дней они приехали в назначенное место. Дама поместила их в свою домашнюю молельню, однако по ночам гости шли в дом, где делили ложе втроем. Опытная монахиня научила даму разным любовным секретам, что, понятно, лишь разожгло их взаимное любовное страстие. Но разве юный отрок в силах был справиться с двумя зрелыми блудницами? Прошло какое-то время, год или два, юноша зачах и умер. Дама, не выдержав этой утраты, сильно затосковала и вскоре тоже скончалась. Что до игуменьи, то родственники дамы, затаив на монахиню лютую злобу, обвинили ее в воровстве. Монахиню заключили в узилище, где она и умерла.

Теперь же вернемся к Цзингуань, которая продолжала жить у тетки Вэньжэня. Ее жизнь не была омрачена беспокойствами, да и кто ее мог потревожить, если игуменья покинула скит. Через какое-то время стало известно, что Вэньжэнь сдал успешно экзамены и даже занял первое место, а затем появился он сам, радостный и веселый. Конечно же, он сразу бросился к возлюбленной, чтобы сообщить ей счастливое известие. В после-

дующие дни он проводил время в городе, где занимался делами, какис обычно бывают у тех, кто недавно сдал экзамены, а вечером приходил в дом тетки и проводил ночь с Цзингуань. Однажды Вэньжэнь послал слугу в Обитель Плывающей Бирюзы и наказал ему узнать, что там происходит. Скит оказался пустым. Слуга сообщил, что настоятельница куда-то уехала, а монахини вернулись в свои семьи. Сюцай поделился новостью с возлюбленной. Наконец-то! Слово гора с плеч! Через несколько дней сюцай покончил со всеми своими делами. Пора было возвращаться на родину в Хучжоу. Он посоветовался с теткой, как им быть дальше.

— Я не могу пока взять с собой Цзингуань. Ведь у нее еще не отросли волосы. Ей придется пожить какое-то время здесь. Тем временем я, быть может, сдам столичные экзамены!

— И матушке моей пока еще рано говорить! — заметила девушка. — Не могу я вдруг вернуться домой, если была ее воля отдать меня в монахини. Другое дело, когда волосы у меня отрастут и мы поженимся, вот тогда мы и явимся вместе! Вряд ли она тогда станет противиться!

Вэньжэнь согласился. А потом, простившись, он поехал домой и повидался со своей матерью, но о девушке ничего не сказал. В конце десятой луны ему снова предстояла поездка на экзамены. По пути он заехал к тетке и с удовольствием заметил, что волосы у Цзингуань стали совсем длинными, почти по плечо. Она могла их уже укладывать в прическу, правда, с накладным пучком. Вэньжэнь предложил ей ехать в столицу. Однако тетка им отсоветовала.

— Цзингуань по своим добродетелям достойна быть тебе законной супругой, а потому неприлично ее возить тайно туда и сюда. Пусть она пока останется у меня и живет как моя приемная дочь, а когда ты вернешься после успешных экзаменов, мы сыграем свадьбу. Вот тогда все будет по правилам!

Предложение было разумно, и юноша с ним согласился. Простившись с возлюбленной, он отправился в столицу. И вскоре, действительно, успешно прошел все испытания, заняв на экзаменах второе место. В Ведомстве Церемоний, как это было заведено в те времена, он записался в Книге одногодков²¹ и тут же подал «проше-

ние об отпуске для устройства свадебных дел» с девицей из семьи Ян. На свое прошение он получил благоприятный ответ, а в придачу деньги для свадьбы. Довольный, он сразу же отправился домой. Мать, узнав, что он собирается жениться, удивилась.

— Ведь ты не был ни с кем обручен! На ком же ты собираешься жениться?

— Ах, матушка, у нашей тети в Ханчжоу я встретился с одной девицей — ее приемной дочкой. Вот за нею и сватаюсь!

— А почему же я раньше ее не видала?

— Скоро увидите, матушка!

Выбрав благоприятный день, Вэньжэнь нанял лодку, приказал разукрасить ее цветами и лентами, посадил музыкантов и отправился в Ханчжоу. При встрече с теткой он тут же ей доложил, что приехал жениться, на что имеет высокое дозволение властей.

— Ну, что я тебе говорила? Видишь, как складно все получилось! — обрадовалась тетка.

Потом он увиделся с невестой, которая сейчас уже была не в монашеской рясе, а в обычном мирском платье. Влюбленные, взявшись за руки, поведали друг другу о своих чувствах, а Цзингуань рассказала о большой доброте госпожи Хуан, взявшей ее в приемные дочери. Тетка помогла девушке украсить волосы цветами, проводила до расписного паланкина, который доставил ее на судно, где уже горели цветные свечи. Как говорится в стихах:

За красным пологом
двое влюбленных
повстречались опять.

За парчовым пологом
все повторилось,
словно время вернулось вспять.

В один прекрасный день они приехали на родину и пришли с поклоном к матери Вэньжэня. Родительнице очень понравилась красивая девица, но ее удивил ее хучжоуский выговор.

— Почему она говорит на нашем хучжоуском паречии, если ты ее взял в Ханчжоу? — спросила она сына.

Сыну пришлось рассказать историю своей молодой жены, которая одно время была монахиней. А на следующий день молодожены направились в дом Ян. Перед

тем как войти в ворота, Вэньжэнь передал две визитные карточки. Одна была адресована теще, а вторая — младшему брату Цзингуань. Госпожа Ян подумала, что это ошибка, и карточки не приняла. Тогда Цзингуань решила идти сама.

— Матушка! — вскричала она, появившись на пороге.

Увидев знатную даму в нарядном одеянии, испуганная мать поспешно встала со своего места. Дочь она сразу и не узнала.

— Матушка, не пугайтесь!.. Я ваша дочь, ваша монашка Цзингуань из Обители Плывающей Бирюзы.

Действительно, облик как будто дочерний и выговор тот же, но почему же она с волосами и в таком необычном наряде? Если хорошенько не присмотреться, ни за что не догадаешься!

— Дочка, ты ли это?.. Целый год мы с тобой не виделись. Ни писем не было, ни другой какой весточки! Истосковалась я по тебе! Этим годом послала я в скит одного человека, а там, оказывается, ни души. Думала-гадала: куда могла дочка деваться, а потом случайно узнала, что вы с матерью-игуменьей будто бы в другие края подались... И вдруг здесь очутилась!.. Только непонятно мне, почему ты такая нарядная?

Дочь рассказала матери всю свою историю, начиная от встречи в лодке и вплоть до нынешнего дня. Счастливая мать даже рот раскрыла от удивления. Потом, немного придя в себя, она велела сыну позвать зятя. Сын (а он в это время уже учился и обладал приличными манерами) вышел к Вэньжэню и, низко поклонившись, проводил его в залу. Вэньжэнь, встав рядом с женой, совершил перед тещей низкий поклон. Госпоже Ян казалось, что ей все еще снится сон.

— Если бы только я знала, что наступит такой день, ни за что бы не отдала дочку в монахини!

— Матушка, если бы ты не отослала меня в скит, может, и не было бы сегодняшнего дня! — промолвила дочь.

Потом все вместе они отправились в дом Вэньжэня, где уже был накрыт пиршественный стол и гремела музыка.

Надо вам знать, что впоследствии на чиновном пути Вэньжэня случались и неудачи, словом, карьера его сло-

жила не так, как ему бы хотелось. Скопив к пятидесяти годам какие-то деньги, он ушел со службы и вернулся домой, где стал жить со своей женой, которая удостоилась звания почтенной дамы, и прожил с ней до самой старости. Как-то ему пришлось встретиться с гадалком, обладавшим даром предвидения.

— Скажи, почему моя карьера была не слишком удачна? — спросил он у ворожея.

— Потому что в молодые годы вы увлекались любодеянием, чем нанесли ущерб своим скрытым достоинствам. Вот отчего все так получилось!

Вэньжэнь посетовал, что в юные годы он вел себя не слишком пристойно в монашеской обители, и потом часто предостерегал других от неосмотрительных действий.

Теперь ответствуйте мне, разве любострастие в нашей истории не получило достойного воздаяния? И заметим, что удивительность этого брака, конечно же, объясняется тем, что он был заранее предопределен. Приведем такие стихи в доказательство:

Если ты сомневаешься, что жена
Небом тебе дана —
Ты глух и слеп, и печальная жизнь
на веки тебе суждена.

Если твердишь, что женятся люди
просто, без всяких чудес,
Значит, ты усомниться посмел
в могуществе воли Небес.

СЮЦАЙ В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Полное название «Сыма Мао, устроив переполох в загробном царстве, вершит там судебные дела». — Фэн Мэнлюн. Гуцзинь сяошо. Повесть № 31.

¹ Хуэйань (букв. Темная Обитель) — прозвание сунского философа Чжу Си. Китайский комментарий говорит, что здесь это имя некоего сунского монаха.

² Династия Восточная Хань царила с I по III в. Линди правил с 168 по 189 г.

³ Шу — название древнего царства, находившегося на территории нынешней провинции Сычуань, т. е. в Западном Китае.

⁴ Во времена династии Хань так называлось почетное место (одно место от области в год), которое давалось людям, прославившимся уважительным отношением к родителям. Впоследствии степень сяолияня соответствовала степени цзюйжэня.

⁵ Экзамены Обширной Учености (*Босюэ хунцы*) — почетные государственные экзамены, официально утвержденные в эпоху Тан. Они устраивались по особым случаям с целью отбора на государственную службу одаренных людей, которые по каким-либо причинам не имели ученых степеней.

⁶ Испытаниями Истины-Дао назывались экзамены, на которых давались темы, связанные с конфуцианской классикой.

⁷ Эра Сияющей Гармонии (Гуанхэ): 178—184 гг.

⁸ В период Восточная Хань гунами называли глав трех важных ведомств: военного, строительных работ и финансов.

⁹ Четыре драгоценности кабинета — образное выражение, подразумевающее принадлежности для письма: тушь, камень для растирания туши, кисть и бумага.

¹⁰ Яшмовый Владыка (Юйди) — верховное божество в пантеоне богов народной китайской религии.

¹¹ Золотая Звезда (Тайбо) — китайское название планеты Венеры; одновременно Тайбо — божество даосского пантеона.

¹² По старым китайским верованиям, ад состоял из нескольких отделов (дворцов), в которых вершился суд над людьми. Во главе каждого такого судилища находился правитель, которого называли Яньлю, как и верховного правителя преисподней.

¹³ Небесный Чертог — место обитания Яшмового Владыки.

¹⁴ Дворец Сэньло — жилище владыки загробного мира Яньвапа.

¹⁵ Фэнду — уезд в провинции Сычуань. Согласно народным верованиям, здесь было место обитания Владыки ада (Пещера Яньвана). Ад Фэнду — одно из названий преисподней.

¹⁶ По буддийским верованиям у Владыки ада в услужении находятся бесы, или Демоны Непостоянства, которые забирают души людей в загробное царство.

¹⁷ Шляпа с верхушкой, имеющей плоскую поверхность, называется *пинтяньгуань* — букв. «уровень с небом», или «ровное небо». Китайский комментарий толкует это слово как просторное название парадного головного убора *мян*, который носили государи и высшие сановники.

¹⁸ Нефритовые таблички — образное название дощечек, на которых в старом Китае записывались указы, постановления и т. п.

¹⁹ Четыре дела, изложенные в повести, принадлежат к числу сложных исторических казусов, о которых часто и по разному поводу говорилось в исторических сочинениях и которым в китайской истории давалась весьма противоречивая оценка. История Лю Бана и его сподвижников передавалась во многих литературных памятниках прошлого.

²⁰ Полководец Хань Сипь — сподвижник Лю Бана, основателя династии Хань.

²¹ Лю Бан — полководец, впоследствии основатель династии Хань, которая утвердилась в результате победы над империей Цинь. Лю Бан правил с 206 по 180 г. до н. э., его посмертное имя — Гаоцзу (букв. Высокий Предок).

²² Сян Юй — военачальник, помогавший Лю Бану в войне против Цинь, а потом ставший его основным конкурентом. В истории он известен также под именем Чуского Бавана (Владыки, или Деспота). Теснимый войсками Лю Бана, он покончил с собой возле Черной реки.

²³ Ланчжун — незначительный административный чин.

²⁴ Чэньдан — название древнего города на территории теперьшней провинции Шэньси. Важный стратегический пункт, из-за которого часто происходили сражения.

²⁵ Лоян — город на территории нынешней провинции Хэнань. В эпоху Хань Лоян был столицей империи.

²⁶ Древнее царство Ци находилось на территории современной провинции Шаньдун. Сыма Цянь пишет, что Сян Юй «расчленил Ци на три части».

²⁷ Поднять треножник (символ мощи) — значит обладать громадной физической силой. Выражение встречается у Сыма Цяня в жизнеописании Сян Юя.

²⁸ Хоу — один из почетных титулов в старом Китае наряду с титулами ван, гун и др.

²⁹ Сэ — щипковый музыкальный инструмент типа цитры.

³⁰ С именем Сян Юя было связано немало легенд. Одна из них говорит о том, что в каждом глазу полководца было по два зрачка, что позволяло ему видеть лучше других.

³¹ Цао Цао — полководец и государственный деятель эпохи Троецарствия (III в.), провозгласивший себя правителем Вэй.

Цао Цао был основным конкурентом Лю Бэя — героя многих сказаний об этой эпохе. В официальных историях и литературных памятниках он обычно изображался как человек суровый и жестокий. Цао Цао известен как поэт — один из плеяды Цао (вместе со своими сыновьями).

³² Лю Бэй — один из потомков дома Хань, живший в период Троецарствия и прославившийся ратными подвигами, которые он совершил вместе со своими названными братьями Чжан Фэем и Гуань Юем. Лю Бэй основал царство Шу, владения которого находились на территории нынешней Сычуани.

³³ Чжугэ Лян был советником Лю Бэя во время его ратных кампаний.

³⁴ Чжан Фэй — сподвижник Лю Бэя.

³⁵ Гуань Юй — известный полководец эпохи Троецарствия, сподвижник Лю Бэя. Впоследствии (в эпохи Сун и Мин) он был канонизирован и возведен в ранг бога войны. Он также известен под именем Гуаньди — Государя Гуаня.

³⁶ Во время одного из сражений Сян Юй захватил Сяньян, сжег императорский дворец и убил Цзыина (сына Цинь Шихуана), который сдался ему в плен.

³⁷ Поссорившись с Лю Баном, Сян Юй выступил против него. Во время одной из военных кампаний он захватил в плен отца Лю Бана (тайгуна) и его жену Люй, однако вскоре их отпустил, чтобы не углублять ссору с Лю Баном. В третьем случае, очевидно, имеется в виду шир, во время которого Сян Юй мог расправиться с Лю Баном, но не сделал этого.

³⁸ Цзи Синь — военачальник Лю Бана. За свою верную службу Лю Бану был казнен Сян Юем.

³⁹ Чанбань (Длинный Склон) — место в нынешней провинции Хубэй. Там произошло известное сражение между Лю Бэем и Цао Цао, во время которого Лю Бэй попал в очень опасное положение, но был спасен Чжан Фэем и Чжао Юнем. Об этом драматическом эпизоде, в частности, подробно рассказывается в исторической эпопее «Троецарствие» (гл. 41).

СУДЬЯ СЮЙ

ВИДИТ СОН-ЗАГАДКУ

Полное название «Судья Сюй видит сон, который помогает ему схватить монаха; сыновья Ван случайно обнаруживают злодея». — Л и н М э н ч у. Эркэ, пайань цзинци. Повесть № 21.

¹ Годы Торжественной Радости (Лунсин) — эра правления сунского императора Сюэцзуна: 1163—1164 гг.

² Чучжоу — город, расположенный в провинции Цзянсу.

³ Имеется в виду Желтое море.

⁴ Государство Цзинь, с которым Суны в это время вели непрерывные войны, занимало северную половину Китая.

⁵ Туллинь — низший военный чин.

⁶ Годы Истинной Добродетели (Чжэндэ) — эра правления Уцзуна — императора династии Мин: 1506—1521 гг.

⁷ Быстрорукые — образное название стражников и сыщиков.

⁸ Сянгун — то же, что сючай. Слово «сянгун» (молодой господин) обычно использовалось при обращении в повседневной речи.

⁹ Фаньсу и Сломань — наложницы знаменитого танского поэта Бо Цзюйи. По слухам, обе они, поэтессы и танцовщицы, отличались редкой красотой и изяществом.

¹⁰ Каства модэн (матана) — одна из каст в древней Индии, женщины из этой касты часто становились гетерами.

¹¹ Анань (Апанда) — буддийский праведник-архат. В легендах говорится, что он родился в тот день, когда будда Шакьямуни покинул этот мир, приобщившись к nirване.

¹² Сянъи — букв. «поддерживающий неустранимость»; гун — здесь почетный титул.

¹³ Иероглиф, обозначающий слово «пыль» (*чэнь*) состоит из двух знаков — «олень» и «земля».

СОЮЗ ДРАКОНА И ТИГРА

Полное название «Ши Хунчжао становится участником собрания Дракона и Тигра — встречи государя и вассала». — Фэн Мэньлу в. Гуцзинь сяошо. Повесть № 15.

¹ Обнимать голову морской черепахи означало занимать высокий пост. В данном случае имеется в виду знаменитый сунский поэт и государственный деятель Су Ши, или Су Дуипо (1036—1101), который, имея звание ханьляня, стремился к более независимому от двора положению.

² В древности считали, что, когда рыба преодолевает какую-то преграду, ее хвост краснеет от патуги.

³ Шесть Единиц (или Один из Шести) — прозвание знаменитого поэта и государственного деятеля Оуян Сю (1017—1072). Поэт однажды сказал, что он собрал одну тысячу старых записей, один вань (т. е. десять тысяч) древних свитков, в его доме есть один цинь (музыкальный инструмент) и одна шахматная доска. И сам поэт один в состоянии выпить один чайник вина.

⁴ Звездный Зал (букв. «Зал Собрания Звезд») был построен Оуян Сю в пору, когда он был правителем Ипчжоу — города в провинции Аньхуэй.

⁵ Знаменитый поэт Су Дуипо в результате острых идеологических и политических споров со своим учителем Ван Аньши был понижен в должности и отправлен на службу в провинцию.

⁶ Второй год Спящего Спокойствия (Сини) правления сунского императора Шэньцзун (1068—1077) — 1070 г.

⁷ Эра Изначального Покровительства (Юанью): 1086—1093 гг.

⁸ И Цзянь — имя легендарного пса или хрониста, жившего в эпоху мифического государя Юя. «Описания И Цзяня» («И Цзянь чжи») — произведение сунского литератора Хун Май. Оно представляет собой собрание волшебных рассказов и назидательных притч.

⁹ Сяоцзун — император династии Южная Сун (1163—1189).

¹⁰ Запретный лес — то же, что Запретный город, т. е. район императорского дворца. В данном случае намек на придворную жизнь.

¹¹ Имеется в виду район современного города Шаосин, расположенного в провинции Чжэцзян. В древности он представлял собой часть княжества Юэ.

¹² Годы Ясного Сияния (Чуньси, 1174—1189 гг.) — один из девизов императора Сяоцзуна.

¹³ Юэ — древнее царство на юго-востоке страны.

¹⁴ Имеются в виду разные категории слуг, которым вменялось в обязанность обслуживать пиры. Например, были слуги, отвечающие за фрукты, сладости, за приготовление чая или овощных блюд, а также слуги, следившие за светильниками, благовониями и пр.

¹⁵ Китайский музыкальный лад имел пять тональностей, из которых здесь названы четыре — *гун*, *шан*, *цзяо* и *юй* (пятая называлась *чжи*).

¹⁶ Лянчжоуская песня — в данном случае название мотива.

¹⁷ Цветок дикой сливы мэйхуа в Китае является символом красоты и изящества.

¹⁸ Чжан Цзывэй (Чжан Цзюйчуань) — государственный деятель и литератор, живший в XII в.

¹⁹ Инчжоу, как и Пэнлай, — место, где, по даосским преданиям, обитали бессмертные.

²⁰ Хладный Дворец (Дворец Обширного Холода — Гуанханьгун), согласно легендам, находился на луне и в нем жила богиня Чанъэ. В поэзии Хладный Дворец — образное название луны.

²¹ Яшмовый Пруд — легендарное место, где гуляли бессмертные, находился близ дворца богини Запада Сиванму.

²² Се Ань — известный сановник и литератор эпохи Южных и Северных династий (V в.). Одно время он скитался в Восточных Горах (Дуншань), и, как гласят легенды, с ним вместе жили певички, песни которых он любил слушать.

²³ Бессмертная Цао — поэтесса, жившая в XII в. Она известна также как последовательница даосского учения. В исторических хрониках говорится, что сунский государь Хуэйцзун повелел построить особый зал, где она занималась поэтическим творчеством.

²⁴ Сунская поэтесса Чжу Шэчжэнь — автор многочисленных стихов в жанре *цы*. Ее псевдоним — Отшельник Уединенного Пристанища — Юйци цзюйши.

²⁵ Известный сунский поэт Лю Гайчжи (он же Лю Го, или Праведник из Лунчжоу) прославился стихами, написанными в жанре *цы*.

²⁶ Юаньсяо — Праздник Фонарей.

²⁷ Нинван (букв. Ван Спокойствия) — брат танского императора Сюаньцзуна Ли Сянь, прославившийся игрой на свирели.

²⁸ Хуань И — полководец, живший в период правления династии Цзинь (III — V вв.).

²⁹ В местечке Кэтип, в горах Гуйцзишань, в провинции Чжэцзян, рос особый бамбук, ценившийся мастерами свирелей.

³⁰ Цзская (цичжоуская) свирель изготовлялась из бамбука, который рос в уезде Цичунь провинции Хубэй.

³¹ Дундай — то же, что Тайшань — священная гора в провинции Шаньдун. В храмах, которые были расположены на этой горе, устраивались жертвоприношения.

³² Пять Династий — исторический период, пришедший на смену эпохе Тан, период феодальной раздробленности (X в.). Он продолжался примерно пятьдесят лет, в течение которых правили пять династий: Лян, Тан, Цзинь, Хань, Чжоу.

³³ Имеются в виду пять священных гор, обиталища духов, места, овеянные многочисленными легендами. Список этих гор открывает гора Тайшань (Величайшая), где, по верованиям, обитал Владыка Восточного Пика.

³⁴ По даосским верованиям, божество Восточного Пика обладало особой властью над человеческими судьбами и делами, которые разбирались судьями загробного мира и решались в особых управах и приказах (среди них были управа по делам отравленных, управа по делам утопленников и др.).

³⁵ Храм Чжулиньсы, или Храм Бамбукового Леса, стоит высоко в горах Тайшань. При определенных погодных условиях (обычно это бывает после дождя) его очертания в перевернутом виде можно видеть на облаках.

³⁶ Цинь — музыкальный инструмент, звуки на нем воспроизводились с помощью била, которым ударяли по особым пластинкам, изготовленным из нефрита, камня и т. д.

³⁷ «Пыль и ветер» в буддизме образ человеческих волнений и забот, мирская пыль, людская суета.

³⁸ Горы Юйлин, расположенные в провинции Цзянси, славились тем, что склоны их были покрыты деревьями дикой сливы мэй (мэйхуа), поэтому иначе они назывались еще Мэйлин, т. е. горы цветов мэйхуа. Чжантайский пух — пух цветущей чжантайской ивы. Чжантай — название улицы и района в г. Чаньань во времена эпох Хань — Тан. В обеих строках содержится намек на ожидание высокой карьеры.

³⁹ Обитель серебряной жабы — луна, где согласно легендам, обитала трехлапая серебряная жаба. Здесь луна символизирует удачную карьеру.

⁴⁰ В древней книге «Шуйцзин» («Трактат о водах») говорится о горах Даньшань, окутанных багряным туманом. Впоследствии поэт Чжан Цзянь писал: «Белый аист летит над полем зеленым. Феникс кружит над багряной горой». Багряные горы (Даньшань) символизируют вершину служебной карьеры.

⁴¹ Чжухоу (букв. «все хоу») — собирательное наименование местных феодалов — хоу.

⁴² Имеется в виду г. Кайфын (Бяньцзинь), который был столицей в эпоху северных Сун и Пяти Династий.

⁴³ Миньди — правитель династии Поздняя Тан (X в.), занимавший престол всего несколько месяцев. Предшествующий государь Минцзун той же династии правил с 926 по 933 г.

⁴⁴ Чжан Фу — ханьский вельможа, который решил выдать внучку замуж за ученого мужа Чэнь Пина. Тот жил в крайней нужде, но вельможа сумел разглядеть в Чэне необыкновенный талант.

⁴⁵ Люй-гун — отец печально знаменитой в Китае императрицы Люй, супруги основателя ханьской династии Лю Цзи, или Лю Бана (см. о ней в повести «Сюцай в царстве теней»).

⁴⁶ В разные времена Западной столицей назывались разные города. В период Пяти Династий и династии Сун так назывался город Лоян.

⁴⁷ Гунсянь, Миньчи, Локоу — географические названия в провинции Хэнань.

⁴⁸ Знаки Дракона и Тигра — особые регалии, символ власти, в том числе императорской (в этом случае это часто был стяг с изображением дракона), а также своего рода верительная грамота. С «драконом» и «тигром» связаны также многие понятия в гадательной практике, медицине. Например, «дракон» олицетворял силу *ян*, восток, государя и т. д., «тигр» — силу *инь*, запад, полководца и т. д.

⁴⁹ Красные палаты (башни) — дома аристократии, знати.

⁵⁰ Разыгрывать товар в кости — довольно распространенный в старом Китае обычай.

⁵¹ В эпоху Сун провинция Сычуань славилась изготовлением дорогой парчи разнообразных видов.

⁵² Лошуй — река, впадающая в Хуанхэ в уезде Гунсянь, отличается извилистым руслом. С этой рекой связано много легенд и сказаний.

⁵³ Здесь называются провинции Хэбэй, Шаньдун, где было распространено искусство борьбы.

⁵⁴ Ян Гу — государственный деятель и военачальник, живший в эпоху цзиньского государя Уди (V в.). Тяжело заболев во время одной из военных кампаний, он предложил поставить вместо себя малоизвестного Ду Юя, который успешно справился с порученным делом.

⁵⁵ Бао Шуя и Гуань Ю — известные сановники, жившие при дворе Хуаньгуна, государя княжества Ци, в период Вёсен и Осеней. Случилось так, что Гуань (он же знаменитый философ Гуаньцзы) оказался в тюрьме. Его друг Бао Шуя сделал все, чтобы спасти Гуаня, который вскоре был освобожден и назначен на высокий пост.

⁵⁶ Тинвэй — судебный чиновник, занимавшийся расследованием уголовных преступлений.

⁵⁷ Черти лоча (ракшасы) — страшные и злобные демоны.

⁵⁸ Здесь имеется в виду полководец Сяо Даочэн, живший в период Северных и Южных династий (V—VI вв.). Разгромив войска царства Сун, он провозгласил себя государем новой династии Ци. Сяо правил с 479 по 482 г. под девизом Цзяньюань (Созидательное Начало).

⁵⁹ Пять полководцев-злодеев — пять знаменитых грабителей, которые жили во времена государя Фэйди династии Сун

п, согласно легенде, после смерти превратились в духов — носителей жестокости и зла.

⁶⁰ Старая китайская управа (ямынь) имела кроме главной присутственной залы много дополнительных комнат и пристроек, где были личные кабинеты начальства, а также помещения различных служб.

⁶¹ Лю Чжиюань — известный военачальник эпохи Пяти Династий и основатель эфемерной династии Поздняя Хань. Лю Чжиюань был на престоле с 947 по 948 г.

⁶² Линчжи — гриб красновато-бурого или лилового цвета, паразитирующий на сохлом и гниющем дереве. В древности считалось, что линчжи обладает волшебными свойствами, в частности, дает человеку долголетие, поэтому он был важным атрибутом у гадателей. Линчжи воспринимали также как символ благородного и достойного правления.

⁶³ Имеется в виду знаменитый поэт и государственный деятель Оуян Сю.

⁶⁴ Имеется в виду военачальник Го Вэй, который в 951 г. основал династию Поздняя Чжоу, просуществовавшую всего девять лет. Сам он под именем Тайцзу (Великий Предок) правил с 951 по 954 г.

ЧЕЛОВЕЧЬЯ НОГА

Полное название «Ростовщик Вэй всем путром стремился заподличать богатое поместье, однако сходяй Чэнь с помощью хитроумного плана вернул поместье себе». — Ли и Мэичу. Чукэ пайань цзинци. Повесть № 15.

¹ Источник корысти (Таньцюань), по преданиям, находился в провинции Гуандун. Молва гласила, что всякий, кто выпьет из него воды, становится алчным, корыстолюбивым.

² Мудрецу Лецзы (Ле Юйкоу), жившему, как утверждают некоторые исторические источники, в VI—V вв. до н. э., приписывается авторство книги «Лецзы», своеобразного философского трактата, где в форме изречений, притч, басен излагается учение древнего мыслителя.

³ «Прогуляться по школьному двору» — сдать соответствующие экзамены и получить ученую степень.

⁴ В буддийской сутре «Полного Прозрения» («Юаньцзюэ цзин») говорится о «четырех великих», или «четырех стихиях» (земля, вода, огонь, ветер), которые сопоставляются и соотносятся с различными проявлениями человеческой деятельности. Например, каждая из стихий связана с определенной частью тела, функцией организма, особенностями характера. Так, со стихией земли связаны: волосы, ногти, зубы, кожа, мясо и пр.; со стихией воды — кровь, лимфа, слюна, моча и т. д. Равновесие этих свойств и качеств воплощено в четырех достоинствах монашества.

⁵ Цзиньлинь (букв. Золотой Холм) — одно из старых названий г. Нанкяна.

⁶ Шэн — духовой музыкальный инструмент, представляю-

ций собой несколько вместе соединенных трубок (обычно их бывает тринадцать), издающих разные по высоте и тембру звуки.

⁷ «Зеленые терема», как и выражение «цветочные улицы и ивовые переулки», — образное название веселых заведений.

⁸ Чусские павильоны и Циньские башни — питейные и веселые заведения, которые в давние времена были широко распространены в княжествах Чу и Цинь. В данном случае — собирательный образ мест увеселения.

⁹ Река Уцзян (Черная река) находится в провинции Аньхуэй. Как гласит историческое предание, здесь нашел свою смерть Чуский Баван (Сян Юй) — сначала сподвижник, а потом конкурент ханьского Лю Бана. Приведенная поговорка означает критическое, безвыходное положение.

УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА

Полное название «Виночерпий Сюй, воспользовавшись суматохой, крадет невесту; Чжэнь по имени Жемчужина в Бутоне подает жалобу, с помощью которой решается старое дело». — Ли и Мэнчу. Эркэ пайань цзинци. Повесть № 25.

¹ Синь Цзясюань — знаменитый сунский поэт Синь Цинци (1140—1207), которого современники считали человеком свободолюбивым и смелым.

² Город Аньци находится в современной провинции Чжэцзян. В былые времена он был центром крупного округа.

³ Согласно традициям каждый человек мог иметь несколько имен, одно из которых было детское, или молочное, часто имевшее благопожелательное значение. В данном случае Жуйгу означало Благовещая Дева.

⁴ Сучжоу — крупный торговый и культурный центр в Восточном Китае (в Южноречье). Подобно Хаичжоу он относился к числу красивейших городов страны.

⁵ Гора Тайшань — здесь образное наименование отца невесты.

⁶ Обряд цветных свечей — свадебный обряд, во время которого в комнате новобрачных зажигали красные свечи.

⁷ Желтая пыль — буддийское название земной юдоли — суетный, бренный мир. Пыль по буддийским верованиям — тот чувственный мир, который окружает человека и который способен разрушить его естество.

⁸ Ступу, т. е. многоярусную пагоду (Футу, или Фода — букв. Башня Будды) в честь Будды воздвигали для того, чтобы освободиться от грехов или хотя бы сократить их число.

⁹ Амитофо — возглас-обращение к будде Амитаба.

¹⁰ Если преступник не признавался, судья через пять дней назначал новую, более жестокую пытку.

¹¹ Ханьгу-тесина (Ханьгугуань) — глубокое ущелье, расположенное в провинции Хэнань, где издавна находилась застава, преграждавшая путь кочевникам.

СОЖЖЕНИЕ ХРАМА ДРАГОЦЕННОГО ЛОТОСА

Полное название «Правитель Вап сжигает храм Драгоценного Лотоса». — Фэн Мэнлуи. Синши хэпъянь. Повесть № 39.

¹ Деревянный сосуд с дщицами применялся в гадательной практике. В этот цилиндрический сосуд помещали тонкие дощечки, на которые наносились иероглифы или цифры. Сосуд полагалось тряссти, пока из него не выпадет дощечка. Номер и знак на ней соответствовали определенному заклинанию в гадательной книге. Подобный способ гадания широко распространен и сейчас среди некоторых групп населения Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

² «Лotosовая сутра» — «Фахуанзин», или «Мяофа лянхуа цзин» — одна из священных книг буддистов, содержащая буддийские заповеди и обеты.

³ У китайских буддистов Западное Небо обычно связывалось с понятием инобития. В народных верованиях Запад ассоциировался с потусторонним миром.

⁴ Горные Врата (или Врата Пустоты) — образное название буддийского храма.

⁵ Государыня Люй — жена Лю Бана, основателя династии Хань.

⁶ Ушедший из мира (букв. «ушедший из семьи») — одно из названий буддийского монаха.

⁷ Корни и ветви — обозначение основного и второстепенного в природе и обществе, одно из важных понятий социального-экономического учения в старом Китае.

⁸ Алохань (санскр. архат) — сподвижник Будды, достигший высокой ступени святости, но еще не ставший бодисатвой. Обычно речь идет о восемнадцати алоханях — ближайших учениках Будды.

⁹ Хуанлянь — растение, корневище которого используется в народной медицине.

¹⁰ В провинции Фуцзянь, о которой здесь идет речь, проживали не только собственно китайцы (хэпцы), но и многие некитайские племена.

¹¹ С понятием «Чистая Земля» связано буддийское представление о крае радости и блаженства. Так же называется одна из распространенных буддийских сект, существовавших в средневековье.

¹² Цянь — десятая доля лян (т. е. около 4 г). В разные эпохи величина этой меры веса была различной.

¹³ Боломи — плод тропического индийского дерева, желтоватый, по форме напоминающий тыкву или дыню, кисловатый на вкус и ароматный, он немного походит на ананас. У буддистов плод боломи часто связывали со счастливыми явлениями.

¹⁴ Согласно буддийским летописям, бодисатва Дипзан дал обет освободить души грешников из ада. Нередко Дипзана называли Наставником (Главою) Темного мира (Юмин Цючжу).

¹⁵ Реки Вэйшуй и Цзиншуй, текущие в провинциях Ганьсу и Шэньси, имеют разный цвет воды. В реке Цзин вода чистая, в реке Вэй — мутная.

ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ

Полное название «Повесть о том, как гадательное искусство Юаня задело знатного вельможу, а скрытые заслуги молодого Чжэна помогли ему получить наследственную должность». — Ли и Мэнчу. Чжэ найань цзинци. Повесть № 21.

¹ Янь — древнее княжество, расположенное на территории нынешней провинции Хэбэй, условное название этой же провинции.

² У — крупное царство в Восточном Китае. Позднее У обозначало район в нижнем течении Япцзы: провинции Цзянсу, Цзянси, Чжэцзин.

³ В китайском тексте говорится о тринадцатиструнном музыкальном инструменте *чжу* (вид цитры), на котором играли с помощью бамбуковой палочки.

⁴ Обе строки говорят о неожиданности, непредвиденности. В данном случае это относится к неожиданным находкам и тем непредвиденным результатам, к которым они привели.

⁵ Гора Тайшань в художественных текстах символизировала нечто величественное и могучее. В данном четверостишии она сопоставляется с высокими качествами благородного мужа — *цзюньцзы*, о чем говорится в тексте.

⁶ Танский император Дэцзун правил с 780 по 805 г.

⁷ Проникнуть в тайны Девяти Капонов и Трех Историй — означает постичь конфуцианскую премудрость. Под Девятью Капонами обычно подразумеваются китайское Четверокишия («Беседы и суждения» Конфуция — «Лунъюй»; книга философа Мэнкэ — «Мэнцзы»; «Великое учение» — «Дасюэ»; «Учение о Середине» — «Чжунъюн») и Пятикнижие («Книга Песен» — «Шицзин»; «Книга Историй» — «Шуцзин»; «Книга Перемен» — «Ицзин»; «Записки о Ритуалах» — «Лицзи»; летопись «Весны и Осени» — «Чуньцю»). Три Истории — это обычно «Исторические записки» Сыма Цяня, «Книга о династии Хань» Бань Гу и «Книга о династии Поздняя Хань» Фань Е.

⁸ Великое Училище (Тайсюэ) — привилегированное учебное заведение для конфуцианских книжников. Чаще оно называлось Училищем Сынов Отечества (Гоцзыцзянь).

⁹ Округ Цайчжоу расположен на территории нынешней провинции Хэнань.

¹⁰ По старым китайским представлениям, Небо состояло из девяти сфер, или секторов, отчего и произошло понятие Девяти Небес, широко распространенное в учении китайских буддистов и даосов.

¹¹ В древности солнце представлялось китайцам в виде золотого ворона.

¹² У Даоцзы — знаменитый тапский художник, которого за его необыкновенный талант нередко называли Мудрецом Живописи. Он прославился изображением буддийских подвижников и картинами в жанре «горы и воды» (*шаньшуй хуа*).

¹³ История Пэй Ду так рассказывается в одной из повестей Фэн Мэнлуна: гадатель по линиям лица предсказал Пэйю смерть от голода; вскоре Пэй нашел три драгоценных пояса; он отдал их владельцу, и линии лица его мгновенно изменились (сборник «Гуцзинь сяошо», повесть № 9).

¹⁴ Государь Юнлэ династии Мин царствовал с 1403 по 1424 г. (Юнлэ — девиз правления, означает Вечная Радость). Князем Янем его звали до того, как он стал государем. По-смертное имя этого императора — Чэнцзу.

¹⁵ Булаи — административная должность — начальник крупного ведомства.

¹⁶ Иноходец Дилу — кличка коня, на котором ездил один из героев эпохи Трех Царств — Лю Бэй. По преданиям, конь был крайне поровист и причинял большие беспокойства хозяину.

¹⁷ Тан Цзюй — известный физиогномист, живший в эпоху Борющихся Царств в удельном княжестве Лян. Философ Сюньцзы писал о том, что этот гадатель по внешнему виду человека мог безошибочно определить грядущую судьбу.

¹⁸ Сюй Фу — предсказательница, жившая в эпоху Хань. За удивительное мастерство ее прозвали Святой предсказательницей.

СВАДЕБНЫЕ ПЕРЕДРЯГИ ХАНЬ ЦЗЫВЭНЯ

Полное название «Сюдай Хань, воспользовавшись слухами, нашел себе прелестную жену; правитель У, пожалев талантливого ученого, устроил его брак». — Л и н М э н ч у. Чукэ пайань цзини. Повесть № 10.

¹ Пятицветная грамота — грамота на должность. Карета о семи ароматах — поэтический образ богатого экипажа, принадлежащего вельможе.

² Вэй Гао, человека большого дарования, выбрал в мужья для своей дочери высокопоставленный чиновник Чжап Яньшан, живший в эпоху Тан. Однако суждения будущего зятя не понравились саповнику, и он решил отказать жениху, о чем впоследствии пришлось пожалеть, так как Вэй Гао не только получил высокий пост, но и сменил самого Чжапа на его чиновной должности.

³ Люй Мэнчжэн — талантливый бедный ученый, живший в эпоху Сун. Люй стал зятем знатного вельможи Лю, но чем-то не угодил ему и был изгнан из дома вместе с женой. После долгих скитаний и жизненных невзгод Люй получил почетный титул чжуаньюаня — первейшего на экзаменах в столице и занял высокую должность.

⁴ Дафу (букв. «большой муж») — придворный, рангом ниже должности цина — министра двора. Дафу подразделялись на три категории: верхний дафу, средний и нижний.

⁵ Имеется в виду история, которая рассказывается в одной из танских повел («Чужеземец с курчавой бородой» Ду Гуанпина). Под «красным онахалом» подразумевается известная певичка Чжап, жившая у суйского вельможи Ян Су. Певичка

убежала от вельможи к бедному ученому Ли Цзину, который впоследствии стал вэйским князем.

⁶ Эра Истинной Добродетели (Чжэндэ) — годы правления минского императора Уцзуна (1506—1521).

⁷ Цзыцзянь — великий поэт раннего средневековья Цао Чжи (192—232), один из поэтической плеяды Цао, сын полководца Цао Цао. Нередко имя Цзыцзянь употреблялось как образ талантливое человека.

⁸ Пань Ань, или Пань Аньжэнь — известный поэт Пань Юэ, знаменитый красавец, живший во времена династии Цзинь (247—300). Его имя стало символом мужской красоты.

⁹ Выражение восходит к сочинению философа Чжуанцзы, который писал о мудреце Хуэйши, отличавшемся огромными знаниями, почерпнутыми из многочисленных книг, которые он возил на нескольких повозках.

¹⁰ Дерево кассии символизировало успехи на ученой стезе.

¹¹ Выражение восходит к «Книге Песен» — в одном из стихов говорится о молодом человеке из училища, который срывает листья кресса у пруда. Впоследствии это выражение стало означать приобщение к ученой степени сюэя.

¹² Праздник Начала Лета (Дуанью) отмечается 5-го числа 5-й луны по лунному календарю. Этот праздник нередко связывается с днем гибели великого поэта древности Цюй Юаня, который покончил с собой, бросившись в реку.

¹³ Шкатулка для посещений — специальная коробка, в которую клались визитные карточки, дары, разного рода благопожелания.

¹⁴ В старом Китае существовала сложная система государственных экзаменов, которые состояли из многих («годовых») туров. Здесь имеются в виду предварительные, или отборочные, испытания, после которых в столице сдавались основные экзамены (или Большие испытания) на ученую степень цзюйжэня или цзиньши.

¹⁵ Муэр — грибы, растущие на стволах гнилых деревьев.

¹⁶ Здесь «дорога» имеет иносказательный смысл: «ученая дорога», «ученая стезя».

¹⁷ Фу — букв. «богач».

¹⁸ Тушэн (букв. «отрок-студент») — одно из названий учащихся-книжников, которые готовили себя для получения первой ученой степени.

¹⁹ Восьмичленное сочинение (*багу*) — основной вид экзаменационных сочинений, писалось на экзаменах почти всех степеней. Оно состояло из обязательных восьми частей, из которых каждая представляла собой развитие определенного тезиса. Сочинение в целом являлось своего рода иллюстрацией канонического изречения или конфуцианской морально-этической темы.

²⁰ Иероглиф, означающий слово «поток» (*чуань*), состоит из трех вертикальных черт (образ текущей воды). В перевернутом виде он напоминает иероглиф «три», состоящий из трех горизонтальных линий. При помощи этого иероглифического намека автор выражает мысль о том, что Хань занял третье место на экзаменах.

²¹ *Цы* — один из основных стихотворных жанров в китайской поэзии. Стих *цы* был тесно связан с музыкой, и его размер был более свободен, чем регулярный пяти- или семи-сложный стих — *ши*.

²² Линьшэны-стипендиаты — студенты, которые заслужили стипендию.

²³ Гуншэп — сюдаи, которого местные власти рекомендовали для прохождения наук в Училище Сынов Отечества (Гоцзыцзянь).

²⁴ Те, кто удостаивались высокой ученой степени, получали яркую одежду и цветы, которыми они себя украшали.

²⁵ Эра Счастливого Успокоения (Цзяцзин) — годы правления минского императора Шицзуна: 1522—1566 г.

²⁶ Образ красоты, которая рушит города и страны, встречается в «Книге Песен», а потом был развит в «Книге о династии Хань», где есть фраза: «На севере живет красавица, поразительна и несравненна. Взглянет раз — рушатся стены, посмотрит другой — рушатся страны».

²⁷ Шэньши — местные землевладельцы, часто обладавшие ученой степенью и занимавшие административную должность в провинции.

²⁸ Имеются в виду шесть основных церемоний, которые совершались в связи со свадебным обрядом. Они включали Подношение сговорных даров (*нацай*), Спрашивание имени (*вэньмин*), Второе подношение даров (*нацзи* — букв. «подношение узоров»), Подношение брачного свидетельства (*начжэнь*), Уговор о сроках свадьбы (*цинци*), Встреча невесты (*цинбин*). Без свершения этих ритуалов свадьба считалась недействительной.

²⁹ Имеются в виду училища в области (*фусюэ*), в округе (*чжосюэ*) и в уезде (*сяньсюэ*).

³⁰ Заячья нить, или нить новилики (новилика — *ту* и заяц *ту* по-китайски звучат одинаково) — означает брачную связь. Заяц в Китае ассоциировался с луной, а луна — с Лунным старцем, который соединял судьбы людей.

³¹ Сюлан — образ жениха, возлюбленного, который часто встречается в поэзии.

³² Выражение «Желу потерял и солдат не собрал» восходит к эпосе «Троецарствие», где есть рассказ о неудаче, постигшей полководца Чжоу Юя во время одной из военных кампаний вопреки тщательно разработанному им плану.

³³ Официальным экзаменам на степень цзюйжэня, цзиньши предшествовали предварительные, или отборочные, испытания.

³⁴ Осенние испытания — экзамены в главном городе провинции (*сянши*), которые обычно проходили в восьмую луну. Весенние экзамены (*хуэйши*) — экзамены в столице, проходившие раз в три года. Столичными экзаменами завершался сложный цикл государственных экзаменов, после их успешной сдачи человек получал высшую ученую степень цзиньши.

ОПРОМЕТЧИВАЯ ШУТКА

Полное название «Старый хозяин Тао в дождь принимал гостей. Цзян Чжэньцинь случайной шуткой приобрел себе жеману». — Ли и Мэйчю. Чжэ пайань цзини. Повесть № 12.

¹ Годы Высокого Успокоения (Чунини) — один из девизов правления императора династии Северная Сун Хуэйцзун (1102—1106).

² Дымные цветы — образное наименование певичек.

³ Угуй — содержатель или прислужник притона.

⁴ Эра Завершенного Преобразования (Чэнхуа) — годы правления Сяньцзуна — императора династии Мин (1465—1487).

⁵ Шаосин — крупный торговый и культурный центр в провинции Чжэцзян. Его окрестности славятся достопримечательностями.

⁶ В Сясише (или Силине) — крупном селении провинции Чжэцзян — занимали лодку, которая за ночь доставляла путников в Шаосин.

⁷ Беседка Ланьтин находилась в юго-западной части уезда Шаосин. Как говорят исторические книги, здесь любил останавливаться знаменитый каллиграф Ван Сичжи, живший во времена династии Цзинь.

⁸ Пещера Юя находилась в горах Гуйцзиньшань. Легенды рассказывают, что мифический государь Юй хранил здесь свои книги.

⁹ Горы Цзишань расположены в северо-восточной части Шаосинского уезда. Известны тем, что в этих горах жил каллиграф Ван Сичжи.

¹⁰ Зеркальное озеро находилось в южной части Шаосинского уезда и славилось как достопримечательность. Однако вскоре после династии Сун озеро постепенно высохло, и место это заросло травой.

¹¹ В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится о вельможе Чжан Ляне, жившем в эпоху Цинь («Жизнеописание рода князя Лю»). Однажды он на мосту через реку встретил незнакомого старца, который подарил ему книгу под названием «Военный трактат Тай-гуна». Старец объяснил, что с помощью этой книги Чжан станет знаменитым человеком, как вскоре и случилось, когда Чжан получил должность советника Лю Бао.

¹² В смутные годы династии Цинь в горах Шаншань укрылись четыре мудреца, ставшие знаменитыми отшельниками. Ханьский государь Гаоцзу пытался призвать Четырех Седовласых (как их прозвали современники) ко двору, однако это ему не сразу удалось. Только благодаря ловкости советника Чжан Ляна, который в это время имел большое влияние, он сумел осуществить свой план. Приглашение старцев ко двору было вызвано сложными коллизиями в деле о престолонаследии.

¹³ «Вольные истории с Западной горы Дровосека» («Сицзяо сецзи») — собрание полуисторических, полуволшебных рассказов, составленное литератором Чжу Чжишанем.

¹⁴ Юаньская драма — название жанра драматургических произведений, распространенных в период династии Юань (XIII—XIV вв.). Наиболее известные драматурги, создавшие произведения этого жанра, — Гуань Ханьцзи, Ма Чжиюань, Ван Шу.

¹⁵ История о цирюльнице Сюй Да излагается в книге Ли Мэнчу «Эркэ пайань цзинци» (повесть № 25). Повесть с этим сюжетом помещена в настоящей книге под названием «Украденная невеста».

ЛЮБОВНЫЕ ИГРИЩА ВЭНЬЖЕНЯ

Полное название «Сюдай Вэньжэнь занимается любовными битвами в Обители Плывающей Бирюзы; монахиня Цзингуань переулке под парчовым пологом в доме, что в Желтопесочном переулке». — Ли Мэнчу. Чуэкэ пайань цзинци. Повесть № 34.

¹ Выражение «Власами они соединились» означает супружеский союз, фразеологизм «Пищу подносили на уровне бровей» передает почтительные отношения супругов. Он взят из «Книги о Поздней Хань». Там рассказывается история Лян Хуна и его жены, которые относились друг к другу с большим уважением и любовью. Когда, например, жена подносила мужу тарелку с пищей, она держала ее на уровне бровей, выражая тем самым свое почтение.

² Волшебные персики росли в легендарном саду богини Запада Сиванму — в данном случае намек на то, что брачные союзы определяются на небесах.

³ Куньлунский раб — персонаж танской новеллы Дуань Чанши. В ней рассказывается о некоем удалце Моля по прозвищу Куньлунский раб, который помог своему господину — молодому военачальнику Цуйшэну добыть прекрасную наложницу сановника Ипиня.

⁴ В «Жизнеописании Хо Сяоюй» танского литератора Цзян Фана говорится о красавице-певичке Хо, которая полюбила молодого цзиньши Ли И. Однако Ли бросил ее. Красавица от тяжелых переживаний заболела. Через некоторое время некий Гость в Желтом Халате насильно привел Ли к певичке, но эта встреча оказалась последней, так как вскоре красавица Хо умерла.

⁵ Письмоводитель Сюй — персонаж танской новеллы Сюй Яоцзо «Жизнеописание Лю»; он помог ученому Ханю пойти свою возлюбленную Лю в стане полководца-иноземца Шачжали.

⁶ Имеется в виду Общество Белого Лотоса — одна из тайных сект, распространенных в средневековом Китае. В учении этих сект причудливо переплетались буддийская проповедь спасения, даосская идея о достижении бессмертия и народные верования. В число способов достижения бессмертия входила и сексуальная практика, так что власти, жестоко преследовавшие членов тайных сект, нередко среди прочих обвинений выдвигали и обвинение в разврате.

⁷ Имеются в виду три города местности У (Восточный Китай) — Сучжоу, Чапчжоу, Хучжоу.

⁸ Гуаньинь, входящая за полог — эротический намек.

⁹ Эра Обширного Благодеяния (Хунси) — один год правления императора Жэньцзуна: 1425 г.

¹⁰ В одном из рассказов сунской антологии «Обширные записи годов Великого Мира» («Тайпин гуанцзи») говорится об ученом Фэн Шэ, к которому ночью явилась пебожительница. Она стала домогаться его любви, однако Фэн Шэ отверг ее четырежды, пока фея от него не отступилась.

¹¹ Существовала притча об одиноком мужчине из Лу, к которому однажды ночью кто-то постучал в дверь. Оказалось, что это красавица вдова, просившая поцелуя. Однако хозяин не пустил ее, подозревая в нечистых помыслах. Луский молодец, или Луский мужчина — Лу Нань стало нарицательным именем, обозначая женоненавистника.

¹² Иероглиф «восемь» изображается в виде двух черт, наклоненных друг к другу своими верхними частями.

¹³ В одной из старых историй говорится о некоей красавице Цзяу, которая украла у своего отца редкие благовония, чтобы приворожить возлюбленного.

¹⁴ Сиши — знаменитая красавица древности. В одной из легенд говорится, что она была дочерью дровосека. О ее несравненной красоте прослышал правитель царства Юэ по имени Гоу Цзянь и решил подарить Сиши своему политическому противнику — государю У. Правитель У, увлекшись красавицей, забросил дела и вскоре был разгромлен.

¹⁵ Здесь назван известный мужской монастырь.

¹⁶ Слуга употребил китайское слово *луаньдайгоу*, которое можно понимать двояко: как «голова смутного времени» и как «мешочек с яичками».

¹⁷ Праздник Проведания Нити в Иглу люди молили богов о том, чтобы те даровали им разные умения и искусства (это называлось «просить умения» — *ци цяо*). Этот Праздник Двойной Семерки (как его еще называют) связан с известной легендой о небесной фее Ткачихе и Пастухе, которые стали мужем и женой, но были разлучены по воле богини Сиванму. Потом, однако, Сиванму смилостивилась и разрешила им встречаться раз в год на мосту, перекинутом через Млечный Путь сорокамп.

¹⁸ Праздник Чаши Юйлань (Юйланьхуэй, или Юйлань пэнхуэй) — буддийское торжество, происходившее в 15-й день 7-й луны. Этот праздник связан с историей верного последователя будды Шакьямуни — праведного отрока Муляня. С чашей для подаяний он отправился в ад искать свою мать, которая за нарушение буддийского запрета не есть мясной пищи попала в один из страшных его отделов — круг Голодных Духов. Мулянь, претерпев суровые испытания, наконец добрался до ада и попросил Будду спасти его мать. Божество дало ему священную сутру «Юйлань пэнцзин» и повелело 15-го числа 7-й луны совершать торжественный молебен. В этот день (иначе он называется Днем Умилостивления Голодных Духов) богомольцы делают подношения духам, молятся за усопших, и особенно за души бесприютные.

¹⁹ Имеется в виду сюжет минской пьесы Гао Ляня под названием «Нефритовая шпилька», в которой рассказывается похожая история о двух влюбленных.

²⁰ В буддийских храмах подле изображения богини Гуаньинь нередко можно видеть фигуру ее прислужника — прекрасного отрока Шаньцай. По буддийским легендам, Шаньцай (санскр. Sudhana) — знатный индийский юноша, который посетил 53 святых будды, чтобы услышать их проповеди.

²¹ Книга одногодков — особый реестр, куда заносились сведения о всех сдавших экзамены в один год.

СОДЕРЖАНИЕ

СЮЦАЙ В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ	5
СУДЬЯ СЮЙ ВИДИТ СОН-ЗАГАДКУ	33
СОЮЗ ДРАКОНА И ТИГРА	70
ЧЕЛОВЕЧЬЯ НОГА	111
УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА	132
СОЖЖЕНИЕ ХРАМА ДРАГОЦЕННОГО ЛОТОСА	155
ВОЗВРАЩЕННАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ	179
СВАДЕБНЫЕ ПЕРЕДРЯГИ ХАНЬ ЦЗЫВЭНЯ	200
ОПРОМЕТЧИВАЯ ШУТКА	227
ЛЮБОВНЫЕ ИГРИЩА ВЭНЬЖЭНЯ	247
КОММЕНТАРИИ	284

**В64 Возвращенная драгоценность. Китайские по-
вести XVII века. Пер., предисл. и коммент. Д. Н.
Воскресенского. М., Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1982.**

302 с.

Книга продолжает публикацию произведений одного из ведущих жанров средневековой китайской словесности — городских повестей из знаменитых сборников, составленных в XVII в. Фэн Мэнлуном и Лин Мэнчу. Все повести переведены на русский язык впервые.

В $\frac{4703000000-002}{013(02)-82}$ 193-82.

СИ(Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

ВОЗВРАЩЕННАЯ
ДРАГОЦЕННОСТЬ

Китайские повести XVII века

Редактор *О. С. Ривкина*
Младший редактор *Г. А. Бузова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Художник *Н. И. Крылов*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14561

Сдано в набор 23.04.81. Подписано к печати 20.10.81. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,27. Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4733. Зак. № 1171. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16